ЛИДИЯ ДАВЫДОВА

ОДНАЖДЫ В ЛИГУРИИ

РЕЦЕПТЫ ГЕДОНИСТА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уметь видеть прекрасное в каждом мгновении – великий дар, который мы за пеленой повседневных дел игнорируем. Давно ли вы слушали пение птиц в парке по соседству? А помните, как пахнет лес после дождя? Как морская волна играет отполированной галькой, перекатывая ее как леденцы во рту. Помните, какими красками вчера играл закат? Эти моменты остаются утраченными, хотя именно они делают нашу жизнь полной: уютная мягкость кашемирового шарфа и запах свежесмолотого кофе – в жару он не такой, как в мороз, чай из ЛЮБИМОЙ чашки – это и есть гедонизм. Новый роман Лидии Давыдовой не просто повествование об еще одной героине, что ищет свою судьбу в Италии. Это настоящее руководство к действию, как сделать свою жизнь наполненной силой момента и получать удовольствие от каждого проживаемого дня.

- Лидия Давыдова
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
    - ■
    - ■ Рецепт супа баньюн (zuppa bagnun)
  - ○ Глава 6
    - ■
    - ■ А вот как делала Магда песто (pesto):
  - ○ Глава 7
  - ○ Глава 8
    - ■
    - ■ Рецепт традиционной focaccia
  - ○ Глава 9
  - ○ Глава 10
    - ■
    - ■ Рецепт дорады по-лигурийски с лигурийскими оливками,
  - ○ Глава 11

- Глава 12
- Глава 13
  -
  - Рецепт пансотти (pansotti) с ореховым соусом
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
  -
  - Овощная запеканка по-лигурийски (polpettone alla ligure di patate e fagiolini)
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
  -
  - Рецепт «Каппон Магро» (Cappon Magro)
- Глава 23
  -
  - Десерт – молочный пудинг
- Благодарности
-

Лидия Давыдова
Однажды в Лигурии. Рецепты гедониста

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Дорогие читатели! Перед вами книга, в которой вы не просто отправитесь к Лигурийскому побережью, а совершите путешествие к тонкому чувствованию мира.

Моя героиня Саша живет «на автомате»: офис – дом – офис… Ее не покидает ощущение, что реальность сжалась до размеров съемной квартиры. Но рабочая поездка в Италию все меняет. Страница за страницей Саша начинает чувствовать мир на кончиках пальцев.

Именно тогда, когда душа Саши наполняется до краев впечатлениями и выливается через край, происходит ее творческое Возрождение. Ведь то, как мы творим, всегда зависит от того, как мы чувствуем жизнь.

Я надеюсь, что эта история подарит вам несколько часов хорошего настроения.

* * *

«Не приниматься за работу, пока не выпьешь чашечку кофе, щурясь на солнце. Свернуть с привычного маршрута и подойти к цветущему дереву, зарывшись в его ветвях. Потратить целый день, готовя роскошный ужин для друзей по рецепту итальянской синьоры. Новая книга Лидии Давыдовой учит наслаждаться жизнью, не испытывая за это чувства вины. И не важно, где вы – в лимонной роще на Лигурийском побережье или у себя дома: каждый может придумать для себя личные правила гедонизма».

ВЕРОНИКА КУЗНЕЦОВА,

шеф-редактор журнала ITALIA – Made in Italy

* * *

Памяти моей бабушки Лидии посвящается

Всё было идеально. Нежное розовое небо. Белый парус, приколотый булавкой к морской синеве. Ветерок. Пиния. Белое вино, ставшее розовым в свете уходящего солнца.

– Ты напряжена… в чем дело?

– Я знаю, что за хорошим всегда следует плохое, за радостью – болезнь, за счастьем – несчастье. За всё хорошее придется расплатиться чем-то еще.

– Не знаю, кто внушил тебе этот вздор, я вот только и делаю, что наслаждаюсь жизнью…

Глава 1

За окном горели фонари. Саша, склонив голову и высунув язык, пыхтела над анализом рынка. Таблетки от головной боли. Посмотрим. Рынок большой, голова у людей болит частенько. Возраст, социальный статус, география, семейное положение. Матрицы и схемы. Ничего, что она копирайтер и аналитика в ее обязанности не входит. «Наши работники – универсальные солдаты», – любит повторять начальник.

Раздался звонок.

– Ты что, еще в офисе? Мы стоим перед кинотеатром, ждем тебя, – звонкий голос подруги Любы стремительно пронзил ухо и запрыгал внутри мячиком.

Саша хлопнула себя по лбу. Начавшаяся головная боль усилилась.

– Черт, я совсем забыла. Мне тут исследование доделать надо…

– Так ведь пятница!

Саша жалобно посмотрела в окно. В телефоне раздавался смех Любы и общего друга Петьки.

– Простите, ребята, давайте без меня, я отдам деньги за билет.

Саша вернулась к анализу. Между таблиц всплыл образ новой коллеги. Высокая, в белом платье. Начальник сильно хвалил ее сегодня, она тоже копирайтер, но ее сразу вовлекли в стратегию. Саша, между прочим, тоже обладает «стратегическим видением».

– Давай-давай, пока не разучишь мелодию, со стула не встанешь, – прозвучало в голове эхо из детства. Саша брякала по клавишам, а за окном дворовые приятели уже играли в казаки-разбойники.

– Смотри, как Наташа хорошо учится, еще и на танцы успевает, всё потому, что усидчивая.

Пятница, вечер. Саша корпит над презентацией. Первые десять страниц готовы. Саша заваривает чай. Переходит к следующим слайдам. Ровные абзацы, ни миллиметра вправо, ни миллиметра влево, и так три слайда. Четкие таблицы на два слайда. Заглавные буквы, шрифт, как любит начальник: Roboto Slab. Чашка кофе и последние два слайда.

В кровать Саша легла в двенадцать ночи, заснула в начале второго. Ворочалась и перебирала в голове недостающие детали. Завтра надо обязательно закончить.

Яйцо вкрутую. Кофе с молоком. Привычный завтрак. Саша не любила готовить и шла проторенными рецептами. Салат –

нарезать помидор, огурец, добавить сметану. Суп – готовая смесь из упаковки. Котлеты из кулинарии на углу.

Позавтракала и начала наводить порядок. Саша наводила порядок каждую субботу. И уборку делала. Тоже по субботам. Семейная традиция, начатая мамой.

Вытерла пыль, сначала тряпка сухая, потом влажная. Пропылесосила. Под диваном – одной насадкой, а там, где просторней, другой. Затем прошлась шваброй. Ванную комнату вымыла быстро, она была крохотной.

Сложила вещи в шкафу, почистила обувь, сходила за покупками. Хлеб, творог, молоко, сметана.

Люба писала сообщения, но Саша делала вид, что ее нет дома. Она сидела за кухонным столом и заканчивала презентацию.

Стол в доме был один. На кухне. В единственной комнате стояли диван-кровать и шкаф. Не то чтобы спать на диване удобно, но она привыкла. Зачем деньги тратить на кровать. Перебьется.

Саша старалась не обращать внимания на веселый субботний гул августовского Питера.

В дверь позвонили.

– Ну и сколько же ты от меня скрываться будешь? – Люба отодвинула легонько Сашу и прошла внутрь. – Вот, держи, купила слойки с яблоками, – протянула пакет она, – в моей любимой итальянской пекарне. Там, правда, они называются не слойки, а как-то по-другому, – подруга задумалась, – сфолья кон чего-то там.

– La sfoglia con la mela, – академическим тоном поправила Саша.

– Ну тебе видней, ты ж лингвист.

– Ой нет, я не буду их.

– А я – да! – заявила Люба и деловито зашла на кухню.

Поставила чайник, выложила слойки на тарелку цветочком и достала две чашки.

– Что у тебя чашки все поколотые какие-то, подарить тебе новые, что ли?

Саша недовольно брякнулась на табурет.

– Я работала вообще-то, – проворчала она.

– Вот скажи мне, дорогая, ради чего ты живешь? – подруга отщипнула кусочек слойки и отправила в рот.

Саша поставила локти на стол и подперла ладонями лицо.

– Ох, опять ты со своими философскими вопросами. Сегодня я живу ради анализа конкурентов, мне надо очень хорошо его сделать.

– Зачем?

Чайник засвистел.

– Потому что, если его не сделаю я, его сделает та новенькая, и у начальника будет веская причина, чтобы меня уволить. По офису ходят слухи о сокращениях.

– Саша, тебе же не нравится твоя работа, говоришь, что тебя тошнит от описания лекарств и что это точно не занятие твоей мечты, – рассуждала Люба, заваривая чай.

– Мечты… не факт, что они приносят счастье.

Подруга неприлично громко втянула в себя чай.

– А работа медицинским копирайтером приносит тебе много счастья?

– Может, счастья и не особо приносит, она мне аренду квартиры приносит. И Кате надо помогать.

Сестра Катя, младше Саши на 17 лет, училась в Варшавском университете. Саша помогала ей платить за квартиру. В Польше цены были не такие уж высокие, и у Саши получалось откладывать кое-какую сумму с каждой своей зарплаты.

– Ну могла бы и подработать твоя Катя, не маленькая уже, – ворчала подруга.

Саша уныло помешивала сахар в чашке.

– Так нельзя, – строго произнесла Люба, – ешь одно и то же, одеваешься в одно и то же, не ходишь с друзьями в кино. Ты вообще довольна своей жизнью?

Саша помотала головой.

– И что, по-твоему, я должна сделать?

Люба подлила Саше чаю.

– Ну хотя бы к психологу сходить, давно тебе предлагала.

– Спасибо, на прошлой неделе сходила, больше не хочется, – нахмурилась Саша.

Через полгода регулярных Любиных уговоров Саша все-таки отправилась к психологу: нашла по рекомендации коллеги. Лысоватый мужчина среднего возраста принимал в неуютном подвальном помещении. Выслушав Сашин монолог о том, что она не чувствует себя счастливой, и задав несколько вопросов, он откинулся на кожаную спинку кресла и тяжело вздохнул.

– М-да, у вас явные проблемы с самооценкой.

Саша робко спросила, как ей быть. Психолог задумался.

– Будем разбираться. Одной сессией тут не обойдешься. Для таких острых хронических ситуаций я рекомендую минимум десять. Ми-ни-мум, – произнес психолог по слогам.

К горлу Саши подкатил комок и внутри больно сжало.

– М-да… надо покопаться, – задумчиво произнес психолог, помечая что-то в блокноте, – хорошенько понять, почему у вас

внутри этот раздрай, эта мерзость, которая не позволяет вам жить в гармонии с собой.

Саша потупила глаза, слово «мерзость» легло на грудь чем-то холодным и противным. Раиса Марковна потерла руки и захихикала. Раиса Марковна приходила каждый раз, когда Сашу критиковали или она сама говорила себе гадости. Раиса, в действительности – преподаватель в универе, захаживала к Саше начиная с первого курса. В отличие от настоящей Раисы Марковны, тучной женщины с белым шиньоном, та, что приходила к Саше, была маленькой, худенькой, но такой же гадкой.

– И не прикидывайтесь дурочкой, не делайте вид, что вы не знали о причинах вашего «несчастья», – добавил психолог и озвучил тариф за десять сессий.

Саша шумно отпила чай.

– Лучше бы я эти деньги на что-то полезное потратила, например, на новые кроссовки.

– Ха! Так это же сигнал Вселенной! – выкрикнула Люба.

– В смысле?

– Ну ты, обесценивающая себя, встретила психолога, который тебя же и обесценил! Ну не комично?

– Не вижу ничего комичного, и вообще, ничего я себя не обесцениваю, – Саша обиженно надула губы.

Подруга погладила Сашу по руке.

– Ну не куксись, Сашуль, я ж любя.

– Нормально я живу, – продолжала бубнить Саша себе под нос.

– Хорошо, пусть будет нормально. Просто ты о себе забыла, а так всё хорошо у тебя, brava, как говорят твои любимые итальянцы. Bravissima!

Глава 2

Саша проснулась в так себе настроении. Из зеркала в тесной ванной смотрело помятое лицо. Брови, широкие, правильной формы. Пожалуй, брови Саша любила больше всего. Нос. Чуть вздернутый вверх, остренький, бабушка называла Сашу «лисичкой». Нет, нос не был курносым, но эта излишняя приподнятость доставляла немало проблем в школе, ее постоянно дразнили «нос задрала». Саша была далека от этого описания, она бы и рада задрать иногда нос, но слишком отчетливо звучало в голове «скромность – главное достоинство».

Губы. Губы как губы. Слегка опущенные вниз уголки придавали лицу меланхоличное настроение. И даже если Саша радовалась, всё равно лицо оставалось печальным. Завершал портрет подбородок, такой же, как и нос, остренький, с небольшой ямочкой в центре.

Саша умыла лицо шампунем, у нее был единственный шампунь для всего: волос, рук, лица и тела. Приняла душ, наляпала по-быстрому крем на руки, этот же крем быстро растерла на лице. Весь небольшой набор уходовой косметики дарила ей Люба, подбирала по типу кожи. Но из всего набора Саша использовала один крем. Для рук.

Она потерла вертикальную черточку между бровей. Складка появилась недавно, у Любы такой не было.

– Это межбровка, я ее скребком тру и на ночь пластырем заклеиваю, напрочь исчезла, – деловито разъяснила Люба и подарила Саше такой же скребок Гуаша, который Саша благополучно разбила в первый же день.

Саша натянула серое платье-халат.

– Ты всегда в одном и том же, – дразнила ее Люба.

– Оно не то же, просто цвет похож. Я покупаю всегда сразу пять платьев, пять рубашек, пять пар обуви, чтобы не мучиться потом.

– Это же так прикольно – выбирать наряды.

– Мне не прикольно, для меня это трата времени.

Саша нырнула в метро. Два подкаста – и она в офисе.

Утром отослала начальнику анализ рынка, поработала над описанием лекарства от тошноты. Саша запустила руки в волосы, пытаясь подобрать альтернативу слову «мутит». Она смотрела в экран компьютера, а видела себя подростком, сидящей у огромного бабушкиного стеллажа с книгами. Эх, с каким бы удовольствием она читала сейчас те любимые тексты…

– Саша, мы идем обедать, а ты?

Она очнулась и посмотрела на часы.

– У меня бутерброды, спасибо.

Из кабинета вышел начальник и попросил зайти.

– Хороший анализ, Саша, ты молодец.

Начальник расстегнул пиджак и, тяжело вздохнув, сел в кресло.

– Извини, угостить особо нечем, разве что могу таблетку дать, если у тебя голова болит.

Саша кисло улыбнулась.

– Пока не болит.

Начальник прокашлялся, сложил руки на груди, посмотрел исподлобья.

– Короче, этот клиент, – он кинул взгляд на таблетки от головной боли, – ушел к конкурентам. – И этот, – показал он в сторону микстуры от кашля. – В общем, надо мне сократить кое-кого, – он опять прокашлялся.

Что-то внутри Саши оборвалось, ладошки вспотели. Начальник виновато спрятал глаза.

– Прости… Уходить можешь уже завтра, я до конца месяца заплачу, ну а там… надеюсь, что ты быстро найдешь работу… Ты хороший копирайтер, просто у нас их три, и я не могу платить трем копирайтерам, к тому же «головная боль» и «кашель» были твоими клиентами.

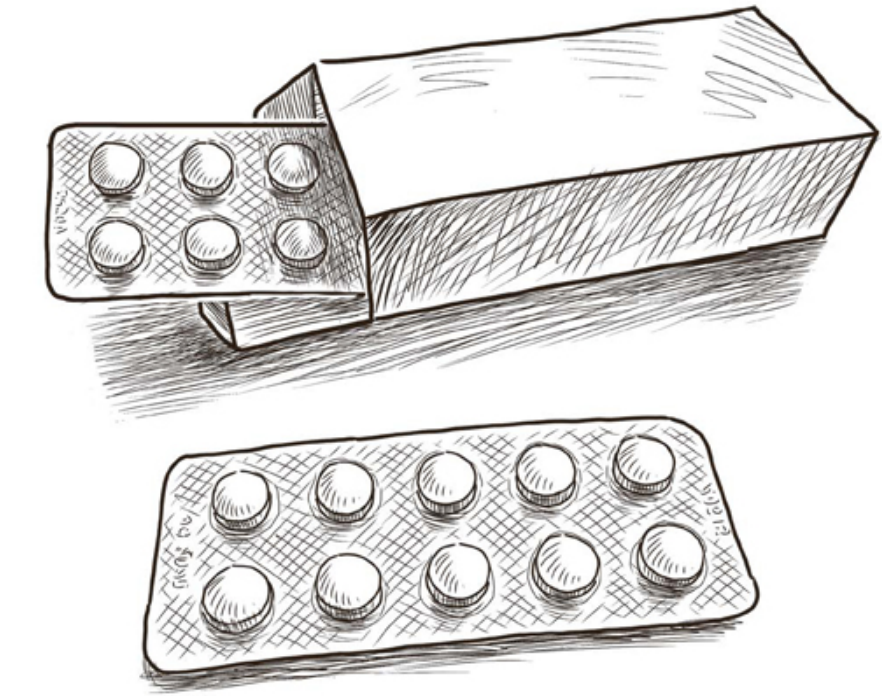
Домой возвращалась пешком, выбрала какую-то дурацкую дорогу через стройку. Старые кроссовки сдавливали, казалось, вот-вот большие пальцы вылезут наружу. Голова раскалывалась. Надо было и правда взять таблеток впрок.

Придя домой, Саша поставила чайник и плюхнулась на кухонный табурет, подарок бывшего, Жени. Времени он ей не особо уделял, слов нежных не говорил, подарков не делал. Забывал поздравить с днем рождения.

– Ничего страшного, – говорила она себе.

Женя ее любил делами. Например, смастерил табурет, твердый и жесткий, но в хозяйстве пригодится. И полку прибил.

– Зато не пьет, – прокомментировала мама, – и вообще, чего ты хочешь, не то чтобы ты была звездой, да и возраст уже как-никак.



Саша стучала пальцами по столу и внимательно смотрела в смартфон на открытое приложение банка. Денег хватит на два месяца аренды, а потом всё.

«Меня уволили», – написала Саша в семейном чате.

Мама тотчас же перезвонила.

– А что ты такого сделала?

Саша постучала по столу сильней. Вечно обвиняющий назидательный тон.

– Ничего не сделала, клиент ушел, и я попала под сокращение.

– А как же Катя… – пробормотала мама.

То есть, как Саша, никому не интересно.

– Ну найдет себе подработку, не маленькая уже, 19 лет.

– Там же другая страна, она не знает языка, ох, беда. А как же с работой сейчас? Не найдешь ведь так быстро…

– Ладно, мам, как-нибудь разберусь.

Саша вздохнула, взяла с подоконника бабушкину фотографию и нежно погладила. Как бы она хотела сейчас положить ей на колени голову, и чтобы бабушка долго-долго ее гладила, а потом Саша, убаюканная бабушкиными ласками и сказками, легла бы на диван рядом. Бабушка накрыла бы ее мягким покрывалом, потому что во сне, любила повторять она, тело теряет тепло.

Саша сжала в руках бабушкину чашку, сколотую со всех сторон.

Утром проснулась от дикой головной боли. Нос заложило, горло болело. Саша встала, но тотчас легла, по всему телу бегала мелкая дрожь. Холодной змейкой дрожь заползла за ворот рубашки и добралась до пяток. Стало еще холодней…

– Бррр… – Саша забралась под одеяло.

– Психосоматика, – резюмировала Люба, – заеду после работы, привезу тебе бульон. Спи пока.

Саша полезла в сумку, взяла какие-то таблетки, выпила и заснула. Во сне она носилась по длинным комнатам. Добегала до конца, дергала ручку, но дверь оказывалась заперта. Саша стучала кулаками, ногами, но никто не открывал. Она видела поворот, такую же длинную комнату слева. И опять то же самое, она добегала до конца и билась в закрытую дверь. Не хватало воздуха. Запыхавшаяся, она носилась но нескончаемым душным лабиринтам без входа и выхода…

Проснулась в поту, в дверь кто-то стучал. Она еле поднялась и, шатаясь, направилась в прихожую.

– Ну и лицо у тебя, видно, что совсем плохо. – Люба быстро ринулась в ванную, вымыла руки и начала хлопотать на кухне. – Саш, иди ложись, ты совсем никакая.

Подруга вернулась с тарелкой, подоткнула Саше подушку и начала ее кормить.

– Ложечку за маму…

Саша скривилась.

– Ну ладно, не хочешь за маму, давай за меня.

– Меня уволили. – Саша отпила глоток и поморщилась, очень болело горло. – Я так и знала, дали работу той новенькой, ее взяли, меня уволили.

– А как они это объяснили?

– Сказали, что клиенты, для которых я делала тексты, ушли, и бюджета на мое содержание нет.

Саша запустила руки в короткие волосы и потрясла головой.

– Я вся в долгах, за квартиру этот месяц заплачу, а дальше не знаю, помощи ждать не от кого. Написала друзьям, они у конкурентов работают, ответили, что сами на волоске держатся.

Саша съела еще ложку и поморщилась.

– Дикая боль…

Люба нежно погладила Сашу по голове и посмотрела на нее своими карими бархатными глазами.

У Саши глаза были серыми, и ей всегда казалось, что это самый некрасивый цвет на свете. В детстве у Саши была кукла Катя, немецкая, с белыми волосами, большими карими глазами и милым ротиком. Для Саши Катя была самой красивой на свете, и она несколько раз спрашивала у мамы, можно ли со временем поменять цвет ее глаз на куклин.

– Нет, конечно, какой дали, такой и есть. Не самый удачный, но что сделать, – объяснила мама.

– Ты такая красивая, Любаша… – прошептала Саша.

– Сашулечка, и ты красивая… – Люба убрала в хвост свои золотые, нежно струящиеся волосы.

– Нет, я какая-то несуразная, и вся жизнь моя какая-то сложная, всклокоченная, как мои волосы.

Волосы у Саши и правда торчали в разные стороны.

– А я люблю твою шевелюру, – подруга потрепала ее по голове, – и тебя люблю, моя Сашуля.

Она сильно обняла Сашу, а та, уткнувшись в ее руку, закрыла глаза.

– Что, правда любишь?

Люба вздохнула.

– Знаешь, Саш, самое главное, чтобы ты себя любила…

– А за что мне себя любить?

Подруга округлила глаза.

– Как за что? Я себя люблю просто так. За то, что я – это я. И хвалю себя за каждую ерунду. «Сделала отчет – молодец». «Приготовила суп – умница». «Позаботилась о Саше – герой», – она засмеялась.

Саша пожала плечами.

– Ну я ничего такого не делаю, чтобы меня хвалить. Никем особо не стала, все проекты провалила, и еще уволили.

– Саша, твоя ценность не зависит от твоих достижений. Ты всё время концентрируешься на неудачах, а я даже свои недостатки перевожу в достоинства. Вместо «ты ошиблась» говорю себе «ты сделала всё возможное, презентация прошла хорошо, ты оставила прекрасное впечатление. Ты молодец».

– А если клиента в итоге не получили, какая же ты молодец?

– Вот в этом всё и дело. Ты чувствуешь себя виноватой из-за того, что клиент ушел, а я нет. Это решение клиента, я тут ни при чем. У него может быть куча своих причин.

– Ну знаешь ли, так ты избегаешь ответственности. – Саша легла и натянула одеяло до подбородка, ее знобило.

– Нет, ты делишь ответственность со Вселенной. Мол, я сделала всё, что от меня зависит, а уж как получилось, я не виновата.

– Не, я так не могу, я всегда ответственна за всё.

– Ага, и загрязнение Тихого океана тоже ты, и снег в Риме в марте. О, идея! – встрепенулась Люба. – Сейчас мы устроим с тобой кинотерапию. Поставим итальянский фильм и будем балдеть, а?

– Даже не знаю…

– Ну же, Саша, тебя уволили, у тебя ангина, и даже сейчас ты не можешь позволить себе немного расслабиться?

– Хорошо, – покорно согласилась Саша, – только смотреть будем в оригинале…

– Удовольствие – ничто! Польза – наше всё, – подруга нежно потрепала Сашу по волосам, которые и так стояли торчком.

Глава 3

Саша провалялась в кровати неделю. Спала, пила горячее, старалась, по совету Любы, не принимать таблетки. Подруга принесла несколько новых книг, и Саша, у которой в последний год не было ни минуты прочесть что-то кроме брифов и медицинских анализов, погрузилась в любимый с детства мир образов, метафор и хорошего слога. Как же она любила читать! Каждую неделю бабушка водила ее в библиотеку, и они выбирали книги для чтения. Записаны были в разные, и в ту, что ближе к дому, районную, и ту, что ближе к дому бабушки, и в центре, имени Маяковского.

Самой большой радостью были покупные книги. Иногда бабушка приносила сверток грубой крафтовой бумаги, и Саша заранее понимала, что внутри. Подскакивая, выхватывала сверток, тащила бабушку на диван, забиралась на него с ногами и раскрывала. Внутри оказывалась новая книга. Новая, с запахом типографской краски, твердой обложкой, иногда – с золотым тиснением на корешке, и обязательными иллюстрациями. Чаще красочными, реже – черно-белыми. Перед тем как листать, Саша соскакивала с дивана, шла мыть руки и вновь брала книгу. Сначала нюхала, потом бережно листала страницы – это был целый ритуал, пропустить который было сродни отказу от половины удовольствия.

Удовольствие… ведь когда-то были в ее жизни такие моменты. Куда это всё подевалось?

Они читали книгу вместе с бабушкой, читали медленно, всегда помечая место, где остановились, самодельной закладкой. Картонной полоской с аппликациями. Книги всегда оборачивали в газетную бумагу, чтобы не испачкать, а однажды бабушка даже смастерила обложку из остатков золотой и голубой кожи, оставшейся ей в наследство от отца. Прадедушка Саши был сапожником. Когда книгу дочитывали, ее освобождали от обложки, ставили на полку и заносили в каталог. Саша вела учет с карточками, как в настоящей библиотеке.

Валяясь в кровати и зачитываясь романами, Саша взяла листок и начеркала маленький рассказ.

После работы Люба принесла свежие булочки и опять бульон.

– В последний раз. Вижу, идешь на поправку.

Подруга села рядом с кроватью и начала кормить Сашу.

– Давай я сама. – Саша взяла пиалу, отложила ложку и начала пить.

Люба увидела рядом с Сашей исписанный листок, протянула

к нему руку.

– Это что?

– Да так, писала в бреду ерунду разную. – Саша попыталась засмеяться, но издала лишь хрип.

Люба взяла листок и принялась вчитываться.

– Саша, как здорово, это же шедевр!

– Тоже скажешь, шедевр, не преувеличивай, – хмыкнула Саша.

– Да ладно тебе, красиво же очень, – Люба перечитала строки вслух, – так поэтично…

Саша прищурилась.

– Ты спрашивала меня о мечтах?

Саша молча встала, подошла к серванту, достала из верхнего ящика небольшую коричневую тетрадку. Грустно улыбаясь, положила к себе на колени.

– Когда я дочитала всю француженку Саган, то записала в своем дневнике то, как хочу жить. – Саша замолчала.

– Ну и что? Что ты там написала? – торопила Люба.

Саша открыла на первой странице и протянула дневник. Подруга зачитала вслух:

– Я писатель, и я живу у моря.

Люба удивленно посмотрела на Сашу.

– Как видишь, это просто глупые детские мечты, я не писатель и живу не у моря.

Саша замолчала, натянула одеяло и продолжила:

– В детстве я писала стихи, рассказы, и единственная, кому давала их читать, была бабушка… «Талантливая моя кошечка», – говорила она.

Саша села на диван, обхватив ноги.

– Я начала ходить в литературный кружок, учительница хвалила мои рассказы, публиковалась в школьной газете, потом районной, потом городской, потом в литературном журнале, даже выиграла конкурс юного писателя, написала школьную пьесу… А потом…

Саша нахмурилась. Она держала бульон, пытаясь согреться, но он порядком остыл, и Саше стало еще холодней.

– А потом не стало бабушки… И хранитель моего таланта ушел… Я хотела поступать в Литературный институт, но мама сказала, что писатель – не профессия.

«Надо заниматься чем-то, что приносит результат, причем материальный. Нужна конкретная профессия. Пиши себе спокойно после работы и в свободное время», – сымитировала Саша мамин голос.

– Я выбрала иняз, потому что это престижней, языки и так

далее. Первое время продолжала писать какие-то рассказы, заметки, но потом оставила: не было ни сил, ни времени. А позже улетучилось и желание.

Саша поставила пиалу на тумбочку и легла в кровать.

– Стала рекламным копирайтером. Концепции, слоганы, довольствовалась креативом в рамках брифа. Тексты на английском и итальянском…

– И ни разу не вернулась к писательству?

– Была еще одна попытка в универе. Там был литературный клуб и мы писали разное. Я написала повесть. Помню, это был такой невероятный драйв, я писала, писала, не переставая, несколько недель. Преподаватель литературного мастерства Раиса Марковна прочитала текст и сказала: «Дааа. Это вряд ли можно назвать литературой». – Саша вздохнула. – Ну и всё, я перестала. Хотя каждый раз, когда узнаю, что кто-то из знакомых пишет, публикует роман, у меня щемит очень сильно здесь, – Саша потерла область солнечного сплетения. – А однажды, – продолжила она, – года два назад, мне приснилась бабушка. Она спрашивала, почему не пишу… причем так интересно: она приснилась мне возле картины Модильяни, наша с ней любимая «Девушка в матроске». Помню, я проснулась ночью, взяла тетрадь и исписала тридцать страниц. На следующий день перечитала, и это был готовый сценарий фильма…

– Какого?

– Про любовь Модильяни и Ахматовой, это наша любимая с бабушкой тема.

– Так это же тот фильм, который снимает Алла?

Саша грустно покачала головой.

– Не говори мне, что ты отправила Алле те тридцать страниц… – тихо полуспросила подруга.

Саша тяжело вздохнула. Люба погладила Сашу по руке и вздохнула следом.

* * *

Столкнувшись в кафе с бывшей одноклассницей Аллой и услышав, что та собирается делать кино про Модильяни, Сашины глаза загорелись. Она решила выпить еще один чай.

Уселись у окна, и Алла рассказала про идею и про то, что она

собиралась подать заявку в один международный фонд, чтобы получить финансирование.

Саша смотрела на Аллу восхищенными глазами. Прошло девять лет с момента их последней встречи. Алла стала независимым продюсером и создавала международные проекты: разного формата кино и мультипликационные фильмы.

Всё в Алле было красиво. Даже то, как она сидела сейчас. То, как была смята ее салфетка, то, как трогала своими красивыми пальцами чашку. Ее украшения, сочетания цветов ее наряда. Шелковая блузка цвета Rosa antica, а под нею грудь точно на два размера больше Сашиной. Наброшенный на плечи серый пиджак в полоску, кожаные брюки с высокой талией такого же цвета, как блузка, модные лоферы. Волосы, идеальные, густые, блестящие, как в рекламе шампуня, были уложены крупными волнами.

– Они у меня от природы такие, – пояснила Алла, – откидывая тяжелые локоны с плеч.

Саша поправила свои коротко остриженные и торчащие в разные стороны волосы и суетливо застегнула кофточку.

На пальцах Аллы блестели тонкие кольца. Сашу всегда восхищало, как некоторые женщины умеют сочетать украшения, – способность, ей самой не свойственная. Тонкое кольцо на Аллином указательном пальце, такие же тонкие на среднем, на безымянном, на большом, и каждое с какой-то мелкой деталью, камушком или цепочкой, соединяющей два соседних кольца. На запястьях браслеты, красная веревочка рядом с чем-то золотым, элегантные фенечки, полузолотые, полукожаные. Всё вместе смотрелось так же идеально, как в глянцевом журнале.

Идеальным был и парфюм Аллы – цитрусовый, но не бодрый мандариновый, как в Новый год, а ласковый и теп-лый. Хотелось мгновенно оказаться среди лимонной рощи, кипарисовых аллей и лениво растянуться на разогретом полуденным солнцем средиземноморском побережье.

– Это Eau D'Hadrien, – промурлыкала Алла название парфюма.

Международный продюсер. В стильной одежде. С блестящими волосами и красивой грудью.

Алла рассказала свою идею: она хотела делать детектив про Модильяни. Саша задумалась.

– Хм, не знаю, а я бы снимала про отношения Модильяни с Ахматовой, там же такая любовь невероятная!

И она начала взахлеб рассказывать всё, что знала на эту тему. Она говорила, а в голове мелькали те случаи, когда она листала альбомы и слушала истории от своей любимой бабушки, преподавателя истории искусств. Саша, изголодавшаяся по чему-

то творческому, чему-то, где ей позволено выражать свое мнение, нашла в этом сюжете отдушину. Она говорила, а Алла всё записывала и записывала. Позже Саша отправила Алле те ночные страницы.

– А знаешь, что я сделаю, – предложила Саша, – я позвоню Петьке, моему другу, он очень классный художник, поможет тебе для заявки сделать мудборды, покажем идею с точки зрения цветовых решений и образов.

Саша помнит, как вместе с Петей искала образы, а когда Алла пошла на встречу с важным американским продюсером, надиктовывала ей голосовые сообщения-подсказки.

Между бесконечными поисками идей и разговорами Саша открылась Алле, рассказала, как ей надоела работа медицинского копирайтера, как она хочет творить и стать настоящим писателем.

– Со мной всё будет, вот увидишь, как только дадут финансирование, начнешь писать сценарий.

И Саша с еще большим рвением искала образы, детали, чтобы создать настоящий шедевр.

Получилось. Заявку приняли. Финансирование дали. Через пару недель Алла хвасталась и показывала Саше финальную версию заявки. Саша поперхнулась чаем на словах «автор идеи – Алла Кириллова».

На робкие возражения Саши о том, что заявку и план сценария написала она, и в общем-то идея тоже ее, у Аллы некрасиво напрягались скулы.

– Идея ничего не значит. Их отношения – исторический факт. Ну хорошо, ты мне подсказала эту идею, и что? Что ты сделала? Да, ты помогла с презентацией, но всё остальное сделала я, от твоей презентации ничего не осталось.

– То есть как это не осталось… – удивленно хлопала глазами Саша, – я же… мы же… с Петькой…

Саша ни на минуту не могла подумать, что Алла, элегантная особа с милым воркующим голосом и ангельской улыбкой, может поступить с ней так… неэлегантно.

– А я разве тебя нанимала? Ты вообще не автор, не писатель, ты просто сказала мне какие-то свои, не факт, что реализуемые, идеи. Кто ты вообще такая? – и повесила трубку.

– Вот так всё это и закончилось…

– Ну ты тоже даешь, – Люба возмущенно покачала головой. – Не подписала ничего, не спросила, не уточнила, сама виновата.

«Сама виновата». Любимая Сашина мантра. Не успокаивало, но зато, произнося эту фразу, Саша чувствовала себя дома.

Глава 4

Выздоровев, Саша вернулась к мыслям о работе. Надо было что-то делать в срочном порядке, потому что денег осталось только на аренду.

Саша искала работу настойчиво и упорно. Она проштудировала все объявления, поговорила со всеми знакомыми, один из них сообщил по секрету, что в агентство, конкурирующее с ее бывшим, требуется копирайтер.

В старом здании недалеко от дома, можно ходить пешком, расположился уютный офис. Сашу встретил креативный директор, обмотанный полосатым желто-коричневым шарфом.

– Это хорошо, что у вас есть опыт работы с «головной болью». Мы сейчас нового клиента взяли, ангину лечат. Нужно полностью переделать описания лекарств, а еще подумать над рекламной кампанией. Вот, держи тестовое задание, сделаешь – приходи.

Выполняя задание за столом кухни, Саша почувствовала, как внутри недавно выздоровевшего горла перекатывается болезненный комок. Чем упорней она старалась подобрать метафоры для описания симптомов, тем сильней горло сжималось.

После тысячи знаков Саша не могла глотать. Казалось, горло опухло.

«Да что ж такое…»

«Психосоматика», – раздались в голове слова подруги.

Саша встала и вышла на балкон, вдохнула уходящее лето. Оно пронеслось так быстро, ни теплого моря тебе, ни отпуска, ничего не успела. Анализы, брифинги. Саша чувствовала себе уставшей и вялой.

«Бесполезное лето». Саша тяжело вздохнула и пошла спать.

За завтраком Саша попыталась вернуться к текстовому заданию, но горло опять больно сжимало.

«Кто вообще здесь командует?» Саша нервно встала, помыла посуду и села на диван. Открыла фейсбук и начала листать группы разных сообществ и свою ленту.

Неожиданно перед глазами мелькнул пост: «Ищу писателя со знанием итальянского».

Саша поставила лайк и начала вчитываться. Писатель – интересно! Пролистала вниз. Сообщение оказалось от бывшей одноклассницы, много лет назад она переехала жить в Италию.

«Привет, Оля. Увидела твой пост, можешь рассказать подробней?» – написала Саша в личку.

Одноклассница ответила мгновенно:

«Ciao bella!!! – и поставила три сердечка. – Точно! Как же я о тебе не подумала, ты же только и делала, что писала в школе! Ты сколько книг уже издала? Извини, не особо следила за твоими успехами…»

Саша отхлебнула чай… Вот же, похоже, она ищет настоящего писателя…

«Пока ни одной», – ответила Саша.

«Нооо ты пишешь, да?»

Саша сглотнула. Горло больше не сжимало.

«А что за работа вообще?»

«О, это интересно, давай позвоню прямо здесь, в фейсбуке».

– Надо написать книгу, – сообщила бывшая одноклассница.

– Ого! – вырвалось у Саши, под сердцем защемило.

– Да нет, ничего сложного, там биография одной местной знаменитости. Жилье включено, ну прямо там, в доме у графини.

– Графини?..

– Ну это я так ее называю. Она принадлежит не к аристократической семье, а к одной влиятельной промышленной, но у нее такоооооой дом, закачаешься, поэтому зову ее графиней. Хотя на самом деле в Генуе не было титулов, поэтому графов здесь быть точно не может.

– Генуя?..

– Да, здесь она живет. Ну и я тоже здесь живу, помнишь, писала тебе.

Саша, хоть убей, не помнила.

– Книга – ее биография к 80-летию. Так ее сын придумал. Он хочет устроить по этому поводу праздник, она тут важная персона, много чего сделала для города, поддерживает искусство. Платят хорошо. – Оля назвала цифру.

Сумма с лихвой покрыла бы долг, полгода аренды и закрыла бы кучу вопросов.

– Дают задаток, остальное в конце работы, ищут срочно, так что, если тебе интересно, дай мне сразу же знать, а то мне целый день пишут.

– А, ну если пишут…

– Саша, я же тебя знаю, ты же мне все сочинения в школе писала. Я за тебя поручусь, не боись!

– А на каком языке?

– Паола, так ее зовут, хотела бы издать в России, она помешана на нашей культуре, у нее даже какие-то наши корни, я не вникала, короче, они хотят издать книгу сразу на двух языках: русский с одной стороны, итальянский – с другой. Но первый черновик можешь писать сразу на русском, Паола знает его в совершенстве.

Писатель… писатель… Пока разговаривала, Саша сгрызла кусок ногтя. Мысли толпились в голове, бубня и толкаясь. Да, была мечта когда-то, ну и что, ведь это ничего не значит, так, баловство. Но как же хочется. Саша глубоко вздохнула… Давно она не испытывала такого сильного желания.

– Мама, я хочу надеть это платье, оно красивое и пышное.

– Нет, это единственное красивое платье, пусть будет на выход.

– Я так хочу этого змея, мама.

– Вечно ты что-то хочешь. Хочется – перехочется.

«Хочется-перехочется» со временем стало любимой поговоркой. Какое бы желание ни посещало ее голову, от высоких сапог бордового цвета до поездки на экзотические острова, она шептала себе как мантру «хочется-перехочется». Мантра помогала, желания и правда куда-то улетучивались, она перестала хотеть сапоги, ездить в путешествия, писать.

«Хочется-перехочется», – привычно подумала Саша и пообещала знакомой подумать.

К удивлению, на следующий день не перехотелось, наоборот, мысль назойливо стучала в дверь, ждала, пока ей откроют. Саша прогнала ее, как игривого щенка, но мысль всё лезла и лезла. Наконец Саша отворила мысли дверь и решила ее выслушать.

– Послушай, – сказала мысль, – ты помнишь свою детскую мечту. Это же она и есть!

– Но я не писатель…

«И правильно, нечего лезть», – бросила Раиса Марковна, она сидела на скамейке и набирала петли спицами точно так же, как реальная Раиса Марковна в универе, когда вела лекции.

– Ты что, с ума сошла – отказыватьсяяяяяя?!!!!

Саша отставила телефон от уха, так сильно кричала подруга Люба.

– Это же Вселенная тебе делает подарок!

– Опять ты со своей Вселенной.

– Ну ты даешь! Это точно твоя бабушка сообщила твоему ангелу-хранителю, что надо делать.

Саша улыбнулась.

– Фантазерка.

– Между прочим, я в это верю.

Саша вышла прогуляться. Она шла без цели и набрела на их любимый с бабушкой парк.

Здесь неподалеку бабушка и жила. Когда ее не стало, квартиру пришлось продать. Родственники не договорились. Новость застала Сашу врасплох, она была уверена, что сможет часто сюда приезжать, а может, даже поселиться. Ей было важно

продолжать чувствовать бабушкин дух. Перед продажей Саша собирала вещи. Альбомы по искусству, собрания сочинений Толстого, Пушкина, потрепанные томики Цветаевой и бабушкины тетрадки, исписанные польскими словами. На пенсии бабушка продолжала изучать языки, наверстывая то, что упустила. В школе бабушка превосходно владела немецким, а во время войны так хорошо выучила польский, что ее принимали за свою. Но она поступила в экономический, хотя мечтала работать с языками.

После войны бабушка как-то встретила в автобусе свою учительницу немецкого. Та посмотрела на уже взрослую девушку и сказала: «Подождите, подождите! Вы – та самая девочка, которой давались самые сложные спряжения!»

Саша уселась на деревянную скамеечку у фонтана и стала разглядывать прохожих. «Ты моя талантливая кошечка», – пронеслось в голове. Свои рассказы она всегда показывала сначала бабушке. Та надевала очки, кивала головой, улыбалась и хвалила. «Вот эта метафора хорошо вышла, ты должна писать, у тебя получается…»

Догуляв до дома пешком, Саша поднялась в квартиру, но места себе не находила, ей не сиделось, она слонялась по крохотной комнате из угла в угол. Поправляла книги, смахивала пыль, то брала, то откладывала телефон. Сердце непривычно билось, в животе ныло, Саша чувствовала себя, как в детстве, крадущей сирень в соседском саду. Задержала дыхание, зажмурилась, взяла телефон и написала:

«Я согласна».

«Отлично! Завтра сын Паолы проведет с тобой небольшое собеседование в зуме. Чистая формальность. Не боись», – мгновенно ответила Оля.

Саша поправила волосы, убрала торчавшие пряди за уши – пора к парикмахеру, – выпрямила спину и нажала на присланную ссылку. На экране показалось море, затем изображение пошатнулось, мелькнули камни, и связь оборвалась.

Саша нажала на ссылку еще раз. На экране появился загорелый мужчина с голым торсом и пепельными, скорее всего выгоревшими на солнце, волосами.

– Ох, извините, пожалуйста. – Он накинул белоснежную рубашку, и его загар стал еще более очевидным.

– Добрый день, – поприветствовала Саша на итальянском.

– Очень приятно, Александра, так?

Саша кивнула.

– Меня зовут Эдуардо, – он улыбнулся и поправил волосы, – Ольга много о вас говорила. Сказала, что вы очень талантливы и идеально нам подходите.

Саша смущенно опустила глаза. Наверное, она сильно покраснела. Хорошо, что в комнате плохой свет.

– Мы учились вместе в школе, да.

– Ну что же, давайте обсудим условия. Вы знаете, что будете жить с моей мамой, синьорой Паолой?

Саша кивнула, но так робко и неуверенно, что Эдуардо рассмеялся.

– Не волнуйтесь, у моей мамы вилла, у вас будет отдельная спальня, кухня, ванная и даже терраса. Вы были в Генуе?

– К сожалению, нет.

Саша хотела рассмотреть Эдуардо получше, но делала это мельком, стараясь не задерживать взгляд слишком долго. Мягкие и одновременно мужественные черты лица. Интересно, сколько ему лет. Выглядит молодо, но по голосу понятно, что не мальчик.

– Моя мама мечтает издать книгу на русском языке. Ее бабушка была русской… из Санкт-Петербурга, кстати. Мама очень хорошо говорит по-русски, несколько раз была в вашем городе и очень его любит. А раньше она преподавала историю искусств.

Эдуардо разговаривал спокойно, голос его звучал низко и приятно.

– Как интересно! Моя бабушка – тоже.

– Необычное совпадение, – улыбнулся Эдуардо, – вам будет о чем поговорить. Мама много сделала для культуры нашего города, помогла открыть много выставок, художественных салонов.

Эдуардо всё говорил и говорил, а Саша не могла оторваться от его глаз, за время разговора они успели поменять оттенок несколько раз: от сочного, цвета травы, до оливкового, зелено-болотного.

– Не скрою, что нам отправили резюме очень много кандидатов, но у меня совершенно нет времени их все просматривать. Поэтому я попросил Ольгу, она помогает мне с бухгалтерией, заняться отбором. В каком жанре вы специализируетесь?

Саша закрутила край диванного покрывала вокруг пальца так сильно, что ей стало больно.

– Я… много работала в рекламе, и…

– А, ну замечательно, – Эдуардо хлопнул в ладони, – рекламщики умеют сворачивать и разворачивать смыслы, – и улыбнулся. – Так когда вас ждать?

Саша деловито нахмурилась и взяла ежедневник.

– Ммм, а когда вы хотите издать книгу?

– У мамы юбилей через три месяца, 80 лет, мы готовим большой праздник. Хочу, чтобы книга была готова к этому дню. Я

понимаю, что три месяца не так уж много… но…

Саша выпрямила спину.

– Не волнуйтесь, я справлюсь, – сказала она неожиданно уверенно, как будто кто-то другой потянул ее за язык.

– Ну что же, прекрасно, тогда до встречи в Лигурии.

Глава 5

Саша, в джинсах, полосатой рубашке и черном пуховике, стояла напротив вокзала. Рядом лежал черный пузатый чемодан, на плечо давила увесистая кожаная торба с компьютером и книгами. В торбу Саша также положила белье, сменную пару обуви, зубную щетку и кое-какую одежду. Саша летала не часто, но каждый раз подстраховывалась: а вдруг чемодан потеряется?

По спине струился ручеек пота, Саша сняла пуховик, в сентябре он оказался здесь ни к чему, и посмотрела на круглые часы вокзала, зажатые между двумя скульптурами крылатых чудовищ. Через десять минут за ней должен приехать водитель «графини».

В центре привокзальной площади стояло что-то вроде киоска. Люди в футболках с короткими рукавами громко разговаривали и пили кофе.

Ровно в одиннадцать за Сашей приехал «Ягуар».

– Добро пожаловать, меня зовут Стефано, – поздоровался седовласый приятный мужчина в сером костюме, водитель «графини».

Машина двигалась не спеша, вдали замелькали море, порт, открылся стеклянный купол, а дальше – корабельные верфи, яхты, колесо обозрения, набережная с современными конструкциями, дело рук архитектора Ренцо Пьяно, который, к удивлению Саши, оказался генуэзцем.

Стефано пробрался через пробки около порта, свернул куда-то вглубь тихих улиц, и постепенно они оказались среди домов, непохожих на те, что стояли рядом с вокзалом и портом. То были нарядные виллы не выше четырех этажей.

– Добро пожаловать в квартал Альбаро.

Они остановились перед коваными металлическими воротами. Водитель на что-то нажал, и они въехали в сад, густо усаженный пальмами, магнолиями, оливковыми и лимонными деревьями.

Перед Сашей возвышалась трехэтажная розовая вилла с белыми балконами. Белыми были и лепные украшения вокруг окон, и мраморные ступеньки, ведущие ко входу, и уютный портик в несколько колонн в конце лестницы.

Водитель открыл стеклянную, с белыми металлическими вставками, дверь, и они зашли в светлый холл с длинной мраморной лестницей. Саша посмотрела вверх, крыша сверху оказалась стеклянной, поэтому внутрь проникало так много света.

– Синьора Паола занимает верхний этаж. Нижний сдается в аренду, а на первом этаже живет помощница по хозяйству. Лучше воспользоваться лифтом, там вверху крутая узкая лестница, мы не поднимаемся пешком, – водитель показал Саше на кабину лифта.

Лифт был точь-в-точь как из старого фильма. Снаружи кобальтовая сетка, за ней деревянная дверь, внутри диванчик, обтянутый красным бархатом. Стефано закрыл за ними дверцу лифта, нажал на кнопку. Тук-вумммммм. Кабинка пошатнулась и лениво потянулась вверх.

На верхней лестничной площадке оказалась всего одна дверь. Водитель позвонил, им открыла женщина с короткими вьющимися волосами, в синем платье с белоснежными кружевными манжетами.

Саша протянула ей руку и улыбнулась.

– Добрый день, синьора Паола.

Водитель ухмыльнулся, женщина расправила ниточку губ в улыбку.

– Меня зовут Магда, – произнесла она с легким восточноевропейским акцентом, – я покажу вашу комнату, следуйте за мной, – и она свернула в длинный коридор.

Они прошли дверей пять, Магда остановилась около шестой и повернула ключ.

– Какая большая квартира, – пробормотала Саша на русском.

– Да, она вмещает две четырехкомнатные квартиры, – ответила Магда по-русски, повернувшись к Саше. Улыбнулась и добавила: – Я – полька, мое поколение учило русский язык в школе.

Сашино жилище оказалось просторной однокомнатной квартирой. Спальня, кухня, ванная и большая отдельная терраса со столиком и стульчиками.

– Вы пока располагайтесь. Зайду за вами через пятнадцать минут, синьора Паола приглашает вас на обед, – сказала Магда и удалилась.

Саша осмотрелась. Поставила чемодан рядом с широкой двуспальной кроватью. Стены занимали старинные театральные афиши, у окна разместились деревянный письменный стол и обитый кожей стул. Саша распахнула французские окна и оказалась на террасе. Вдалеке сверкала голубая, переливающаяся на солнце, как хвост огромной рыбины, полоска моря. Саша улыбнулась. Три месяца у моря – это же невероятное везение!

Как часто Саше везло? Почти никогда. Привыкшая к мысли «без труда не вытащишь и рыбку из пруда», Саша настороженно относилась к разного вида везениям. Она знала, что за каждым

таким подарком судьбы следовало наказание. Попался красавчик – значит, окажется глупым. Повезло с работой – значит, случится что-то со здоровьем. Совершенно недопустимо было думать, что всё может быть и правда хорошо.

Вот и сейчас, всматриваясь в эту блестящую полоску моря, Саша уже боялась: что-то пойдет не так.

– Синьорина, вы готовы? – прервал ее мысли строгий голос Магды.

– Да, да, конечно, только руки помою.

Саша быстро кинулась в ванную с большим окном. Возле умывальника лежала стопка чистых полотенец, шкафчик был уставлен баночками и скляночками, чем-то наполненными.

– Это подарок от синьоры Паолы, наши местные кремы и лосьоны, пользуйтесь на здоровье, – прокомментировала Магда.

Она привела Сашу в просторную комнату, и Саше потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к яркому свету и непривычному для глаз интерьеру.

Мраморный пол устилала мозаика бежевых и песочных тонов. Деревянный потолок такого же цвета заполняли объемные резные цветы, вставленные в одинаковые квадратные рамы. Саше доводилось видеть на потолке лепнину, но деревянные изразцы она видела впервые.

Одну стену гостиной полностью занимал рыжий сервант с зеркальными вставками, сверху донизу уставленный посудой. Чашки всевозможных цветов и форм, тарелки и тарелочки, кувшины и бокалы.

Вдоль остальных стен тянулись старинные комоды и столики с мраморными поверхностями, сплошь уставленные изящными штучками, статуэтками, рамочками, вазочками – серебряными, золотыми, мельхиоровыми, словно огромное гнездо сороки, куда утащили всё самое блестящее. Между штучками лежали толстые альбомы, на одном из них Саша заметила надпись «Эрмитаж».

На стенах висели гобелены и картины в деревянных и тяжелых золоченых рамах. Люстры на потолке не было, зато в каждом углу, на комодах, у дивана, у кресел стояло с десяток светильников, торшеров и ламп.

– Buongiorno, cara (добрый день, дорогая)!

Перед Сашей стояла худощавая и непривычно высокая для итальянки синьора с короткой седой стрижкой, в больших стильных очках. Коралловый костюм с брюками клеш, на шее выделялось яркое колье: разноцветные стеклянные треугольники на кожаной веревке. Возраст выдавали лишь руки и несколько глубоких морщин на лице. Паола улыбнулась, обнажив белоснежные зубы. Если Саша когда-то доживет до восьмидесяти

лет, она хочет выглядеть именно так.

– Паола, – представилась она и протянула руку, добавив на русском без малейшего акцента: – Замечательно, что ты говоришь по-русски.

– У вас прекрасный русский, – Саша пожала руку Паолы с множеством колец и браслетов.

– Prego (прошу), – мы будем обедать на террасе, – и Паола открыла окно.

По краю просторной террасы стояли горшки с невысокими лимонными и мандариновыми деревцами, какими-то мелкими белыми цветами и ароматными травами в длинном квадратном горшке.

– Мой огород, – улыбнулась Паола, – у нас есть сад, – она показала рукой вниз, – но всё равно я обожаю террасу. Здесь так уютно… – она оторвала листик от растения и протянула его Саше, – а это самый лигурийский запах.

Базилик. Дома он тоже продавался, но Саша никогда его не покупала: к чему он ей, если она не готовит.

Под шатром-навесом стоял накрытый кружевной скатертью

стол.

– Садись куда угодно, – махнула Паола рукой, а сама уселась в плетеное кресло-качалку. На ее колени прыгнула белая, без единого пятнышка, кошка с грустными глазами. – Это Матильда, познакомься. Дорогая, мы сейчас будем обедать, иди к себе, – обратилась она к кошке.

Та обиженно спрыгнула и улеглась на расшитую узорами бархатную подушку.

Саша присела на край первого попавшегося стула и выпрямила спину.

– Так ты писатель. – Паола достала из кармана солнцезащитные очки и протерла стекла кружевным платком.

Саша еще больше выпрямила спину.

– Я… до недавнего времени я работала в рекламном агентстве, а до этого – в пиар-отделе, а до этого… я… в общем, текстов я писала правда много.

Саша выпалила всё разом и покраснела. «Глупая, глупая, кому это всё интересно, она просто спросила, не писатель ли ты. А после этих заиканий она тебя сразу же уволит».

Паола внимательно посмотрела на Сашу.

– Я рада, что ты здесь, мне кажется, мы поладим. Ты знаешь, что моя бабушка была русской?

– Да, ваш сын говорил.

– Что-то о своей бабушке я обязательно включу в книгу. – Паола грустно улыбнулась. – Все говорили, что я очень на нее похожа.

– И я… – вырвалось у Саши. И смутившись этой своей откровенности, она поерзала на стуле и добавила: – Я имею в виду, что моя бабушка… она… мы тоже похожи… были. Были похожи…

Магда принесла поднос, над белой фарфоровой супницей парило облако.

– Это наш суп, баньюн. Лигурийский специалитет. Ты любишь супы?

От слова «суп» Саша вздрогнула и вжала голову в плечи. «Ешь давай, я сказала!» – отбивал рикошетом голос мамы. Саша почувствовала вкус ненавистной вареной капусты и поморщилась.

– Я в принципе не особо люблю есть.

Паола опустила очки, удивленно посмотрела на Сашу и улыбнулась.

– Какое грустное заявление. Но ты не волнуйся, это лечится.

Паола съела ложку супа и посмотрела на Сашу. Та ковырнула ложкой оранжевую жидкость с кусочками белого хлеба сверху.

– Ну как?

Саша никогда особо не рефлексировала на тему вкусов, она делила еду на съедобную и несъедобную.

– Нормальный вроде, – Саша пожала плечами.

Паола взглянула на Магду. Та стояла всё это время рядом.

– Сегодня получилось великолепно!

– Анчоусов привезли из Монтероссо, – улыбнулась Магда.

– А, тогда понятно.

Саша ничегошеньки не поняла, но продолжала есть, суп ей понравился, он оказался густым и сытным. Эти анчоусы совсем неплохие, можно даже сказать, вкусные.

– Будем встречаться по вечерам, – произнесла Паола, – я буду рассказывать тебе о своей жизни, а ты записывать. Рекомендую тебе работать по утрам. Мне кажется, но, возможно, я ошибаюсь, что по утрам у тебя больше сил.

Паола откинулась на спинку кресла.

– Я писала книги для студентов, профессоров, но это всё научная литература. Сейчас мне хочется сделать другую книгу… но написать не просто о себе. Хочу дать советы молодым. Ну вот таким, как ты. Написать книгу для жизни… и мне кажется, именно ты сможешь написать ее лучше, чем кто-либо другой.

Саша почувствовала сильное волнение в груди, в последний раз так в нее верили очень давно, и она забыла, как это приятно.

Рецепт супа баньюн (zuppa bagnun)

Ингредиенты:
на 4-х человек
1 кг свежих анчоусов
500 г спелых помидоров
6–12 хлебцев
2 зубчика чеснока
2 стакана белого сухого вина
1 луковица
1 пучок базилика
1 пучок петрушки
8 ложек оливкового масла первого отжима
Поваренная соль

Процесс:

1. Очистите или попросите продавца почистить анчоусов, удалив голову, внутренности, кости и хвост.

2. Нарежьте чеснок, петрушку и лук, выложите их в большую сковороду с маслом и немного припустите.

3. Очистите и крупно измельчите помидоры, добавьте их в сковороду к остальным ингредиентам вместе со стаканом воды.

4. Посолите и варите около 10 минут, влейте вино и варите еще 10 минут.

5. Добавьте анчоусов, осторожно перемешайте, увеличьте огонь и выключите, когда кипение возобновится.

6. Разложите хлебцы по четырем суповым тарелкам, при необходимости раскрошив их, вылейте на них баньюн, дайте постоять пять минут, чтобы хлебцы впитали соус.

7. Посыпьте суп измельченным базиликом и подавайте.

Глава 6

Генуя оказалась контрастной. Внизу, в старом городе, среди улочек «карруджи», она напоминала босоногую пиратку, чумазую и неопрятную. В окна плотно стоящих друг напротив друга домов еле пробивался свет, из окон раздавалась этническая музыка, на крыльцах сидели чернокожие жители и их колоритные жены в разноцветных платках. Рядом играли дети со смешными тугими косичками. Воздух заполняли пряные и жареные запахи вперемешку с чем-то одурманивающим, травяным.

Берег был заключен в опрятную набережную, по которой гуляли мамы с колясками, чинные старушки и пары. Здесь было намного больше итальянцев, чем в темных лабиринтах.

Чем выше, тем Генуя становилась чище, утягивалась в шелка, превращаясь в благородную даму. Узкие темные улочки сменялись широкими аллеями, обшарпанные входы – роскошными парадными, а почерневшие фасады – белоснежной лепниной и старинными фресками великолепных вилл.

Генуя была многоуровневой, попасть вверх можно было пешком, что долго. Или на автобусе, что скучно. Лучше и интересней передвигаться на лифте. Иногда лифты и правда были лифтами, обычной такой кабинкой, которая везла тебя вверх или наоборот. Например, «Шанель», так Магда шутя называла лифт, который отвозил в квартал Кастелетто солидных дам в шляпах

после шопинга в нижнем городе.

Иногда лифты летали над морем, вроде Il Bigo – кабинки, выдуманной Ренцо Пьяно. Две минуты полета захватывали и приезжих, и местных жителей, хотя, конечно, пользовались им в основном туристы. Как и Zecca-Righi, королем генуэзских фуникулеров, увозившим выше всех остальных.

Вверх ползли лифты и фуникулеры, вниз тянулись «салите» и «скалинате».

Спускались не просто дорогами, где едут машины, а внутренними тропинками. Спуски, а если идти наоборот, то подъемы, проходили мимо аккуратных палисадников с цветами и украшенных скульптурой особняков. Сквозь прутья ограждений виднелись уютные балконы с маленькими столиками и кувшины на ступеньках, как бы невзначай там оставленные.

Салите, дорожки, шли между двух каменистых стен, из щелей выбивались ростки, сверху ниспадали ветки живой изгороди ухоженных садов. Там, где домов не было, стены лохматились шапками диких зарослей.

Тропинки обычно упирались в площадь или сквер, и позже надо было искать следующий спуск, опять – наклонную дорогу с перилами или лестницу-скалинате.

Саша пробовала, но не сумела сориентироваться в этих многочисленных лестницах, спусках и лифтах, поэтому гуляла в основном по кварталу Альбаро и старому городу. Она пыталась понять суть города, но пока эта суть от нее ускользала. Хотя Саша успела заметить, что жизнь разных кварталов сильно различалась. У каждого был свой уклад, свои места и… люди.

Магда шутила, что Генуя как знатный дом. В домах аристократии хозяева всегда жили на верхних этажах, а прислуга обитала ниже.

День Саши начинался с того, что она заваривала чай – привезла свой из дома, – делала бутерброд и садилась писать. Она записывала всё, что рассказывала Паола с вечера. Ужинала Саша отдельно, но потом приходила с тетрадкой и диктофоном в гостиную, задавала вопросы, записывала, помечала. Обедала Саша тоже у себя, потом садилась за работу.

В тот день около десяти утра в дверь Саши постучали. На пороге стояла Паола. Саша поправила волосы, одернула майку.

– О, синьора Паола, доброе утро!

Глаза цвета лигурийского базилика подчеркивал такой же зеленый костюм.

Паола окинула взглядом комнату Саши. Незастланная кровать, три грязные чашки возле компьютера: Саша проснулась в шесть утра и успела выпить три кофе. Возле чашек валялась

упаковка таблеток от головной боли.

Паола нахмурила лоб, но лишь на секунду, тотчас же улыбнулась, появились милые ямочки на щеках.

– Очень вредно дожимать себя до конца, когда пишешь. Собирайся, мы идем гулять!

Саша мгновенно уловила, что это была не просто просьба. Милое, но решительное волеизъявление.

– Жду тебя в саду, cara.

Саша засуетилась. Натянула джинсы, майку, взглянула в зеркало. На майке желтело пятно. Чистых маек не было, поэтому она накинула сверху легкий синий кардиган.

Паола стояла возле изгороди и гладила листья жасмина.

– Скоро осень, жасмин начинает менять цвет, – произнесла она с легкой меланхолией в голосе.

Саша подошла ближе, на ярко-зеленых листьях появились еле заметные красные точечки.

– Какая вы внимательная, синьора Паола, я бы такую деталь не заметила.

– Чем внимательней ты будешь, тем интересней будет твоя жизнь, дорогая.

Она нажала на кнопку, справа от входа, и ворота медленно раскрылись.

– Ты не против, если я возьму тебя за руку, будем гулять, как подружки, – она улыбнулась и взяла Сашу под локоть.

Они миновали виллы с садами, больше похожими на городские парки: внутри журчали фонтаны и виднелись ряды пальм, магнолий и заросли олеандров. Лигурийский сентябрь походил на жаркое питерское лето.

Саша и Паола вышли на широкую аллею с элегантными витринами, в которых красовались расшитые вручную ковры, платья в пол и антиквариат. Даже лавка с мороженым была здесь не похожа на те, что в старом городе: здешняя отличалась стильной надписью и интерьером. Они свернули на улицу поуже и скоро оказались на просторной Корсо Италия.

– Если идти в эту сторону, – Паола махнула вправо, – ты попадешь в центр города, но мы идем сюда, – указала Паола в противоположную сторону, – хочу показать тебе одно местечко.

Саша по привычке шла быстро. Паола нажала на ее локоть и остановилась.

– Дорогая, куда ты так летишь? У нас не назначено никакой встречи, кроме как с городом. А он уже здесь, – она показала рукой вокруг.

Саша старалась замедлить шаг, но давалось ей это сложно, она привыкла ходить быстро.

– Ты суетишься, – нажала Паола на Сашин локоть еще раз, замедлив ее шаг, – так ты не успеешь рассмотреть подробности жизни.

Они прошли ворота с надписью «Теннисный клуб».

– Ты играешь в теннис? Здесь, в Альбаро, несколько теннисных кортов, в этом клубе играет…

– Мама! – услышали они громкий голос.

Паола оглянулась.

– Аморе! Только говорила, что здесь играешь ты.

– Да, вот он я, – перед ними стоял улыбающийся Эдуардо, тот самый, с которым Саша говорила в зуме. Белая майка, короткие шорты, всё та же обворожительная улыбка.

Паола расцеловала Эдуардо в обе щеки.

– Вы знакомы? – повернулась Паола к Саше.

Эдуардо протянул Саше руку.

– Да, конечно, я же проводил с Александрой собеседование. Мама, ты в хороших руках. Уверен, что Саша напишет потрясающую книгу.

Саша потупила глаза. Потрясающую… Сколько ожиданий.

– Как вам Генуя? – Он посмотрел на Сашу своими зеленющими глазами.

– Пока я мало что видела, – тихо произнесла она.

Эдуардо дико ее смущал.

– Мы должны показать вам Геную так, чтобы вы точно в нее влюбились, – он улыбнулся еще очаровательнее, чем прежде. – Что же, мне пора, был рад увидеться.

Он поцеловал Паолу в щеку и помахал Саше рукой.

– Мой мальчик… – Паола нежно посмотрела ему вслед, – Кстати! Тебе надо обязательно провести с ним интервью, ведь он – важная часть моей жизни. Давай присядем.

Они сели на скамейку, в спинку которой был вставлен белый овал и красный крест – флаг Генуи.

– Жаль, что для Эда достойная женщина пока не нашлась. Ты не подумай, я вообще не типичная итальянская мама, – она посмотрела на Сашу прищурившись, – ты же знаешь феномен итальянской мамы?

Саша покачала головой.

– Если в двух словах, мамы очень ревниво относятся к своим сыновьям и считают, что лучшие женщины для них – они сами.

Паола засмеялась.

– А я так не думаю. Ему самому решать. Я бы хотела внуков, бесспорно, пока есть силы их нянчить, – Паола посмотрела вдаль, задумавшись, – мой бедный отец, увы, так и не дождался внука, его не стало раньше, чем я стала мамой. Знаешь, кем был мой

отец? – спросила Паола Сашу и, не дождавшись ответа, принялась рассказывать про первую круизную компанию Генуи, основанную ее отцом. Бизнес процветал, отец много инвестировал в недвижимость, затем в искусство, их дом заполняли картины местных, и не только, художников. Мама Паолы тоже любила искусство, поэтому Паола получила художественное образование и, повзрослев, стала коллекционером и меценатом.

– Как твоя головная боль? – внезапно спросила Паола.

Саша удивленно посмотрела на «графиню».

– Я заметила таблетки на твоем столе. Ты часто ею мучаешься?

Саша кивнула.

– Боль всегда хочет тебе что-то сказать, – Паола поднялась, – продолжим наш путь, – и ухватилась за Сашину руку.

Корсо Италия шла вдоль моря и привела к церкви. Они спустились вниз и оказались на крохотной набережной в окружении теснившихся друг к другу разноцветных домиков. На пляже валялись старые лодки, в кафе напротив играл тихий джаз.

– Это Бокадассе, когда-то рыбацкая деревушка, сейчас она – часть квартала Альбаро.

Они зашли в кафе. Увидев Паолу, официант подбежал, выпрямился и слегка поклонился.

– Синьора Паола, какая честь. Предпочитаете внутри или снаружи? Что принести? Как всегда?

– Да, да, мы сядем снаружи.

Паоле принесли «кафе лунго», а Саша заказала капучино.

– Дорогая, я хотела бы глянуть, что ты написала, дашь мне прочесть рукопись на днях?

Саша покраснела:

– Я… дело в том, что я… не закончила.

Паола улыбнулась:

– Конечно, прошла всего лишь неделя. Покажешь то, что успела.

Паола отпила кофе.

– Сколько тебе лет, милая?

– Тридцать семь.

– О, в тридцать семь я как раз родила Эдуардо. Ты влюблена? Есть кто-то на примете?

– Нет.

– Думаю, моя книга тебе поможет. Сама увидишь. Тебе нравится здесь? – Она показала на пляж.

– Да, очень мило. Уютная бухта.

Паола замолчала, потягивала кофе и пристально смотрела куда-то вдаль.

Саша перебирала в голове вопросы, которые хотела задать Паоле, чтобы зря не терять время. Она открыла блокнот и уже была готова спросить что-то, как Паола повернулась к ней и произнесла:

– Милая, тебе надо уметь отдыхать. Просто посмотри на горизонт.

Так они сидели молча еще полчаса. Первое время Саша ерзала, тишина ее смущала. Кричали чайки, по пляжу бегали собаки, дул теплый ветер. Саша втягивала морской воздух. Она, привыкшая к северному морю, чувствовала его здесь по-другому. Дома, суровое, оно часто угнетало и давило, а здесь радовало. Саша почувствовала, что головная боль наконец-то отпустила.

– Ну что же, пора домой. Сегодня Магда приготовит нам свежее песто. Я прошу ее растирать базилик вручную. Так делала моя бабушка. Песто – наш самый главный специалитет. Сегодня пообедаешь со мной, ладно?

На просторной светлой кухне, возле длинного стола с мраморной поверхностью хлопотала Магда в зеленом фартуке. Перед ней лежали горка свежего базилика и чеснок, стояла тарелочка с кедровыми орешками, оливковое масло, тертый сыр.

Магда взяла мраморную ступку размером с небольшой арбуз, положила туда чеснок и начала растирать его деревянным мотарелло – палкой с расширением книзу.

– Знаешь, меня Паола научила, а ей бабушка рассказала: когда растираю вручную песто, мысленно помещаю туда все свои плохие мысли. И растираю их вместе с базиликом. Тру их, тру, тру.

С этими словами Магда добавила в ступку базилик и начала давить его еще сильней, казалось, вот-вот она продавит в ступке дырку.

– И происходит удивительное, плохие мысли и правда куда-то уходят…

– А не проще ли в блендере всё это порубить? – спросила Саша.

Магда ухмыльнулась.

– Что ты, это не по-генуэзски совсем. Настоящие лигурийцы никогда не станут рубить базилик этой штукой. Только вручную. Я, между прочим, делаю песто по старинному рецепту истинных генуэзцев.

Магда продолжала растирать песто и добавляла по ходу оливковое масло, тертый сыр, орешки, морскую соль.

– Самый вкусный песто только в Лигурии, знаешь? Купила я как-то баночку песто, чтобы отвезти сестре, она в Милане живет. Отварили фарфалле, заправили песто, попробовали. Другой вкус,

понимаешь. Совершенно. Как будто, отдаляясь от Генуи, песто теряет свою силу.

Песто ели с трофье, короткой пастой ручной работы, похожей на веревочки. Магда объяснила, что пасту скручивают вручную.

– Вкусно? – спросила Паола.

– Невероятно, – промычала Саша.

А вот как делала Магда песто (pesto): *рецепт бабушки Паолы*

Ингредиенты:

3 пучка базилика (примерно 150 г)

50 г тертого пармезана

50 г тертого пекорино (овечьего сыра)

Зубчик чеснока

Морская крупная соль

80 мл оливкового масла (некоторые итальянские повара предпочитают добавлять подсолнечное масло, потому что вкус мягче)

Горсть кедровых орешков (примерно 35 г)

Правильное песто делают с помощью ступки, но за неимением оной можно использовать блендер.

Процесс:

1. Оборвите листики базилика по одному, вымойте и аккуратно, чтобы не повредить, высушите.
2. Перед использованием поставьте оливковое масло в стакане в холодильник на 20–30 минут: так масло охладится и это придаст песто приятный зеленый цвет.
3. Залейте в блендер половину масла. Положите базилик.
4. Добавьте в блендер щепотку соли, чеснок и кедровые орехи.
5. Измельчите всё в импульсном режиме. Это важно. Таким образом песто не будет перегреваться, сохраняя ярко-зеленый цвет.
6. Наконец, добавьте постепенно тертый сыр и опять пробейте блендером.
7. Попробуйте. Если песто слишком соленое – добавляем орешки, если пресное – пармезан (не пекорино). Если суховато – добавьте масла. Если жидкое – базилик или сыр. Когда достигнете идеальной консистенции, можно приправить соусом пасту. Сделайте так: положите в тарелку несколько ложек соуса, затем влейте пару ложек воды, в которой варилась паста, а потом уже всю пасту. Так соус не будет слишком сухим.
8. Остальное песто отправьте в холодильник. Для этого переложите его в баночку. Верх аккуратно покройте маслом, чтоб песто не соприкасалось с воздухом. Так свежее песто сохранится неделю.

Глава 7

Саша проснулась и осталась лежать в кровати. Сегодня суббота. Она вспомнила это тяжелое ощущение пустоты выходного дня. Когда встречалась с Женей, бывшим, за которого она всерьез собиралась замуж, Саша обожала наступление пятницы. Ведь скоро суббота, а это значит, что они поедут на дачу. Саша всегда заезжала за Женей сама. Загружала машину едой, рассадой, постельным бельем, теплыми носками, термосами для чая и всем необходимым для счастливых романтичных выходных. Дача располагалась ближе к Саше, но ради Жени, у него не было машины, она делала крюк, что занимало час времени, а потом уже они вместе, под веселые песни, еще час, ехали на Женину дачу.

Женя на даче обычно отдыхал, а Саша любила сажать цветы и наводить порядок. Женя на работе очень уставал. Он повесил между березами уютный гамак, где читал книги. Еще он рыбачил в соседнем озерце, а Саша приносила ему горячий кофе в металлической походной чашке. Потом он разводил костер и варил уху. После обеда в воскресенье Саша опять собирала все вещи, завозила Женю, потом ехала домой. Чувствовала себя уставшей, но счастливой, ведь у нее был любимый мужчина.

Однажды Саша в субботу работала, Женя поехал без нее. Воскресным утром Саша решила сделать ему сюрприз. Женя стоял на дачной кухне и готовил яичницу. Счастливая, она бросилась ему на шею: надо же, он решил покормить ее завтраком! Но неожиданное «котик, ты где?», раздавшееся из спальни, разрушило идиллию.

Женя смущенно пробубнил:

– Я думал, ты не приедешь.

Следующие два года Саша занималась на выходных исключительно работой и домашними делами, встречалась с друзьями. Но по субботам осталась эта легкая тоска…

Саша вышла из комнаты часов в десять. Паола сидела на террасе.

– Заходи, cara. Как твоя голова? – оторвалась она от книги.

– Побаливает.

Саша откашлялась и положила на стол распечатанные листы.

– Вот, как вы просили. Две первые главы.

Саша опять откашлялась.

– Ничего не буду читать, пока не выпью кофе. – Паола позвонила в колокольчик.

Магда заглянула в дверь.

– Si, signora.

– Принеси мне кофе, дорогая, и воды с лимоном, – она повернулась к Саше: – Тебе надо очиститься, вода с лимоном – идеальное средство. Ты почему-то кашляешь, когда говоришь о книге. Чего ты боишься?

– Ммм, ничего особо… вроде, – промычала Саша.

– Столько неуверенности в твоем голосе, cara, вот выпей.

Магда поднесла ей стакан.

– Ну, посмотрим. – Паола надела очки и начала читать.

Через полчаса полной тишины Паола отложила листы, встала, дотронулась до Сашиного шарфа.

– Твой текст такой же колючий, как этот шарф.

Сашины щеки вспыхнули румянцем. Ну вот ее и разоблачили. Не прошло и недели.

Паола встала, поманила Сашу за собой, прошла в гостиную и открыла стоящий в углу деревянный сундук с медными замками. Потертый со всех сторон, с глубокими и не очень царапинами и выпуклостями, сундук явно повидал на своем веку немало. На итальянском это звучало как vissuto (переживший).

– Любимый сундук моей бабушки, – Паола нежно погладила поверхность и открыла крышку.

Внутри лежали кашемировые шали и свитера, переложенные сухими листьями.

– Листья пачули помогают от моли, так считали в Европе в прошлом веке.

Паола достала кашемировую шаль бежевого цвета. На краю болталась бумажная бирка. Паола подошла к Саше, сняла шарф и укутала ее плечи шалью. Саша зажмурилась от удовольствия, на каждое плечо уселись по десять ласковых мурлыкающих кошек.

– Пишешь ты хорошо, – произнесла Паола, усевшись в бархатное кресло гостиной, – прилежно. Ты очень дисциплинированна и усердна.

Саша сжала губы, не понимая, хвалят ее или критикуют.

Паола встала и зашагала по комнате. Полы ее нежного розового пеньюара касались мрамора.

– Однако дисциплина, дорогая моя, не всегда работает. Твой текст не льется… он прерывистый, нервный, словно ты пишешь на краешке неудобного табурета.

Саша зажевала нижнюю губу, вспомнив табурет бывшего, впилась ноготками в кулаки: «Глупая, глупая, какая же ты глупая и бесталанная».

– Тебе не хватает… – Паола прищурилась, подбирая слова, – вкуса к жизни… Ты всё хорошо описываешь, емко и по делу, но эта книга больше чем просто биография… и ее невозможно

написать только через упорный труд.

Паола замолчала.

– Невозможно писать хорошо, если ты несчастна. Нет, можно, конечно, но тогда получится книга, наполненная болью. А нам нужна книга, наполненная наслаждением и любовью к жизни.

Паола направилась к двери:

– И вообще, писатель должен себя беречь. Вкусно есть, заботиться о своем теле, исследовать мир, окружать себя красивым, чтобы черпать вдохновение. Ведь писать – довольно энергозатратный труд, знаю это по себе.

Паола вышла и уже в коридоре выкрикнула:

– С завтрашнего дня начнешь жить по моему расписанию! Завтракаем вместе.

Весь оставшийся день Саша просидела над рукописью, пытаясь сделать текст легче. Она злилась, переписывала, стараясь добиться сочных метафор, но получалось сухо и бесцветно. После пяти часов работы голова раскалывалась, писать стало невмоготу, и Саша сдалась. Она оделась и вышла из дома.

Субботний Альбаро прихорашивался к вечеру. Официанты расставляли столики и готовили барные стойки с аперитивами, заполняя тарелки крохотными бутербродами, гигантскими оливками и сырами с прошутто. Саша, обычно равнодушная к еде, почувствовала дикий голод. Она зашла в маленький супермаркет, остановилась у просторного прилавка. Элегантная синьора в огромных черных очках попросила у продавца ассорти для пасты с морепродуктами, и тот вытаскивал наружу грозди креветок, кальмаров и еще каких-то неизвестных Саше каракатиц.

Она купила готовый суп, хлеб и виноград.

Магда фрукты покупала не в супермаркете, а в лавках fruttivendolo. Небольшой магазинчик выставлял на улице деревянные ящики с образцово-показательными овощами и фруктами. Гигантские мандарины без единого изъяна, словно отполированные гранаты, идеальные, как с картинки, букеты артишоков.

В старом городе Саша видела такие же, но в три раза дешевле.

Саша хотела взять к винограду какого-то необычного сыра, вспомнив, как в одном из баров виноград лежал рядом с сырными кусками, но, растерявшись перед таким разнообразием, купила знакомый пармезан.

* * *

– Паола сказала, что мой текст нервный и мне не хватает удовольствия от жизни. – Саша сидела на террасе и любовалась тем, как небо затягивается розовой закатной дымкой.

Подруга хмыкнула:

– Я тебе это всё время талдычу, Сашуль. А включи видео, покажи, где ты, или у вас уже темно?

Саша повернула экран к морю.

– Аааааа, – закричала Люба так, что Саше пришлось убавить звук, – шоб я так жил! Это что, правда море?

– Ясный перец, мы ж в Лигурии, – деловито заметила Саша.

– Какая же красота, какое невероятное небо! Ну и как тебе Лигурииияя? – смешно «якнула» Люба.

– Да я толком еще ничего не видела, сижу работаю целый день.

– Эх, Сашуль, ты на море, среди такой красоты, вот бы меня туда… я бы прожила на полную катушку эту вашу дольче вита. Ладно, я пошла, хочу помедитировать перед сном, и тебе советую… – зевнула Люба.

Раиса Марковна хмыкнула: «Ерунда эти ваши медитации».

Саша заснула на удивление быстро и проспала всю ночь напролет.

Глава 8

Паола в широкополой белой шляпе покачивалась в соломенном кресле-качалке и что-то читала. Тарелки переливались в лучах утреннего солнца, как перламутр раковин.

– Доброе утро, синьора Паола, – Саша вышла на террасу.

– Зови меня просто Паола, ладно?

Саша примостилась на край узкого стула.

– Почему ты села именно туда? – спросила Паола.

Саша пожала плечами.

– А ты подумай, почему ты села на самое неудобное место. Ведь здесь есть гамак, кресло-качалка и два удобных кресла.

Саша потерла затылок и потянула носом. Вчера с моря дул сильный ветер. Она быстро вытерла нос рукой. Паола достала из кармана, спрятавшегося в складках нарядного пеньюара, накрахмаленный тканевый платок и протянула Саше. Несмотря на заложенный нос, она почувствовала запах изысканных духов.

– Как вкусно пахнет…

– Эти духи я покупаю в местной парфюмерной лавке, ей больше ста лет. Запах ванили и корицы, а еще бергамот, лимон и апельсин. Какие твои любимые запахи?

– Не знаю, не задумывалась как-то, – пожала Саша плечами.

Паола взяла со стола половинку лимона и поднесла к носу.

– Например, я обожаю запах лимона.

Паола подошла к ряду зеленых вазочек с базиликом и провела рукой по листьям.

– Еще я люблю запах базилика, запах кофе и запах моря… я знаю все свои любимые и нелюбимые запахи.

Магда вернулась с серебряным подносом. Поставила на стол две чашки с коричневым молоком, корзиночку с завернутой в промасленную бумагу фокаччей. Паола поморщилась, Магда словила ее взгляд, ловко убрала бумагу, нарезала желтую, в крупные дырочки фокаччу на узкие полосы и положила на блюдца чашек.

– Это молоко с кофе. Мы называем его caffelatte. Кофе с молоком. Хотя молока здесь больше. Ну что же, приступим.

Паола взяла фокаччу, обмакнула ее в caffelatte, откусила и закатила глаза.

– Это невероятно вкусно, попробуй…

Саша быстро обмакнула, так же быстро поднесла фокаччу ко рту, но Паола остановила ее, прикоснувшись к Сашиному запястью.

– Нет, дорогая, так не пойдет. Давай заново. Не суетись. Итак, обмакни еще раз фокаччу. Хорошо, а теперь очень аккуратно неси ее в рот. Медленно откуси. Теперь очень медленно жуй, почувствуй вкус. Ешь медленно, пожалуйста. Brava.

Саша почувствовала на языке странный новый вкус. Фокачча размякла, стала сладкой, кофейной и молочной одновременно, она нежно таяла во рту.

– А теперь отпей кофе, – приказала Паола.

В кофе-латте плавали масляные круги, и недавно сладкий напиток стал соленым.

– Необычное сочетание, – промычала Саша.

– Этот вкус и есть Лигурия. Соленый, как море, нежный и сладкий, как наши местные цветы.

Паола встала.

– Смотри, какое сегодня красивое море.

«Море как море, синее, как обычно».

– А ты присмотрись, – словно услышав ее мысли, произнесла Паола, – видишь, видишь, ближе к берегу море лазурное, а дальше сапфировое, как мое кольцо, – и Паола сверкнула крупным сапфировым перстнем. – Дальше море совсем белое, оно почти сливается с горизонтом. Море становится небом… – Паола втянула воздух. – Сегодня прекрасный день. Жду тебя после обеда, дорогая, поедем в Камольи.

Саша произнесла вслух: «Камольи». Звучит красиво.

* * *

Дорога, первая римская автотрасса с красивым названием Аурелия, петляла влево, вправо, между живописными обрывами, соснами и домиками на вершинах скал. На нее словно жемчужины нанизаны города и бухты. Камольи, Рапалло, Портофино.

Стефано ехал медленно, позволяя обгонять себя загорелым подросткам на мотороллерах.

– Я тоже так летал, когда моложе был, – хмыкал он и улыбался.

Генуя делила Лигурию на Ривьеру-ди-Леванте, ближе к востоку, и Ривьеру-ди-Понente. Леванте, по которой они ехали прямо сейчас, имела неоднородный ландшафт, а Понente начиналась широкими песчаными пляжами в Италии и заканчивалась во Франции.

Они доехали до Камольи, и Стефано оставил их возле местного вокзала. Они спустились вниз по длинной лестнице.

– Смотри, такое ты встретишь только в Лигурии, – она остановилась у разноцветного дома.

На бежевых фасадах красовались бордовые завитушки, а на розовых – ставни на тон темней. Из некоторых окон выглядывали девушки в старинных чепчиках и мужчины с рыболовными сетями.

Нарисованные ставни казались настоящими, а персонажи – реальными жителями городка.

Они спустились к крохотному порту, на волнах качались небольшие яхты и разноцветные, потрепанные морем лодки, затянутые рыбачьей сетью. Рядом возился старик. Морщинистые загорелые руки, такое же морщинистое лицо и выцветшие глаза.

Паола следовала дальше, вдоль набережной тянулись кафе и магазинчики, она остановилась у одной вывески с надписью Foccaceria.

– Раз уж сегодня начали фокаччей, ею и продолжим.

Из-за прилавка тесной хлебной лавочки выплыла пышная румяная хозяйка.

– Синьора Паола, как я рада! – она вытерла руку о фартук и протянула ее «графине».

– Вот привела вам ученицу, ей обязательно надо увидеть танец фокаччи.

Хозяйка засмеялась и отвела Сашу на небольшую кухню, по

которой проворно перемещалась черноволосая невысокая синьора.

– Сильвана, – подала она руку Саше, – вот надень, пожалуйста, – она протянула Саше тканевую шапочку и фартук.

Черноволосая синьора стояла над чем-то вроде стола с деревянной поверхностью, засыпанной мукой, с кучей тарелочек и пакетиков, и гладила тесто.

– Нет блюда проще фокаччи, – с этими словами Сильвана начала быстро раскатывать тесто скалкой, затем подхватила этот блин и начала подбрасывать его, растягивая на весу забавными круговыми движениями. Тесто словно ожило и затанцевало в ее руках. Это всё и правда напоминало танец фокаччи.

– Хочешь сама попробовать?

Она дала Саше раскатанный кусок теста, та попыталась его покрутить, но тесто тотчас же порвалось.

– Нужна практика, не переживай. Почувствуй, какое тесто мягкое и нежное, словно живое. Я даже разговариваю с тестом, только не подумай, что я тронулась.

Пока Саша мяла тесто и пыталась заново его раскатать, Сильвана взяла свежий пласт, так же подкинула его, так же покрутила и, раскатав до огромных размеров, расправила тесто на огромном противне, загнула края, взяла из тарелки мягкие белые куски, как оказалось, сыра страккино, и добавила сверху.

Сильвана повторила свой танец с фокаччей еще раз и накрыла сыр вторым слоем теста. Сделала наверху фокаччи надрезы и отправила ее в духовку. Саша, разгоряченная, вышла на улицу.

Паола восседала на краю лодки с бокалом просекко.

– Ну что, как тебе?

– Здорово, только я не понимаю, какое это имеет отношение к вашей биографии, – пожала плечами Саша.

Паола хмыкнула.

– Имеет, и самое прямое! Девочкой я с мамой приезжала сюда гулять и перекусывать этой самой фокаччей. Всё, что я показываю тебе, имеет отношение к моей биографии. Не поняв Лигурию, ты не сможешь понять меня. Тебе надо почувствовать вкус этого места.

– Signore, prego! – пышная хозяйка вышла из пекарни и подняла вверх бумажные тарелки.

Саша подбежала и схватила картонки.

– Attenta che scotta (осторожно, горячо)!

Горячие порции сырной фокаччи оставляли в воздухе дымок.

Паола подковырнула вилкой кусочек, отправила его в рот и закрыла глаза от удовольствия.

– Вот она, живая еда. Та, что сделана с любовью, обладает совсем другой энергией. Чем больше ешь живой еды, тем больше энергии в тебе самой.

Саша попробовала фокаччу. Невероятно! Это же вкус бабушкиных сырников. Только более соленых. Нежные, сырные, горячие. Саша уплела фокаччу за пару минут и сразу же захотела добавки.

– Вижу, тебе понравилось, – рассмеялась Паола, – как это по-русски… остались только рожки да ножки.

– Это правда очень вкусно, – Саша причмокнула, собирая вилкой крошки.

– Фокаччча с сыром, как это вы молодые называете, – Паола сморщила нос, – эээ… наша фишка. Местный специалитет. Такую фокаччу с сыром делают с XIX века, начали в городе Рекко, это тут недалеко. Потом ее стали делать все кому не лень, не особо заботясь о рецептуре. Тогда производители объединились для защиты оригинального рецепта и определили главные элементы. Фокачча должна быть сделана в одном их четырех городов: Рекко, Камольи, Сори или Авеньо, только из итальянских продуктов и выпечена на противне из луженой меди.

Они встали и пошли вдоль моря.

– Я хочу научить тебя чувствовать! – воскликнула Паола, театрально закинув голову и всплеснув руками. – Еду, цвет, формы, на нас влияет буквально всё. Всё, что окружает. Умение чувствовать очень важно для тебя, творческого человека.

Раиса Марковна хмыкнула: «Тоже мне творческий человек».

– Да, и не думай, что это единственный раз, когда ты будешь готовить. Поверь мне, кто не любит еду, не любит жизнь, – продолжила Паола.

Они присели в кафе, выбрав место у самого моря. Паола попросила белого вина. Саша заказала чай.

– Прислушайся к звукам, – Паола сделала жест рукой, обводя пространство вокруг, – сделай глубокий вдох, потом выдох, – Паола сделала то же самое, – закрой глаза, если так тебе будет легче. Теперь послушай мир вокруг себя. Когда закончишь, то можешь записать все услышанные звуки.

Саша глаза не закрыла, но достала тетрадку и начала записывать всё, что слышала вокруг. Лай собаки, белого лабрадора, звонкий, из трех коротких «ав». Тут же лай потише, глухой и обрывистый, – рядом бежал старый охотничий пес.

Крик чаек. Сперва несколько одиноких криков, потом крик нарастал, к нему присоединялся еще один, второй, и вот уже они звучали вместе, как веселый пронзительный хохот. Волны. Туда. Сюда. Дальше, ближе. Море волнуется раз… море волнуется два.

Шорох камешков, кто-то идет, звук машин сверху. Колокол из той розовой церкви… Один, два, три, и так до десяти… Заливистый смех ребенка, его «mamma», за ним приятный, но решительный женский голос: «amore, vieni qua» (любовь моя, иди сюда).

Саша записывала и продолжала вслушиваться, подмечая новые звуки, даже то, как поскрипывала сейчас ручка по бумаге.

– А теперь, – произнесла Паола, – возьми один из этих звуков и подумай, какого этот звук цвета… а вкуса?

– Цвета?

– Ну ты же писатель, творческий человек, используй силу воображения!

Саша глянула на список.

Какого может быть цвета крик чаек? Белый, наверное. Они же сами белые. А вкус… Соленый? А тот крик ребенка? Почему-то Саша почувствовала вкус карамельки, а цвет… пусть будет розовый. Шум волн. Цвет – голубой. Вкус – минеральная вода с пузырьками. Звон колокола бежевый, вкус… Саша почувствовала вкус сладких блинов. Почему блины? Она пожала плечами и улыбнулась.

– Необычная игра, – Саша облизнула сухие губы.

Паола достала из сумки маленькую круглую коробочку и протянула Саше.

– Вот, держи. Это бальзам с лечебными маслами из моей любимой лавки.

Блеск для губ пах малиной. Малина, а еще шоколад… ну конечно, это были ее самые любимые запахи. А еще сирень, мандарины, кофе… и пока они возвращались домой, Саша вспоминала все самые любимые запахи.

Рецепт традиционной focaccia *(потому что для сырной нужно быть в Лигурии и купить местный страккино)*

Ингредиенты:
1 кг муки высшего сорта
75 г свежих дрожжей
Полстакана белого вина
Полстакана оливкового масла
Соль

Процесс:

1. Треть муки всыпьте в миску для смешивания и сделайте из муки горку с углублением внутри.
2. Положите в углубление дрожжи и налейте стакан теплой воды.

Всё перемешайте. Накройте полотенцем и оставьте на 4 часа.

3. Добавьте остальную муку, вино и оливковое масло.
4. Перемешайте всё хорошенько, пока тесто не станет эластичным; если слишком тугое, добавьте немного теплой воды.
5. Опять поставьте тесто отдохнуть на 4 часа.
6. Затем выложите на предварительно смазанный оливковым маслом противень.
7. Пальцами сделайте в поверхности углубления, сбрызните оливковым маслом, посыпьте солью.
8. Выпекайте 40 минут при температуре 200–230 ˚C.

Готовую фокаччу остудите, завернув в хлопковое полотенце, дайте ей отлежаться пару часов, чтобы ароматы горячего хлеба улеглись и стали единым целым. Остывший хлеб нарежьте полосками и наслаждайтесь пористым мякишем. Для идеальности момента можно, как и героиня, обмакивать кусочки фокаччи в кофе с молоком или капучино. Еще можно разрезать фокаччу пополам, намазать внутри мягким сыром, положить пару свежих помидоров, зелень, сложить – и получится самый вкусный на свете бутерброд.

Глава 9

Саша просыпалась рано и сразу же начинала писать.

Паола вставала около семи утра, одевалась по-спортивному и гуляла по кварталу. Доходила до Бокадассе, иногда выпивала там свой первый кофе в баре, затем возвращалась домой, где Магда уже накрывала завтрак.

Магда любила готовить Паоле яичницу или яйца всмятку, иногда варила кашу, время от времени брала в пекарне рядом фокаччу.

В тот день Саша застала Магду в гостиной. Она стояла перед распахнутым сервантом и протирала посуду. Чего там только не было! Целая коллекция чашек, и классических, и побольше, и совсем крохотных, ряды молочников и милых подставок для яиц. Тут была и сицилийская керамика, желтая в голубые узоры, и изысканный фаянс знаменитых французских домов, и винтажный немецкий фарфор, и польский в мелкий цветочек, и даже императорский из Санкт-Петербурга, в привычные для Сашиного глаза ромбы.

– А вот эти, – Магда взяла симпатичные белые чашечки, вставленные в металлические емкости, – Паола купила на здешнем аукционе в Кастелетто.

– Это вроде подстаканников?

– Подчашечников, – улыбнулась Магда.

Она медленно закрыла дверцы серванта, и только сейчас Саша заметила, что цвет серванта вовсе не рыжий, как ей показалось вначале.

Яркое солнце переливалось в стеклянных дверцах, отражалось на поверхности золотистым, до боли знакомым цветом. Кухня, скатерть, блюдечко с янтарного цвета абрикосовым вареньем, которое бабушка только что сварила. Чашки, печенье, бабушка зовет пить чай. Там же стоит вазочка с медом, бабушка тщательно намазывает мед на белый хлеб.

Саша пригляделась к цвету серванта. Если стоять с правой стороны, то его цвет казался медовым, а если слева – янтарным. Сервант цвета варенья и меда. Янтарно-медовый.

– Синьора Паола просит меня сервировать стол каждый день по-разному, – прервала Сашины мысли Магда, – она велит доставать самые дорогие сервизы, а я, знаешь, по привычке берегу всё на потом, на лучший день, на праздник.

«Это платье для особого случая», – любила повторять мама, отвечая на вопрос Саши, почему она не носит свое любимое шелковое платье серо-голубого цвета. Мама надела его только

раз, на свадьбу к сестре, Саша помнит, какая мама была радостная и счастливая. Больше она ее такой не видела. Платье мама тоже больше не надевала. Оно грустно висело в шкафу.

Сегодня на столе лежала голубая льняная скатерть с желтым кружевом по краю. Магда принесла яйца всмятку и вставила их в керамические подставки желто-синего цвета.

– Сегодня тебе предстоит сделать кое-что необычное, – сказала Паола за завтраком, – сейчас допьем кофе, и можешь собираться.

Саша хотела возразить, что она предпочла бы поработать над рукописью, но промолчала. Спорить с Паолой казалось ей бесполезным.

Перед невысоким зданием железнодорожного вокзала «Nervi», куда Сашу и Паолу доставила медленная электричка, тянулась аллея с дикими апельсинами. В самом начале дороги торчал полуразрушенный дом без окон и дверей.

– Мы называем его «дом с привидениями», я хотела как-то купить его, чтобы сделать арт-пространство, но владелец, – она смешно потрясла головой, – выдал несусветную стоимость.

Паола остановилась и глубоко вздохнула.

– Дыши, здесь целебный воздух, как для здоровья, так и для вдохновения.

Саша оглядывалась по сторонам. Справа блестело море, слева раскинулся многоэтажный белый палаццо с бассейном и просторным садом-парком.

– Это отель «Savoia Beeler». Какое-то время сюда приезжал творить Хэмингуэй. – Паола взяла Сашу под руку и легонько надавила, чтобы та шла медленней. – Когда-то о Нерви знали лишь избранные, – Паола смешно тряхнула головой и сделала паузу.

Наверное, она была бы вовсе не против, если бы о Нерви продолжали не знать.

– Сюда съезжались анархисты и революционеры, – продолжала она, – убегали от суровой зимы писатели и поэты. Цветаева, например, жила в пансионе «Pensione Russe», я покажу тебе потом.

«По-моему, у свекров Оли есть отель недалеко от пансионата Цветаевой, вроде четыре звезды», – вспомнила Саша.

Еще пара фасадов, и они оказались в огромном парке. Среди просторных лужаек раскидывали свои вековые лапы магнолии, пальмы, кедры-великаны, морские сосны – пинии. Саша аккуратно ступала по дорожкам, представляя, как маленькая Паола гуляла здесь с мамой. Точно так же, как Саша гуляла со своей бабушкой в их ботаническом саду.

Паола дотронулась до коры гигантского кедра.

– Я играла здесь в прятки, когда была маленькой.

Журчали фонтаны, сквозь кроны магнолий розовел элегантный фасад виллы, а там, внизу, сверкала полоска моря. Воздух наполняли запахи моря и незнакомые Саше ароматы растений. Паола приблизилась к густому кусту с продолговатыми листьями и белыми, похожими на жасмин, мелкими цветочками. Она поманила Сашу.

– Попробуй медленно вдохнуть этот запах…

Саша послушно втянула сладкий аромат и чуть не подпрыгнула от восторга. Цветы пахли тем самым абрикосовым вареньем из детства и немного медом, а еще персиком и чем-то неуловимым, что Саша не могла вспомнить. Она с удивлением посмотрела на Паолу и пробормотала:

– Поразительно… в нем столько знакомого, что это за растение?

– Османтус, – улыбнулась Паола, – для меня он пахнет фруктами. Персиком, но не мякотью, а кожицей. И… пожалуй, курагой, а еще кожей, хотя нет, замшей, такой, из которой делают мягкие сумки… точно. Но есть еще кое-что, – она поморщила лоб, замолчала и посмотрела в сторону выхода, – это запах местной железной дороги.

Паола выпрямилась. Османтус и железная дорога. Так пах квартал Нерви.

Саша улыбалась, никогда бы не подумала, что она станет так старательно рассуждать на тему ароматов.

Они вышли к набережной. Паола достала что-то из кармана и дала Саше. Это была коробка с берушами.

– А вот и твой сюрприз. Тебе надо заткнуть уши и гулять в полной тишине два часа.

Саша округлила глаза.

– Два часа?

Паола нежно дотронулась до Сашиной руки.

– Сделай, как я тебе говорю, встретимся на этом же месте через два часа. Главное – не жульничай. Заткни уши и не вынимай беруши два часа. Позже узнаешь, зачем ты это делала.

Первые шаги Саша делала аккуратно и робко. Она шла и слышала свое дыхание, оказывается, она дышала так шумно и странно. Слышала какое-то внутреннее бульканье и странный гул, похожий на шум морских волн. Отсутствие внешних звуков продолжало погружать Сашу в себя всё глубже и глубже.

La Passeggiata, набережная, тянулась на высоте нескольких метров. Внизу сверкало море, виднелись каменистые пляжи и крохотные бухты с полосатыми шезлонгами, люди принимали

солнечные ванны даже в сентябре. Вдоль набережной торчали пальмы и сосны, а из-за поворотов выглядывали башенки и крыши розовых домов.

Она дошла до крохотного замка, каждый угол которого украшала маленькая башенка. Крепость XVI века защищала когда-то от турецких пиратов. Напротив крепости ютился крохотный порт с рядами белых яхт, розовой церковью и пастельно-желтыми домами. По краю набережной важно вышагивали чайки, пожилые люди грелись на солнышке. Было странно не слышать звуков, а лишь догадываться, какими они могут быть.

Саша пристально рассматривала прозрачное море. Волна за волной омывала камни. Но вместо звука волн, Саша слышала волны внутри себя. Она шла, и мысли толпились в ее голове: «Что за ерунда, зачем это всё?» Раиса Марковна носилась по комнате, стучала кулаками в дверь и просила выпустить ее наружу.

А потом внутренние волны смыли и это.

В какой-то момент тело стало легче, она шла по набережной, чувствовала каждый свой шаг, ощущала, как ступни идут по поверхности дороги, как струйки воздуха проходят через ноздри, как запахи проникают внутрь и кружат там хороводом бабочек. Бабочки щекотали, и Саше хотелось смеяться.

С каждым шагом мыслей становилось всё меньше, оставалось лишь это состояние приятной легкости. Просто быть, просто идти, просто дышать.

* * *

– Как прошел эксперимент? – спросила Паола, улыбаясь.

Голова Саши немного кружилась, она чувствовала себя, как после бокала крепкого вина.

– Любопытно, – произнесла Саша еле слышно, не желая нарушать внутреннюю тишину.

Они шли вдоль набережной медленно и молча, пока не оказались на небольшой площади, окруженной разноцветными домами. Наверху дома с зелеными ставнями прорисовывалась желтая лепнина, окна соединялись вставками кирпичного цвета. У второго дома фасад был песочным, а ставни горчичными. Дальше стоял розовый дом с зелеными ставнями, а за ним бордовый дом со ставнями в тон. Саша зажмурилась: какое непривычно яркое сочетание цветов!

Паола остановилась:

– Мой любимый тон красного. Помпейский.

Они сели за столик в соседнем с домом кафе.

– Зачем я просила тебя ходить в тишине, спросишь ты, – Паола отпила кофе. – Чтобы научиться слушать себя. И это, знаешь ли, не какое-то там абстрактное «слушать себя». Так легче понимать, куда идти.

– Это про интуицию? – спросила Саша.

– И про нее тоже. Но в первую очередь это про чувствительность. Развивая ее, ты сможешь принимать верные решения в жизни, например, понимать, надо ли тебе связываться с тем или иным человеком. Бывало у тебя такое, что ты ошибалась в человеке?

«У нее это постоянно», – захихикала Раиса Марковна. Она сидела и набирала петли для нового колючего шарфа.

– Бывало… – ответила Саша.

– Кстати, как ты выбираешь мужчин? – неожиданно спросила Паола.

Саша задумалась… Андрей был красавцем, она выбрала его по разрезу глаз, ничего путного из этих отношений не вышло. Женю она выбрала, потому что тот был самым умным в компании, а ей нравились умные мужчины. На деле оказался эгоцентриком, не заботился, не понимал ее совершенно.

– Не знаю… глазами, мозгами, – усмехнулась Саша.

– Я выбираю мужчин животом, – брови Паолы взлетели вверх.

– Это как? – робко спросила Саша.

Паола накрыла рукой свой живот и легонечко надавила.

– Ты встречаешь мужчину и сразу ловишь ощущения в теле. Где они. Что ты хочешь с этим мужчиной сделать прямо сейчас, где ты ощущаешь жар. Здесь ли, – и она опустила руку ниже живота, – или выше, а может, в груди.

По моему опыту, когда что-то жмет в груди, иногда до боли, это явно к неразделенной любви. А когда жар там, – Паола неоднозначно подняла брови, – то это точно огромная страсть, и этот мужчина доставит тебе наслаждение. Никому не помешают страстные любовники, которые никогда на тебе не женятся, но зато какой след оставляют!

Паола повернулась к Саше и, словно оправдываясь, прошептала:

– Понимаешь, дорогая, в моем возрасте, когда из наслаждений остается спритц и сигарета… бывает, покуриваю, все эти красивые страстные любовники, которые бросали тебе цветы на балкон, пели серенады, обещали невесть какие замки, возили в кабриолете на море, составляли из ракушек твое имя, ловили рыбу в твою честь и кормили ею прямо там, на берегу… именно эти эпизоды ты и будешь вспоминать в старости. Моменты, когда ты чувствовала жизнь каждой клеточкой своего

тела.

Саша грустно вздохнула. Всё вышеперечисленное Саша видела только в кино. Никто не бросал ей цветы на балкон и уж тем более не ловил рыбу в ее честь.

– А вот когда ты чувствуешь человека животом, – произнесла задумчиво Паола, – перед тобой настоящая любовь.

Саша перебирала в уме своих бывших, но так и не смогла вспомнить, когда она чувствовала кого-то животом.

– Знаете, как можно назвать вашу книгу? – довольно улыбнулась Саша, обрадовавшись внезапной находке, как радуется ребенок новой игрушке.

– Как?

– Я назову ее «Рецепты гедониста», – заявила Саша гордо.

– Браво! – Паола захлопала в ладоши и произнесла по слогам: – Ге-до-нист, – и ухмыльнулась, – знаешь, а ведь именно так называла себя моя бабушка.

Паола замолчала, она смотрела вдаль, перед ней разыгрывался давний сюжет.

– Я говорила тебе, что моя бабушка была русской, – возобновила разговор Паола, – первый ее муж погиб в семнадцатом году, она вместе с родителями эмигрировала во Францию. Там бабушка осела, познакомилась с итальянским промышленником, он торговал мрамором, и вышла замуж второй раз. Они уехали жить в Лигурию, появилась моя мама.

Паола грустно улыбнулась, цвет глаз стал пронзительно-зеленым.

– Мама рассказывала, что, будучи уже взрослой женщиной, бабушка однажды попала в казино Монако. Мой дед любил играть, но осторожно, не теряя, а приумножая. В тот день на бабушке было красное белье. Нижнее белье я имею в виду. Lingerie. – У Паолы вышло идеальное французское «р». – Что-то произошло, резинка белья лопнула, чулок на бабушке не было, а колготки еще не придумали, у всех на глазах эти красные трусы упали на пол.

Саша улыбнулась, представив себе сцену. Паола положила ногу на ногу и сомкнула пальцы на коленях.

– Бабушка как ни в чем не бывало гордо подняла свое исподнее, отряхнула, свернула их в трубочку и весь оставшийся час играла, сжимая красные трусы в руке. Говорят, очень много денег в тот раз выиграла. С того момента каждый раз, когда дед играл, он брал те красные трусы с собой и клал в карман пиджака. Portafortuna (талисман)… – Паола замолчала, качая ногой вверх-вниз, и тихо добавила: – Я гедонист, потому что моя бабушка была такой. Учила меня получать удовольствие от

жизни. Чем больше удовольствия, тем больше энергии, в том числе творческой. Прекрасное название, спасибо, – и она нежно дотронулась до Сашиной руки.

Саша ответила на жест Паолы, накрыв ее рукой свою. Они сидели так минут пять и молчали. Внутри Саши качались волны и всё еще кружили хороводы бабочек.

> Первый рецепт гедониста – походить два часа в тишине

Глава 10

В квартире Паолы не топили, и Саша мерзла.

– До ноября в Италии отопление не включают, – сказала Магда своим ровным голосом, так что совершенно не было понятно, что именно она думает об отоплении в ноябре, и принесла второе одеяло.

С каждым днем Саша просыпалась всё медленней. Она больше не вскакивала с кровати, как угорелая, а лениво потягивалась, нежилась среди пуховых одеял и мягких подушек минут десять.

«Вот вернусь в Питер, обязательно куплю себе кровать с добротным матрасом», – вспоминала она прохудившийся диван.

«Если тебе заплатят, – хихикнула Раиса Марковна, – не факт, что твое произведение понравится».

Саша привычно отогнала надоедливую Раису и села за работу.

Около десяти утра в дверь постучали. Уверенная, что это Магда, каждое утро она приносила то свежее белье, то свежий букет цветов, Саша продолжила строчить, бурк-нув под нос:

– Магда, чао, всё хорошо?

За спиной послышался деликатный кашель. Саша обернулась. На пороге стоял Эдуардо. Он улыбался и гладил карманы своего льняного костюма.

Саша поправила волосы, одернула майку, неловко задев стопку печатных листов. Страницы медленно рассыпались, заполнив весь паркет.

– Ой! – Саша принялась собирать непронумерованные страницы…

«Неуклюжая и бестолковая», – крутилось в голове.

– Мама попросила сводить тебя сегодня во дворцы… – Эдуардо присел рядом помочь. От него пахло чем-то свежим и цветочным.

– Дворцы, – пробормотала она.

– Несколько дворцов деи Ролли, сегодня там день открытых дверей…

– Я работала вообще-то… – Саша встала и положила страницы на стол. Поправила волосы и опять одернула майку.

– Да брось ты, – Эдуардо улыбнулся, – тебе надо… – он замолчал, подбирая нужные слова, через секунду поднял указательный палец кверху, – наполнить свой творческий колодец правильными визуальными образами. Вот. Так мама сказала, – добавил он, снова улыбнувшись. – Я буду ждать тебя на террасе,

ладно?

«Как будто я согласилась», – подумала Саша.

«Как будто ты не хочешь», – сказала бы ее подруга Люба.

Саша посмотрела на себя в зеркало. Взъерошенные волосы, сухие губы, красные от компьютера глаза. Красавица! Она сняла шорты и натянула джинсы. Вспомнила льняной костюм Эдуарда. Хм. Дворцы. Надо что-то поприличней. Саша набросила черное платье-халат. Приколола брошь, Паола настояла на ее покупке в одну из прогулок. Такого расточительства Саша никогда себе не позволяла.

Тем более что, купив брошь, Саша перевела сестре Кате меньше обычного. Что интересно, совесть не мучила. Даже тогда, когда мама спросила, почему денег меньше обычного.

– Я купила себе брошку.

На том конце провода повисла тишина.

– Ничего себе у вас там цены на брошки.

– Это винтаж.

Саша не видела маму, но представила, как та поджала губы.

– Ясно, – в трубке повис тяжелый молчаливый укор.

Саша еще раз посмотрела в зеркало, нанесла блеск для губ. Так-то лучше.

Эдуардо болтал на террасе с Магдой.

– Che Bella (какая красивая)! – воскликнул он.

Магда одобрительно кивнула, не тратя сил на улыбку.

«Интересно, он правда думает, что я белла?»

«Нет, конечно, он просто вежливый, неужели не понятно?» – Раиса Марковна закатила глаза.

– Сегодня обойдемся без машины, заодно покажу тебе нашу вертикальную Супербу. Так звали Геную в лучший ее век, – подмигнул Эдуардо, выходя из ворот и пропуская Сашу вперед.

Саша, конечно же, читала о Генуэзской республике и слышала о дворцах деи Ролли, но она и предположить не могла, что за волшебство ее ждет.

Начав с дворца Palazzo Interiano Pallavicino – его фасад покрывали нежные, размытые, словно акварель, рисунки, – они очутились среди заполненных фресками комнат. Между лазурью, золотом и мрамором, охрой и малахитом парили ангелы, улыбались девы, сражались воины, разыгрывались ставшие легендами сюжеты.

– Одно время в Генуе крутились большие деньги. Не просто большие – огромные. Нам даже принадлежали кое-какие крымские земли, – прищурился Эдуардо. – Венчурный капитал, рисковые инвестиции, стартапы – это все финансисты Генуи придумали, а не только бухучет и джинсы, – хмыкнул он.

Они очутились в просторном бальном зале со сверкающей хрустальной люстрой.

– Как думаешь, что за стекло? – прищурился Эдуардо.

– Венецианское, муранское? – предположила Саша.

– Господи упаси, – Эдуардо округлил глаза, – Генуя и Венеция были злейшими врагами, нет! Это стекло создали в маленьком городке Альтаре, там жили бенедиктинские монахи, они и научили местных делать стекло, – Эдуардо улыбнулся и поправил свои густые волосы.

Саша убрала торчащие пряди за уши.

Они продолжили свой маршрут. Каждый раз, когда Саша решала, что именно это палаццо достойно звания «лучшее», они попадали в новые дворцы, восхитительней прежних.

То был бесконечный парад роскоши, триумф изобилия и богатства. Словно все деньги мира, существующие на земле в то время, перенеслись в стены этих дворцов.

– Так и есть, – подтвердил ее мысли Эдуардо, – с 1528-го по… – он зажмурился, пытаясь вспомнить даты, – 1647 год Генуэзская республика превратилась в финансовый центр, стала самым влиятельным не то что в Европе, в мире! – воскликнул он, гордо подняв подбородок вверх.

Дворцы назывались Rolli, то есть Роли, Статусы, и в то время они служили резиденциями для высокопоставленных гостей. Здесь останавливались сильные мира сего, от епископов и послов до принцев и королей.

– Эти дворцы, всего их больше сорока, – квинтэссенция генуэзского богатства того века. Слава о генуэзской роскоши разошлась по всему миру, – заметил Эдуардо, – не помню кто, какой-то французский ученый сказал, что «невозможное становилось здесь возможным», в Генуе происходило настоящее волшебство.

Зеркала в пол, расшитые гобелены, покрытые золотом скульптуры, да что скульптуры – золотые потолки, да что потолки – целые просторные залы утопали в золоте.

Они подошли к дворцу Palazzo Negroni. Войдя в центральную галерею, Саша зажмурилась. Нет, нет, она спит, это сон, такая красота может быть только в сказке.

Высокие своды потолка заполняли невероятной красоты фрески. Ярко-синие павлины, богини в драпированных одеждах, ангелы с пухлыми ножками. Каждая складка, изгиб, морщинка казались настоящими и совершенно осязаемыми.

– Художник использовал здесь синий ультрамарин, самый красивый в мире пигмент, – объяснил гид.

Через огромные окна в мраморных рамах светило яркое

солнце, отчего краски становились еще сочней, и вся эта череда сюжетов превращалась в бесконечное торжество цвета. Казалось, еще чуть-чуть, и павлины, ангелы, богини спустятся вниз, вылетят через окно, пронесутся над Генуей, но вернутся, чтобы продолжать рассказывать свои истории последующим поколениям.

На стенах галереи сражались генуэзцы с турками, и морской зеленый сочетался с обивкой стоящих рядом стульев.

– Надо же, несколько шагов вниз, и там, в старом городе, тесные улочки, а здесь такое… – удивленно пожимала плечами Саша.

– Да, Генуя очень контрастная и никогда не любила выставлять свои богатства напоказ. Аристократы Генуи – невидимки. В те времена они зашторивали окна и создавали секретные сады, чтобы выгуливать свои дорогие наряды и роскошные украшения. На улицы выходили в скромных одеждах, впрочем, так происходит до сих пор. Мы, генуэзцы, не любим афишировать свое состояние.

Некоторые дворцы были заняты организациями, например, в Palazzo Tobia Pallavicino располагалась Торговая палата Генуи, а в Palazzo Doria до сих пор находится старинный клуб генуэзских джентльменов.

– Сейчас покажу тебе, где трудятся местные брокеры.

Во дворце Palazzo Gio Battista Centurione под великолепными фресками стояла обычная современная мебель.

– Думаю, эта атмосфера помогает брокерам зарабатывать больше, хотя… вряд ли это возможно в таких же размерах, как в то время. В Генуе было столько денег, сколько не было у всех европейских королевств, вместе взятых.

Через несколько часов прогулок по дворцам в голове Саши словно включился непрекращающийся кинофильм. Она шла, а перед глазами крутились слайды разноцветных фресок, картин в позолоченных рамах и богатого убранства.

– Спасибо огромное, это было невероятно, – поблагодарила Саша возле палаццо «брокеров».

Она хотела сказать, что ей пора возвращаться к работе, но медлила. На самом деле она с удовольствием осталась бы с ним подольше…

– Не думаешь ли ты отделаться от меня так легко? – ухмыльнулся Эдуардо. – Мама сказала, что тебе надо кое-что разузнать. Так что давай сходим на ужин, заодно возьмешь у меня интервью.

Раиса Марковна, всё это время спокойно сидевшая в прихожей, заглянула: «Уж не думаешь ли ты, что он вышел с

тобой на свидание по своей воле?»

Саша потерла область груди, пытаясь прогнать Раису Марковну прочь.

– Всё хорошо? – вежливо спросил Эдуардо.

– Да, да, я просто думала. Вы, как это, ну… имею в виду… вы не должны делать это ради меня, возить меня на выставки, в рестораны.

– Ну как это не должен? Просьба мамы – закон, – он громко рассмеялся.

Саша смущенно закусила нижнюю губу.

– Давай на «ты», я не приучен выкать. Не переживай, – он посмотрел на нее серьезно, но глаза его улыбались, – я делаю это и ради себя, мне нравится твоя компания.

Саша мысленно показала язык Раисе. Та захлопнула дверь и вышла.

Они пересекли шумную улицу и подошли к двери с надписью «Portello Casteletto».

– Ну что, ты готова прокатиться на лифте «Шанель»?

– Точно, – вспомнила Саша, – мне рассказывала о нем Магда.

Эдуардо купил билеты в автоматической кассе, и они прошли через коридор, облицованный белой, желтой и зеленой квадратной плиткой.

– Плитка в стиле либерти, – объяснил Эдуардо, – как, впрочем, и само здание, сейчас увидишь.

Открылась дверь просторного лифта с деревянными стенами и деревянной скамеечкой.

– Этот лифт прославляли многие поэты и композиторы, кто-то даже назвал его лифтом для поцелуев, – Эдуардо подмигнул, они зашли внутрь.

Саша незаметно посмотрела на его губы. Красивые, в меру пухлые. Лифт для поцелуев. Она бы не отказалась. И Саша тотчас съежилась, испугавшись этой мысли.

Сорок секунд вверх, дверь опять открылась. Они очутились в небольшом здании, походившем снаружи на театральную кассу. Наполненное солнцем, стеклянное, с пятиугольной крышей и оконными витражами, здание опиралось на длиннющую колонну. Много раз позже, гуляя по старому городу, Саша замечала этот необычный лифт, колонна виднелась из некоторых точек.

– Мы в «Кастелетто»! Добро пожаловать! – Эдуардо раскрыл руки, словно приветствовал прибывших гостей.

Они миновали раскидистую пинию и элегантную виллу, выкрашенную в кремовый цвет.

С верха Кастелетто открывался великолепный вид на Геную. Места в порту ей было мало, она устремлялась к небу, оставляя за

собой яхты, верфи, колесо обозрения, купола церквей и палаццо.

Они проходили высокие дома, берущие свое начало где-то там внизу, и шли на уровне крыш. То были не просто крыши, а террасы, балконы, смотровые площадки, а время от времени и парковки.

– Никогда не видела, чтобы парковались на крыше или тем более заходили с крыши в дом, – удивлялась Саша.

– Да… Весь город состоит из вертикалей – лифты, высоченные палаццо, – словно у Генуи есть прямой канал в небо, к высшим мирам, – Эдуардо рассмеялся и втянул воздух полной грудью. – Чувствуешь, здесь пахнет хвоей, мокрыми листьями, чем-то таким… – он задумался, – лесом! Точно, здесь пахнет лесом, горами… У нас в Альбаро пахнет магнолиями, чем-то сладким, немного пряным, но не острым. Чувствуешь?

Саше было стыдно признать, что она ничего не чувствует, не ощущает разницы запахов двух кварталов, Кастелетто и Альбаро.

Она шагала быстро, Эдуардо еле за ней поспевал:

– Как быстро ты идешь…

– Да, твоя мама всё время повторяет «не спеши».

Эдуардо подал ей свой локоть.

– Держись, буду тебя замедлять.

Оказавшись близко к нему, Саша почувствовала непривычное тепло в животе. Она отстранилась, достала свою руку, сделала вид, что ей надо поправить волосы, но руку назад не вернула.

– Знаешь, мы, генуэзцы, не любим выезжать за пределы своих кварталов, например, я всегда хожу на ужин в наши альбарские рестораны, не поднимаюсь на ужин в верхний, и уж тем более не спускаюсь в старый город, – Эдуардо поморщился, – рестораны старого города в основном для туристов. Так что сегодня мы сделаем с тобой кое-что странное для жителя квартала Альбаро, – Эдуардо загадочно улыбнулся.

Они подошли к вывеске «Miniman», ресторан был огорожен стеной, увитой зеленой листвой. Ничего не говорило о поздней осени.

– Я очень люблю это место. «Миниман» означает на местном диалекте «может быть». Сюда ходят только жители Кастелетто. Мы здесь чужаки, – шепнул Эдуардо тихо.

К ним подошел мужчина в черной рубашке:

– Ты смотри! Какие люди! Какая честь для нас.

– Саша, это владелец ресторана Антонио, – истинный генуэзец и гордый местный житель квартала Кастелетто, – Эдуардо похлопал Антонио по спине.

Название блюд Эдуардо читал вслух, нарочито подчеркивая какие-то слова, вытягивая их громче остальных.

– Ты не находишь, что итальянский язык невероятно соблазнительный? Вот послушай: uva fragola – это вид винограда такой. Красиво, правда? Вино из этого винограда зовется fragolino.

– Наверное, всё дело в артиклях, – задумчиво произнесла Саша.

Эдуардо щелкнул пальцами:

– Саша, это гениально, а ведь правда.

– Я закончила лингвистический, – улыбнулась Саша.

– А я учился в Liceo Classico. Нас учили древнегреческому и латыни. Точно, артикли. Вот послушай: mi piace il gelato (мне нравится мороженое). Всё слитно и тянется красиво. Попробуй произнести то же самое, но без артикля. Совсем по-другому выйдет.

– La panna cotta, – прочитала Саша название десерта.

– Вижу, этот десерт тебя соблазняет, – Эдуардо посмотрел на нее особенно нежно.

«Тебе показалось», – выглянула Раиса Марковна.

Саша опять уткнулась в меню. Слово «соблазн» Саша не использовала в обычной речи, но именно так она чувствовала себя сейчас. Она хотела быть соблазненной этим мужчиной. Хотела стать мягкой, податливой, как панна котта, хотела, чтобы ее съели… Саша почувствовала то же самое тепло в животе. Оно приятно накатывало внутри мягкими волнами.

На первое принесли тальерини с чернилами каракатицы и моллюсками, цуккини и боттарга сверху.

Саша накручивала на вилку черную пасту.

– Нравится? Как по мне, безупречно, – Эдуардо подлил ей белого вина. – Наше белое лигурийское, из Пятиземелья. Ты была в Cinque Terre?

Саша помотала головой.

– Ничего себе, это большое упущение, тебе надо обязательно туда попасть, я подумаю, как.

Саша сделала несколько глотков, и у нее слегка закружилась голова.

На второе принесли дораду по-лигурийски, запеченную с мелкими коричневыми оливками, каперсами и помидорами.

– Это наши olive taggiasche (таджаска), – объяснил Эдуардо, – такие есть только в Лигурии, нигде больше.

– Я оливки не особо люблю, – поморщилась Саша, ткнув оливку вилкой.

Эдуардо смешно крякнул:

– Как это? Не любишь оливки, ты попробуй!

Вкус таджаска и правда отличался, он был сладковатым и

слегка фруктовым.

– Неплохо, – согласилась Саша.

Эдуардо рассказал, что в Лигурии оливковые деревья выращивают еще с доримских времен.

– Эти деревья, таджаска, выше остальных, до десяти метров в высоту, а еще они долгожители, плодоносить могут лет 600. А какое оливковое масло из них выходит, ммм, – Эдуардо закрыл глаза от удовольствия, – очень нежное, вкус миндаля и фруктов. Иде-аль-ное. É la fine del mondo (конец света).

Саша знала итальянский почти в совершенстве, но речь Эдуардо заполняли новые для нее слова и выражения. Он был великолепно образован, говорил на любые темы, от кухни до философии, с одинаковой легкостью. Большую часть своей сознательной жизни Саша была уверена, что мужчина может быть или умен, или красив. Если красив, то не умен, и наоборот. И уж конечно, если он к тому же небеден и образован, то такой мужчина или уже занят, или Саша, конечно же, его не достойна.

Эдуардо Саше нравился. Нравился по-настоящему. Приятная речь, обходительный, эрудированный. С ним было интересно и легко.

– Ты знаешь, что Генуя на кельтском – «Zena», что означает «Donna», женщина. Для меня Генуя именно женщина, – Эдуардо улыбнулся, и на щеках появились ямочки, как у Паолы, – но не просто женщина, а женщина самодостаточная. Она смелая и не стыдится быть разной. Иногда неопрятной, иногда нарядной, когда-то дерзкой, а когда-то возвышенной, но одно остается неизменным – она всегда себя любит.

В Сашиной голове пронеслась мысль, пролетела быстро, слегка коснувшись крылом ее сознания. Мысль о том, что Саша хочет именно такого мужчину. Что все прежние ее идеи про то, что «нельзя иметь и красивого, и умного, и доброго, и любимого, и статусного», устарели, и это всего лишь отговорки, как любила повторять подруга, «ограничивающие убеждения».

Эдуардо отпил вино и продолжил:

– В любом случае для того, чтобы понять Геную, нужен проводник. Здесь есть такие места, о которых и не подозреваешь. Например, секретные клубы, секретные рестораны, бары. Мой любимый – «Малкович».

– Там показывают кино?

Эдуардо рассмеялся.

– От кино там только название. Хотя… нет, не только. Например, попасть туда можно исключительно по секретному паролю. Мы захаживаем туда с друзьями.

Еще одна мысль окончательно Сашу всполошила. Она хочет

именно такого спутника. Такого мужа. На слове «муж» Саша покраснела.

Раиса Марковна тотчас выглянула и заявила академическим тоном: «Александра, ты пребываешь в полнейшей иллюзии».

Домой возвращались на такси. Они сидели близко друг к другу, и в этот раз Саша не пыталась отодвинуться. Своим бедром она чувствовала тепло его ноги, их руки соприкасались. Раиса Марковна продолжала твердить, что он не для нее, но что-то внутри хотело обнять его, дотронуться, поцеловать. Тепло в животе превратилось в обжигающую лаву, плавно опускающуюся ниже…

Рецепт дорады по-лигурийски с лигурийскими оливками, *но если нет, подойдут любые*

1. Хорошо очистите дораду. Промойте и удалите чешую и внутренности. Лучше, если это сделают в рыбном магазине.

2. Картофель очистите, промойте и нарежьте ломтиками.

3. Совет: если у вас есть овощерезка «мандолина», рекомендую использовать ее, чтобы ломтики были тонкими и готовились равномерно.

Налейте оливковое масло первого холодного отжима в форму для запекания, нарежьте зубчик чеснока дольками и положите несколько ломтиков на дно.

4. Выложите картофельный слой. Сбрызните маслом, посолите и поперчите.

5. Запекайте картофель 10 минут.

6. Выньте форму из духовки и положите на картофель рыбу, добавив оливки и кедровые орехи. Снова сбрызните маслом.

7. Запекайте при 200 °C 20–25 минут. В середине приготовления сбрызните рыбу белым вином.

8. Готовую рыбу очистите от кожицы и костей, подайте с картофелем, оливками и кедровыми орешками.

Глава 11

Стоял прекрасный октябрьский день, солнечный и сухой. Каждый день небо радовало яркой лазурью, до того ослепительной, что когда Саша думала о скором возвращении в зимний Петербург, ее пробирал холод.

– Прииииивет, – раздался веселый голос Оли в телефоне, – какие планы?

– Так, никаких особо…

– А чего такая кислая?

– Да вот думала, как у вас здесь тепло и как мне будет холодно дома. Через месяц у нас зима-зима, там уже снег выпал.

– Вот, кстати, пока ты не уехала, хочу показать тебе культовое генуэзское место. Секретный бар. Пойдем вечером? Поужинаем где-нибудь, а потом оторвемся?

– Я не пью особо, – промямлила Саша.

– Это неважно, ты чай пей. Сашааа, – заныла Оля, – не порть мне свободный вечер, дети у бабушки, муж идет играть в покер, у меня в последний раз такие вечера в универе были.

В 22.00 Саша, в черных джинсах, черной майке и черном плаще, стояла рядом с дверью культового места, а Оля пыталась найти куда-то запропастившийся пароль.

– Черт, и телефон, как назло, разрядился, посмотри ты, Саш.

– У меня не ловит.

Из дверей вышел невероятный красавец в грубых черных ботинках, косухе и рваных джинсах. Он закурил и внимательно посмотрел в их сторону.

– Девушки, у вас какие-то проблемы, уж не пароль ли вы ищете?

Оля встрепенулась, закивала быстро головой, шепнув Саше:

– По-моему, это владелец.

Брутальный тип махнул им рукой:

– Я вас проведу, а пароль легкий, кстати: «скажи мне, кто вдохновил тебя на книгу».

Оля и Саша переглянулись:

– Ничего себе совпадение!

В баре, небольшом тусклом помещении с кирпичными стенами и винтажной мебелью, звучал джаз. Людей было немного. Саша и Оля подошли к барной стойке. Черноволосый бариста с татуировками и соблазнительным взглядом тряс шейкер.

– Дамы, позвольте мне угадать, какой вкус подходит вам сегодня? – подмигнул он.

– Я не очень люблю алкоголь, – сказала Саша, – так что мне что-то послабее или вообще безалкогольный.

– А мне покрепче, – засмеялась Оля.

Бариста улыбнулся.

– Тебе я сделаю с ромом, а тебе – он повернулся к Саше, – хм, непростая ты девушка, мне надо время подумать, пока приготовлю для подруги.

В помещение зашла шумная мужская компания, один из них направился в сторону бара.

– Эдуардо?! – воскликнула удивленно Оля.

– Надо же, вы проникли в мое секретное место, – Эдуардо рассмеялся, – он пожал бариста руку, – извините, не буду вас беспокоить, – и удалился.

Музыка зазвучала громче и ритмичней. Оля задвигалась ей в такт.

– Вот ваш коктейль, – бариста протянул бокал Саше, – немного сладкий, но не слишком, кисловатый, слегка с горчинкой, в общем, он – ваша точная копия, – бариста подмигнул.

Саша отпила.

– Вкусно.

Алкоголя в коктейле чувствовалось мало, но после пяти глотков Саша тоже задвигалась в такт музыке.

– Отдайся ритму! – закричала Оля, допивая второй коктейль. – Она уже не просто двигалась, а вовсю танцевала.

Саша скромно кивала головой и подергивала плечами, тихонечко потягивая коктейль и тайком поглядывая в сторону Эдуардо. Мужчины смеялись и громко разговаривали. Все красавцы как на подбор, но больше всего выделялся Эдуардо. Здесь, в этом приглушенном свете, он казался ей особенным и загадочным.

– Знаешь, чем мне нравится Италия? – Оля старалась перекричать музыку. – Здесь не надо стараться понравиться мужчинам, я вообще об этом не думаю. Всё как-то само происходит. Ты знаешь, как я переехала жить в Италию?

– Неа.

– Я училась здесь после универа, в магистратуре, однажды пошла с подругой на пиццу и встретила своего будущего мужа. Я была без косметики, в несвежей майке, с немытыми волосами, а он всё равно влюбился. У нас я даже за хлебом ходила накрашенная, а здесь совершено всё равно.

Оля словила взгляд Саши, которая продолжала стрелять глазами в сторону Эдуардо.

– Тебе приглянулся кто-то из друзей Эдуардо? Без шансов,

там почти у всех девушки, но Эдуардо точно свободен, хочешь попробовать? – Оля легонько толкнула Сашу и захохотала – коктейли сделали свое дело.

Эдуардо перехватил взгляд Саши и поднял бокал. Затем встал и подошел к ним.

– Александра, могу я угостить тебя коктейлем?

Саша смущенно улыбнулась.

– Спасибо, но думаю, я обойдусь одним.

Эдуардо, словно не услышал Сашин ответ, подмигнул бариста, тот показал ему знак «окей» и тоже подмигнул.

Коктейль оказался крепче предыдущего, и тело Саши уже не просто задвигалось в такт, а начало всерьез пританцовывать. Они болтали с Эдуардо о том о сем, в какой-то момент музыка стала еще громче, еще ритмичней, и Эдуардо начал слегка пританцовывать и щелкать пальцами.

Возможно, Саше показалось, но он посмотрел на нее как-то по-новому, в его взгляде не было простой вежливости, мелькнула настоящая заинтересованность. Сашу манил и окутывал зеленый мир его глаз.

После третьего коктейля… Саша не хотела, но так получилось, уж очень он вкусный оказался… движения Саши ничего не сковывало, и она вовсю плясала. Эдуардо взял ее за руки и начал танцевать рядом.

– Саша, мне пора, муж заехал, ты сама доберешься? – выкрикнула Оля.

– Да, да, – закивала Саша, понятия не имея, как доедет.

Но именно в тот момент ей было совершенно всё равно. Она хотела, чтобы это длилось бесконечно. Он, она, приглушенный свет, ритм музыки, его дыхание и запах. В какой-то момент сил сдерживаться больше не было, и Саша приблизилась, их губы прикоснулись друг к другу, они продолжали двигаться в такт музыке и целоваться.

Назад ехали в такси, поцелуи в машине стали еще неистовей, она почувствовала его руки у себя на груди… и не только. Всё внутри у Саши пульсировало и горело. Она словно перенеслась в другое измерение. Сашино тело перестало быть чем-то отдельным, чем-то только ее, оно стало единым целым с Эдуардо, стало пластичным, сливалось, проникало. Чувствовало. Острое. Обжигающее. Наслаждение…

Глава 12

Саша проснулась и вскочила с кровати. Огляделась, посмотрела на часы. Восемь утра. Взяла телефон, заглянула в исходящие звонки. Опять села в кровать. Вот это да. Подошла к окну, вышла на террасу.

«Ничего не понимаю».

«Оля, привет, как ты вчера доехала?» – написала Саша сообщение.

«Куда доехала?» – ответила Оля.

«Ну домой… мы же…»

Саша остановилась, стерла недописанное сообщение и позвонила Оле.

– Оль, представляешь, мне снилось, что мы с тобой в баре. Как его… «Малкович», – пробормотала Саша в трубку.

– Да, есть у нас такой. Надеюсь, мы плохо себя вели, – захохотала Оля.

– Мы танцевали и… в общем, да, нам было весело.

– Эх, сто лет там не была. Дети, муж, сама понимаешь, – прости, дорогуся, бегу в школу детей отвозить, созвонимся.

Саша села работать, но мысли постоянно убегали туда, в темный бар и тот момент, когда Эдуардо неистово ее целовал… и потом… когда он… Саша резко встряхнула головой, сбрасывая воспоминание. Всё было как наяву. Ничего себе сон!

В то утро Паола завтракала в гостиной. Октябрь, хоть и был сух и ясен, принес с собой прохладный утренний ветер.

– Сезон завтраков на террасе окончился, – театрально произнесла Магда, убирая кресла и стулья.

Угол стола гостиной украшала кружевная ажурная полоска, сквозь орнамент проглядывало грубое светлое дерево. Паола сидела за столом, пила кофе и рассматривала какой-то каталог.

– Доброе утро, – Саша улыбнулась, – какое нежное кружево, – она дотронулась до скатерти…

– Это кружево «ришелье», – Паола отложила каталог. – Моя бабушка обожала скатерти. Хотя бы на угол стола, но всегда накидывала небольшую скатерку для уюта.

– И не жалко вам такую красоту… – Саша погладила ажурный цветок.

– Жалко? – Паола улыбнулась и налила себе кофе из серебряного кофейника. – Из этих крохотных мелочей и складывается наша жизнь. Из цвета скатерти, из того, стоит ли на твоем столе букет свежих цветов. – Она дотронулась до чайных желтых роз в хрустальной вазе и слегка вздохнула.

– Конечно, скажешь ты, можно жить и без цветов, можно пить кофе из обычной чашки, можно есть из обычной тарелки. Но, видишь ли, милая, независимо от цвета тарелки наша жизнь всё равно закончится. Так не лучше ли провести ее красиво? Есть из красивых приборов, на красивой скатерти, созидая, а не разрушая, в том числе себя.

Лицо Паолы стало серьезным.

– Я за то, чтобы поэтизировать быт, – она дотронулась до кружев, – эту скатерть я купила на аукционе в Кастелетто, мне сказали, что она чуть ли не эпохи Возрождения. Ты была в Кастелетто?

– Да, мы ходили с Эдуардо на ужин. – Саша прокашлялась и опустила глаза, вспомнив их страстные поцелуи во сне.

– Ах да? Он ничего мне не говорил, странно. Надо, чтобы ты обязательно сходила на аукцион в Кастелетто, – посмотри, какая красота, – и она протянула Саше каталог.

Страницу заполняли фотографии старинных колец с изумрудами, бриллиантами, топазами и сапфирами, колье и браслетами.

– Не, я не люблю такое, – пожала плечами Саша.

Паола отобрала у нее каталог.

– Ты еще не знаешь о том, что обожаешь это, просто ты не веришь, что можешь себе это позволить. И главное, что достойна. Впрочем, это касается не только колье, – и Паола внимательно посмотрела на Сашу, наклонив голову набок. – Когда ты делала себе подарок в последний раз? – вдруг спросила она.

Саша закусила нижнюю губу.

– Вы же делали мне подарок недавно…

– Почему ты носишь дома эти вытянутые трико? – спросила Паола.

На следующий день на Сашиной кровати лежал брючный костюм цвета вишни. Брюки в пол, майка и кардиган сверху, приятный на ощупь материал. Этикетка сообщала о смеси хлопка, вискозы и кашемира.

– Похоже, что кашемир – ваш любимый материал, – заметила Саша.

– О да, кашемир и шелк я люблю так же, как базилик и оливковое масло, – засмеялась она, – эти ингредиенты должны быть в каждом моем блюде, а кашемир или шелк в каждой моей одежде.

Паола поднялась и направилась к выходу.

– Составишь мне компанию после обеда?

– Даже не знаю, мне еще поработать надо, – пробубнила Саша, – и вообще, я так часто гуляю, боюсь, что не успею сдать

рукопись в срок.

– Дорогая, ты так часто ворчишь, прямо как генуэзцы, – Паола улыбнулась. – Ворчание (mugugno) было правом наших моряков, надолго уходящих в море. Только представь, за возможность поворчать они отдавали процент от своей заплаты. Ты тоже так хочешь? – Паола засмеялась, но, увидев, что Саша вконец растерялась, добавила: – Конечно же, я пошутила.

Они приехали в старый город, на ту самую улицу Гарибальди, к торжественному параду дворцов. Остановились перед номером 12. Поднялись по зеленой лестнице и оказались в огромной зале с окнами в пол. «Окна в пол» не было метафорой и красивым сравнением, а совершенно конкретным элементом интерьера. Высоченные потолки покрывали хитросплетения белоснежной лепнины. Декорации начинались у середины стены и расползались по всему потолку причудливыми завитушками.

– Ma che piacere! – воскликнула синьора в уютном сером платье. Она вышла из-за стойки на ресепшн с радостной улыбкой и обняла Паолу.

– Пойдем, Саша, я покажу тебе рай эстета. Выберешь себе чашку для утреннего кофе.

– Да вроде есть у меня чашки… – возразила Саша.

– В твоей комнате стоит совершенно обычная посуда, ничего особенного, а я хочу, чтобы ты выбрала себе красивую чашку, твою личную. И увезешь ее потом домой. В Санкт-Петербург.

Помещение, роскошный магазин предметов интерьера, заполняли стильные дизайнерские стулья, кресла и торшеры. Между ними тянулись стеллажи с толстыми иллюстрированными альбомами, стойки с посудой и передвижные барные столики с хрустальными графинами и бокалами. Они вошли в следующую залу с экстравагантной посудой – мужчины-русалки и яркие шуты – и потолком, расписанным фресками и золотом.

– Это барокко, – прокомментировала следовавшая за ними пожилая синьора.

Саша ходила между рядами изысканного фарфора, серебряных кофейников, ложек и супниц с золотыми ручками. Судя по надписям, то был фарфор времен Медичи, а еще там мелькали надписи «Hermes» и «Ginori».

Она рассматривала изысканные безделицы и думала, кому нужны эти кольца-держатели тканевых салфеток, тарелки для

черной икры или странные длинные ложки в бархатных футлярах.

Чашку, чашку, надо выбрать чашку…

Полосатые узоры ей не нравились, бело-голубые тоже. Саша обратила внимание на врезанный в стену деревянный шкаф. На желтом и розовом фоне пестрели цветы. Саше приглянулась розовая чашка с синими розами. Она подошла ближе. 100 евро. Поставила обратно.

– Это подарок, возьми ту, что понравилась, – услышала она голос Паолы за спиной.

Раиса Марковна забубнила: «Такой роскошный образ жизни не для тебя, и не мечтай». Саша аккуратно, крепко впившись в чашку – еще не хватало разгрохать! – отнесла свой подарок на кассу.

После магазина они зашли в старинное здание с надписью «Fratelli Klainguti 1828». Зеркала, хрустальная люстра, элегантно одетые официанты, на кассе – сгорбленный седой старичок. Они подошли к продолговатой стеклянной витрине, служившей одновременно барной стойкой.

– Сюда приходил сам Верди, есть даже круассан в его честь – Falstaff, с ореховым кремом. Но самое мое любимое – это картошка, – произнесла Паола.

– Картошка? – удивилась Саша.

– Пирожное-картошка. Здесь оно называется patatina: похоже на вашу «картошку», только наша – белая.

Паола указала на круглые белесые пирожные. Там же, в стеклянной витрине, возлежали трубочки с кремом, эклеры, покрытые нежно-розовой глазурью, кексы, шоколадные пирожные и ряды соблазнительных тортов.

Саша наблюдала, как мужчина в белоснежной рубашке готовит для элегантной синьоры пирожные навынос. Он взял золотистый картонный лоток, постелил на дно тонкую полупрозрачную бумагу с надписью «приятного аппетита!», выложил пирожные в два ряда, затем взял картонную полоску, согнул ее и вставил так, чтобы она соединяла два длинных края поддона. После этого он обернул всю конструкцию бумагой с золотым тиснением, а сверху перевязал такой же золотой ленточкой.

Делал он это очень медленно, с таким достоинством, будто готовил десерт для экипажа, который вот-вот полетит на Марс, и от качества этих пирожных зависит успех их космической экспедиции.

– А зачем так сложно, всё равно она эту всю бумагу выкинет, когда пирожные домой принесет? – тихо спросила Саша.

Паола вскинула кверху свои тонкие брови и покачала головой.

– Затем, что это красиво, – сказала она таким серьезным тоном, будто и она тоже является частью той самой космической экспедиции.

Паола попросила принести им две «картошки» и кофе.

– Давай сядем снаружи.

Стоял чудесный день, один из тех, что трудно было назвать осенью, до того ласково пригревало солнышко. Строгий официант в белом принес кофе и пирожные. Паола нежно взяла Сашу за руку:

– Помни, ешь не спеша. Откуси маленький кусочек, почувствуй его во рту, проглоти и ощути, как эта еда отзывается в твоем теле.

Каждый раз, когда Паола говорила «почувствуй свое тело», Саша напрягалась. Она не имела привычки так сильно рефлексировать по поводу ощущений в своем теле. Она просто ела, просто шла, просто делала, работала. Эта новая для нее фраза, которую Паола произносила так часто, сильно Сашу озадачивала.

– Паола, мне это сложно. Я не знаю, как это, слушать тело.

Паола выпрямила спину.

– Помнишь, ты ела фокаччу? Помнишь свои ощущения?

– Ммм, ну да. Вкус напомнил мне сырники бабушки, и мне стало… – Саша старалась подобрать подходящее слово, – уютно, вот.

– Хорошо, и что ты чувствовала в теле?

Саша задумалась.

– Мне было тепло, везде, особенно на уровне сердца, потому что я вспомнила о бабушке…

Паола довольно кивнула.

– А ощущения во время прогулки в Нерви?

– Я чувствовала легкость, мне хотелось лететь.

Паола отделила ложечкой кусочек «картошки».

– Вот видишь, как только ты переводишь свое внимание на внутреннее, а не внешнее, то есть на себя, ты начинаешь замечать что-то, чего не замечала раньше. Тот, кто умеет управлять вниманием, умеет управлять миром. Я бы сказала еще вот как: где внимание, там – энергия.

Саша отковырнула пирожное, закрыла глаза и отправила кусочек в рот. Сначала она почувствовала томный сладкий вкус, вот промелькнула нотка ванили, вот что-то похожее на белый шоколад, а вот что-то резкое, что же это, скорее всего, алкоголь. Может, ликер. От этого вкуса по телу разлилось тепло, но оно

было другим, не таким, как от фокаччи, а каким-то обволакивающим и убаюкивающим. Хотелось развалиться в кресле и лениться на солнышке.

– Знаешь, что еще помогает понимать язык тела, твоего и других – жесты, – посмотри на эту пару, – прошептала Паола, показывая взглядом за самый дальний столик.

Там сидела кудрявая синьора в широком бежевом пальто, у ее ног лежала упитанная черная собака. Напротив женщины сидел мужчина в светлом костюме и курил сигару.

Синьора делала следующее:

складывала все пальцы вместе;

потом раскрывала их и подносила ко лбу;

стучала по лбу ладонью;

опять складывала пальцы вместе;

снова расправляла их;

подносила их к горлу и двигала рукой взад-вперед.

Вся эта жестикуляция была похожа на пантомиму, пространство служило подмостками, а посетители – зрителями. Спутник женщины сидел спокойно, скрестив руки на груди, но время от времени качал головой, вытягивал руку вперед и двигал кистью вверх-вниз, изображая рыбу. На этом жесте синьора тоже помахала кистью.

– Как ты думаешь, о чем они говорят? – спросила Паола.

– Понятия не имею.

– В твоем институте иностранных языков не обучали языку жестов? – Паола улыбнулась.

Саша виновато покачала головой.

– Очень плохо, в Италии язык жестов – самый важный.

Паола покосилась на соседа рядом и тихо спросила:

– А что означает вот этот жест, ты понимаешь?

Солидный мужчина с бакенбардами, в белой рубашке и белых туфлях пожал плечами, расправил руки в стороны, скривил при этом смешную мину, оттопырив нижнюю губу. При этом Саша услышала странное «бо».

– Ммм, наверное, это означает «не знаю».

– Угадала.

– А что означал тот жест-рыба? – Саша попыталась повторить.

– Это вроде, как бы это сказать, – Паола задумалась, – иди своей дорогой, вот, – сказала она и рассмеялась, обрадовавшись найденному синониму более грубого выражения. – Итальянцы выражают эмоции через мимику и жесты, даже негативные эмоции, они как будто сбрасывают их с помощью жестов. Итальянцы – настоящие гедонисты. Они хорошо понимают свои чувства. Они знают, что их злит, что расстраивает и, наоборот, –

что их наполняет.

Они вышли из кондитерской и миновали центральный кинотеатр. Внимание Саши привлек плакат со знакомой картиной Модильяни. Она приблизилась к афише. Перед ней висела афиша с названием фильма, который придумала она. Фильм о любви Модильяни и Ахматовой. В голове застучали молоточки. В области лба появилась привычная боль.

– О как интересно, – сказала Паола, увидев афишу, – Модильяни – твой любимый художник, не так ли?

Саша молча кивнула. Ей хотелось взять и сорвать эту дурацкую афишу, а потом потоптать ее хорошенько.

– Хочешь, зайдем? – Паола посмотрела на часы. – Сеанс через десять минут, что скажешь?

Весь фильм у Саши в голове звучал голос Аллы: «Ты даже не автор, не писатель, ты просто рассказала мне какие-то свои, не факт, что реализуемые, идеи…»

Все то, что написала тогда Саша в презентации, было здесь, в этом фильме. Все ее предложения, задумки, Петины цветовые и художественные образы. «Все остальное сделала я, от твоей презентации ничего не осталось». Ложь.

Она вышла из кино опустошенная. Словно у нее забрали что-то ценное, очень для нее важное. Будто в ее дом забрались воры и украли фамильную драгоценность.

Саша – не писатель, не сценарист – помогла сделать очень хорошее кино, а ее имени нет ни в одной строчке.

Ночью не спалось, она думала об Алле. Она никогда не жестикулировала и все время улыбалась. Разговаривала тихим воркующим голосом.

Саша попыталась вспомнить, что чувствовала, когда встретила тогда Аллу.

– Наша интуиция сразу же выдает правильное решение. Это потом мы начинаем думать, но ориентироваться стоит на самые первые ощущения. Что ты почувствовала в теле… – раздался в голове голос Паолы.

Саша зажмурилась, пытаясь вспомнить свои впечатления тогда, после долгой разлуки. Она увидела ее и сразу же начала кашлять, горло резко запершило. Она помнит, что вернулась в кафе, а когда заказала чай, кашель возобновился.

Саше снились картины Модильяни, слайды, Алла, которая громко хохотала.

Второй рецепт гедониста:
купить себе что-то красивое;
постелить самую нарядную скатерть к обычному

ужину.

Глава 13

На следующий день работалось плохо. Саша пыталась сосредоточиться, но сегодня Раиса Марковна не на шутку разошлась. «Смотри-ка, а фильм прекрасный получился, молодец она, Алла, умница, красавица, ухоженная такая всегда», – шептала себе под нос Раиса Марковна, с укоризной поглядывая на Сашин маникюр.

Саша вышла на террасу, ее обычная дневная норма в три страницы сегодня не писалась. Она заткнула уши, пытаясь воспроизвести тишину на набережной Нерви, но Раиса Марковна сегодня была в ударе: «Тебе пишется плохо, потому что ты не профессионал. Была бы рука набита, сидела бы и писала, писала. Вот как эти серийные писатели, у них по роману каждые два месяца, ты бы так точно не смогла. Хм, а еще писателем стать мечтаешь».

Саша вернулась за компьютер и прошептала: «Так, все, Саша, сосредоточься».

Она начала писать, но, перечитав, удалила текст. Посмотрела на часы. Восемь утра. Два часа работы и всего половина дохлой страницы.

Саша оделась и вышла наружу. Альбаро жил обычной утренней жизнью. Завсегдатаи баров заглядывали на первый кофе, мелкие лавочки только открывались, пробегали любители утренних пробежек, мамы с детьми спешили в школы и детские сады.

– Кофе, пожалуйста, – попросила Саша, зайдя в привычный бар.

Бариста улыбнулся, кинул «чао» и приступил к обычному процессу: достал рожок из кофемашины, выбросил оттуда остатки прежнего кофе, деловито постучав, заполнил рожок свежим молотым, вернул обратно в кофемашину. Темная струйка кофе заполняла чашку.

Саша выпила кофе быстро и собиралась расплатиться.

– Как твой кофе сегодня? – спросил он. – Как ты его чувствуешь? (Come lo senti?)

Саша озадаченно посмотрела на бариста.

– Нормально, как обычно, как в остальные дни.

Бариста засмеялся.

– Как обычно – это не ответ. Сегодня ты другая, день другой, я другой, погода другая, кофе не может быть тем же. Ты же чувствуешь его по-другому.

Саша пожала плечами, неловко улыбнулась и, попрощавшись,

вышла.

Как можно чувствовать кофе? Она шла, и в голове крутились слова Паолы о внимании. Где было ее внимание каждый день? Она постаралась воспроизвести свой день в Питере. Вот она идет, смотрит в землю, доходит до метро, там слушает умные подкасты. Ее жизнь проходила в голове. Она то слушала Раису Марковну, то думала над умными текстами.

Погруженная в свои мысли, Саша вернулась домой, прошла мимо гостиной и услышала голос Паолы:

– Как тебе пишется сегодня? Как ты себя чувствуешь?

Что же все так волнуются, как она себя чувствует? Русское «как дела» здесь звучало «как ты себя чувствуешь» или «как ты есть» (Come stai).

– Я… ну так себе… если честно, не очень.

– Одевайся, – улыбнулась Паола, завязывая шелковый белый платок в зеленый горошек.

– Но я… я совсем ничего не написала сегодня…

– Каждый новый день не похож на остальные, – Паола поправила платок, – вчера тебе писалось, сегодня может быть по-другому, твое вдохновение тоже имеет настроение. Оно похоже на маленького ребенка: если ты не будешь с ним играть, оно обидится и уйдет. Если только и делаешь, что говоришь «давай, работай», «пиши усердно», а сама не балуешь его, не забавляешь, оно надует губы и убежит туда, где с ним поиграют.

– У вас тоже бывали дни, когда вы не могли писать и творить? – спросила Саша.

– Конечно!

– И что вы делали в этом случае?

– То же самое, что предлагаю сделать сейчас. Отправиться на прогулку. – Паола подкрасила губы. – Я кое-что возьму, жди меня внизу.

Саша решила не вызывать лифт, а спуститься пешком, она делала так довольно часто, хотя лестница была узкая и неудобная, никто, кроме Саши, ею не пользовался.

Саша спустилась в сад и подошла к голому дереву хурмы. Плоды висели одинокими солнышками на фоне розово-кремовой стены, их никто не собирал. У рядом стоящих магнолий, пальм, лимонных деревьев зеленели гладкие, блестящие на солнце листья.

Во дворе питерского дома Сашин любимый клен наверняка выстелил багрово-желтый ковер. Осень… Самая любимая их с бабушкой пора. Время бесконечных гербариев, каштанов, из которых бабушка вырезала корзиночки и грибочки. Они выходили из библиотеки, шли через парк. Саша веселилась, шуршала листьями, собирала их в кучу, бросала на себя, на бабушку.

Потом садились на скамейку, бабушка читала вслух любимые строки, а когда заканчивала, брала самый яркий кленовый листик и вкладывала его между страниц вместо закладки. В течение года Саша брала с полки толстые книги, и оттуда часто вылетали листья, хранившиеся там с прошлой осени.

Стефано, водитель, привез их на пляж. Паола достала из просторной холщовой сумки белое льняное покрывало в горчичную полоску.

– Я посижу, а ты пока походи и поищи самые красивые камушки.

Саша удивленно подняла брови.

– И ракушки, – добавила Паола на полном серьезе.

Затем она достала продолговатую сумочку из цветастой ткани, похожую на пенал, вынула оттуда маленькие тюбики акрила, кисточки и дала Саше маленький пузырек.

– Набери воды, будь добра.

– А для чего нам камни?

– Будем их раскрашивать, – еще более серьезным голосом

объявила Паола.

Саша пожала плечами и пошла вдоль пляжа. Камушки. Чтобы рисовать, нужны плоские. Она собрала белые и серые, самые удобные для рисования, вернулась и устроилась рядом с Паолой. Та взяла кисточку, обмакнула в краску и начала раскрашивать камни пальмами и цветами.

– А что рисовать?

– Тебе нужен бриф? – Паола засмеялась. – Ну хорошо, задание такое: разрисуй камень как хочешь, просто порезвись, поиграй, побалуйся.

Саша обмакнула кисточку в краску и провела по камню, сделав несколько полосок, кружок, другой. Под шум волн и крики чаек она начала водить кисточкой, пытаясь не думать о том, что делает. Она просто рисовала. Рука шла сама.

Родительская квартира. Саша протягивает рисунок, сделанный на уроке рисования: выдуманный город:

– Папа, посмотри!

– Это черновик?

– А что такое черновик?

– Ну, незаконченный рисунок.

– Нет, законченный, он очень даже законченный.

Отец скептически оценивает еще раз.

– Как-то слабенько, по-моему, надо доработать.

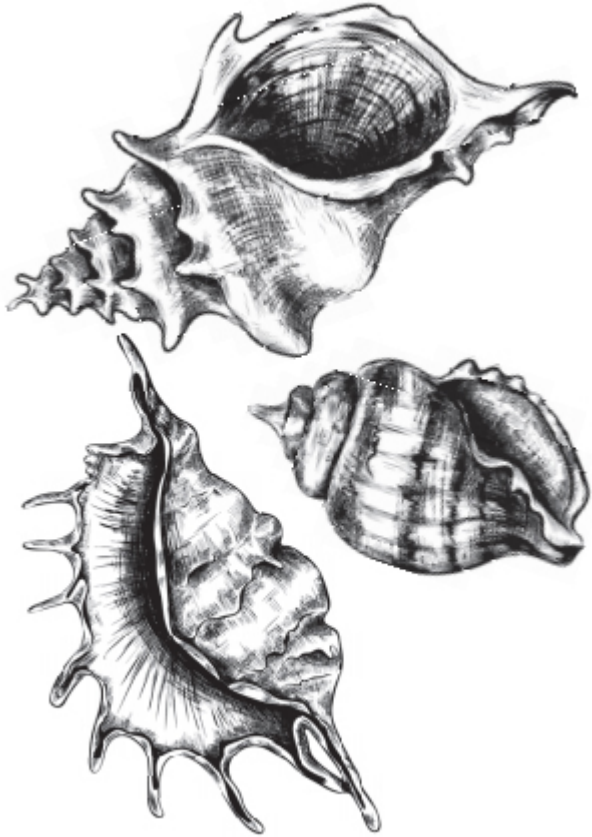
Саша очнулась, перед ней лежали красивые яркие камни-матрешки, камни – божьи коровки и камни-тигры.

Паола захлопала в ладошки:

– Браво! Тебе понравилось?

– Да, – тихо ответила Саша, – да, очень, – сказала она громче.

– А теперь насобирай ракушек. Придешь домой, сделаем из них гирлянды, свяжешь их вместе и повесишь над своим письменным столом. Укрась его, сделай из него игровую площадку для своего маленького творца, – подмигнула Паола.



Саша рассматривала ее лицо. В лучах уходящего солнца кожа Паолы казалась гладкой, лишь пара морщин выдавала возраст.

– Как вам удается быть такой счастливой и… красивой, – Саша сказала, но осеклась, – простите, я имела в виду, что возраст… вы…

Паола улыбнулась, глубокие морщины возле глаз и рта стали заметней.

– Моя бабушка… Несмотря на сложную жизнь, эмиграцию, лишения, она умела искренне радоваться каждому дню, – Паола посмотрела на горизонт, – любила повторять, что жизнь удивительно прекрасна. – Паола грустно улыбнулась и вздохнула. – Я просто стараюсь замечать красоту в каждом мгновении. Буквально в каждом. И в этом тоже. Прямо сейчас…

Они просидели в тишине несколько минут, слушая шум волн. С каждой волной внутри Саши накатывало чувство благодарности и радости.

– Кстати, – прервала тишину Паола, – сегодня на ужин приедет Эдуардо, Магда сделает его любимое блюдо. Pansotti, и

не просто пансотти, а с ореховым соусом! Пальчики оближешь, – пора нам собираться, – Паола встала, стряхивая с полотенца камушки.

Увидев Эдуардо, у Саши заныло в животе и громко забилось сердце. Во сне она бросилась бы к нему на шею, начала целовать, нюхать, от Эдуардо пахло всегда очень приятно и… соблазнительно.

– Хочешь, Саша, я научу тебя лепить пансотти, это наши лигурийские равиоли, – предложил он.

Вот чего Саша не ожидала от Эдуардо, так это того, что он умеет готовить.

– Ты… ты умеешь готовить?

Эдуардо громко захохотал, вслед за ним захохотала Магда, позже Паола, и вот уже они втроем заливались звонким смехом.

«Что смешного?» Саша нахмурилась.

– Непросто найти итальянца, который не умел бы готовить, – улыбнулся Эдуардо.

– Твой отец не готовил, – развела руками Паола, – впрочем, это не мешало быть ему идеальным мужем и папой.

– Я как раз закончила делать начинку, – засуетилась Магда, протягивая фартук Эдуардо и Саше.

Она показала, как делать тесто, потом раскатала его и вручила Саше маленькую квадратную формочку.

– Вот, вырезай давай.

Эдуардо разрезал пласт на две половины и задорно подмигнул:

– А давай наперегонки, кто быстрей налепит?

Раиса Марковна ухмылялась: «Он – человек-праздник, а ты человек-скукота».

Саша закатила глаза, повернулась к Эдуардо и улыбнулась:

– А давай!

– На счет три! Edyn, dwa, trzy! – выкрикнула Магда по-польски.

Саша начала быстро отпечатывать квадратики, класть на каждый из них небольшую горку начинки и запечатывать треугольниками. Некоторые пансотти вышли прехорошенькими, а в какие-то Саша запихала слишком много начинки, и они трещали по швам. Саша так увлеклась процессом, что, если бы перед ней положили еще такое же количество теста, она с радостью продолжила бы лепку пансотти. Эдуардо громко выкрикнул:

– Я закончил!

Саша надула губы.

– Эх, а я только разошлась.

Эдуардо положил руку на Сашино плечо.

– Я леплю пансотти с детства. Это дело практики.

Саша хотела схватить его теплую и гладкую руку, повернуться и прижаться к нему всем телом, но вместо этого она просто улыбнулась.

Ужинали в гостиной, за столом, убранным зеленой скатертью. Зелеными были тарелки, обе, та, что для первого, и для закуски. И этот зеленый, казалось, усиливал цвет глаз Эдуардо.

Пансотти ели с ореховым соусом, Магда приготовила заранее. Эдуардо был особенно весел, он шутил, искрился, как праздничный фейерверк. Саша чувствовала в груди что-то теплое, приятное. На минуточку она подумала, что прямо сейчас она по-настоящему счастлива. Прямо сейчас ее жизнь казалась наполненной смыслом, наполненной людьми, с которыми хотелось проводить время, наполнена запахами, вкусами, звуками, которые ей нравились. Наполнена работой, которую она любила. Все было по-настоящему хорошо, до того хорошо, что Саша испугалась. «Что-то плохое, обязательно должно случиться что-то плохое… не может быть, чтобы было так хорошо…»

Перед сном Саша вспомнила недавний разговор с Паолой. Она спросила, что делает Саша, когда ее посещают мысли о собственном несовершенстве.

– Ты не сможешь избавиться от них совсем, но каждый раз, когда подобная мысль придет, ты можешь сказать ей: «Спасибо, но ты мне не нужна, здесь нет места, всё оно занято другими, хорошими мыслями, уходи, пожалуйста…»

Раиса Марковна посмотрела из-под очков и покачала головой. По ее мнению, места другим мыслям, кроме ее собственных, в Сашиной голове категорически быть не должно.

Рецепт пансотти (pansotti) с ореховым соусом

Ингредиенты:
Для равиоли:
350 г муки высшего сорта
1 яйцо
Половина бокала белого вина
Вода
1 щепотка соли

Для начинки:
400 г мангольда
400 г бурачника или огуречной травы
(Здесь указаны травы, которые есть в Италии. Мангольд, по сути, – это ботва свеклы. Если не найдете, используйте просто шпинат.)
200 г рикотты из коровьего молока
2 средних яйца
50 г пармезана
40 мл оливкового масла первого холодного отжима
Перец по мере надобности
Мускатный орех по вкусу
Майоран по вкусу
1 зубчик чеснока
Для орехового соуса:
150 г грецких орехов
1 зубчик чеснока
20 г кедровых орехов
40 г тертого пармезана
150 мл цельного молока
1 щепотка майорана
30 г черствых хлебных крошек (панировочных сухарей)

Процесс:
1. Чтобы приготовить пансотти с ореховым соусом, начинайте со свежей пасты. Просейте муку горкой, сделайте отверстие посередине, влейте в него яйцо, вино, добавьте соль и начинайте месить.
2. Во время смешивания добавляйте воду комнатной температуры. Вам нужно получить мягкое и эластичное тесто. Накройте пищевой пленкой и дайте постоять в холодильнике не

менее 30 минут.

3. Тем временем приготовьте начинку. Хорошо вымыв указанные травы и избавившись от самых жестких стеблей, отварите их в большом количестве кипящей воды. Варите 7 минут, затем процедите и отожмите.

4. В сковороду влейте немного масла, положите зубчик чеснока и щепотку соли. Затем – мангольд и огуречную траву. Оставьте на пару минут. Наконец нарежьте их и дайте остыть.

5. Выложите полученную смесь в миску, добавьте рикотту, яйца, тертый пармезан, щепотку перца, мускатный орех и майоран. Приправьте солью и хорошо перемешайте все ингредиенты.

6. Теперь возьмите тесто, которое мы оставили отдыхать, и выложите на посыпанную мукой доску для выпечки. Раскатывайте его скалкой, чтобы получился тонкий лист – примерно 3 мм толщиной.

7. С помощью ножа для макарон или формы нарезайте квадраты со стороной около 7 см и кладите по чайной ложке овощной начинки в центр каждого, стараясь оставлять 1 см по краям, чтобы можно было закрыть пансотти. Закрывайте пансотти так, чтобы получился треугольник. Плотно прижимайте края, чтобы они не открылись во время приготовления. Выкладывайте готовые пансотти на поднос, покрытый тканью и слегка посыпанный мукой.

8. Теперь приготовьте ореховый соус: бланшируйте ядра грецких орехов в течение 5 минут, чтобы удалить кожицу. Дайте им остыть. Тем временем смочите хлебную крошку или панировочные сухари молоком. Когда сухари станут мягкими, слегка отожмите их.

9. Снимите кожуру с ядер орехов и поместите их в миксер (или ступку) с подготовленными сухарями. Добавьте кедровые орехи, тертый пармезан, затем чеснок и майоран. Пока ингредиенты смешиваются, влейте немного молока и оливкового масла первого холодного отжима. Взбивайте, пока не получите густой крем.

10. Готовьте пансотти в большом количестве подсоленной воды (бросайте их, когда вода закипит). Варите 4–5 минут. Когда пансотти поднимаются на поверхность, они готовы. Переложите их на тарелку (без бульона от пансотти). Добавьте немного бульона в соус с грецкими орехами и приправьте пансотти соусом.

Глава 14

С каждым днем Саша понимала Геную всё больше. Город оказался кроличьей норой, многослойной и чудесной. Ныряешь в одно место, а попадаешь в другое, совершенно неожиданное.

Таким сюрпризом стала любимая Паолой травяная аптека в монастыре «босоногих кармелитов».

Прогулка начиналась с фуникулера Sant'Anna. Надо было найти здешнюю галерею с вывеской «Antica farmacia erboristeria», отыскать внутри обычный лифт – ничего особенного, металлический, с поцарапанным зеркалом. Но потом происходило неожиданное: на верхнем этаже двери открывались, ты выходил в залитом солнцем коридоре с черно-белым мраморным полом, аркадами, окнами в пол и комнатными растениями. Еще пару шагов внутри, как оказалось, монастыря – кьостро, и можно было попасть в травяную аптеку. Вдоль стен громоздились массивные шкафы из орехового дерева со стеклянными дверцами. Полки наполняли сверху донизу прозрачные и керамические вазы, баночки и бутылочки с травами и тем, что из них создавали. Кремы, цветочные воды, ликеры и карамельки.

За деревянным прилавком с мраморной поверхностью улыбался добродушный брат в коричневых одеяниях. Он показал Паоле и Саше монастырь, церковь и сад, где росли используемые аптекой травы и цветы. А в конце прогулки Саша выбрала себе крем с запахом розы.

В Саше просыпалось всё больше желаний. Хотелось пирожных, и тех – с черным шоколадом и малиной, и тех – с фисташковой крошкой. Хотелось рыбы, фокаччи, красивых лимонов-солнышек, красовавшихся на прилавке Альбаро. Хотелось баловать себя новыми кремами, и, что удивительно, стало не лень намазывать их на себя после душа. Не быстро, а долго и с удовольствием.

В этом месяце Саша даже купила себе новые кроссовки. Замшевые, благородного розового цвета, с белыми кожаными задниками и такими же белоснежными шнурками. Саша поверить не могла, что носит эту красоту в октябре, топая по сухим улицам, а не обычным для поздней осени грязным дорогам.

Кате перевела в три раза меньше обычного. Чувство вины напрочь исчезло.

– Что ты, Саша, вообще без проблем, я сейчас подрабатываю в кафе и уроки русского даю, не волнуйся, ты столько лет мне помогала. Я справлюсь.

В тот день после обеда Стефано отвез Сашу и Паолу в старый город. Паола остановилась перед резной дверью и позвонила в золоченый круглый звоночек. Им открыла худощавая синьора лет пятидесяти в кремовом платье, длинных перчатках и с яркой бордовой помадой на тонких губах.

– Cara! Ma che enorme piacere! (Дорогая! Какое огромное удовольствие!)

Они зашли в ярко освещенную комнату. Под высоченным куполом потолка переливался хрусталь торжественной люстры. Синьора поднялась на лестницу с красными, с виду бархатными, перилами и золотыми вставками на ступеньках. На стенах висели портреты в богато декорированных рамах. Саша дотронулась до перил. И правда бархат. Лестница вела на верхний этаж, уставленный манекенами, одетыми в великолепные наряды.

– Проходите, дамы, – улыбнулась хозяйка.

Они вошли в комнату с тканями, рулонами и драпированными полотнами. Саша подошла к тонкому струящемуся материалу зеленого цвета, на вид – шелк, она накрыла им свою руку и почувствовала, как приятно ласкает ткань ее кожу.

– Из этой ткани получится восхитительный летний сарафан, – заметила хозяйка.

Саша медленно двигалась вдоль стены и трогала каждую ткань. Плотный серебристый материал, из которого вышел бы идеальный хвост русалки, золотая, расшитая узорами парча. Тяжелый синий бархат, полупрозрачные кружева молочного цвета и нежный обволакивающий тюль. Саша трогала каждую ткань и в какой-то момент закрыла глаза. Она ощущала лишь поверхности, пытаясь угадать, что за ткань ей попалась. Ведя рукой, она наткнулась на что-то твердое. Всю стену заполняли бесконечные ряды пуговиц: от мелких, словно прибрежные камушки, до огромных золотых, серебряных, с цветными вставками, словно драгоценные камни. Вся эта комната напоминала гигантскую сокровищницу. Пуговицы Саша перебирала в детстве у бабушки. Они играли с ней в придворных портных, выбирая пуговицы для нарядов. Самые красивые доставались королю и королеве, поскромней – фрейлинам и прислуге. Еще они выдумывали имена всем пуговицам: например, «подснежники», «морские камушки» или «златовласкины».

«Как давно ты играла?» – раздался в Сашиной голове голос Паолы.

«Некогда нам играть», – выглянула Раиса Марковна из-за двери.

Хозяйка отвела их в главную залу, они уселись в мягкие

кресла, им принесли кофе в изящных фарфоровых чашечках. Рядом с кофе в хрустальных вазочках лежали разноцветные мармеладки.

– Они из одной генуэзской лавки, – объяснила Паола, кладя одну карамельку в рот, – старинная фабрика, они первыми начали делать свадебные карамельки, которые дарят молодожены на свадьбу гостям. Миндаль, покрытый разноцветным сахаром. Il confetto. Затем такие штучки начали делать и другие, но выдумали именно они.

Хозяйка салона хлопнула в ладоши, и к ним начали выходить девушки в красивых платьях, они дефилировали по коридору, останавливались напротив, кружились и шли обратно.

– Я думала, что такие салоны бывают только в фильмах, – завороженно прошептала Саша.

Паола засмеялась:

– Это место вроде закрытого клуба, о нем знают избранные.

Перед ними остановилось нежно-голубое платье, и Паола махнула девушке рукой.

– Вот! Идеально для тебя!

Саша округлила глаза.

– Это мне?

– Конечно, милая, а ты что думала? Конечно, тебе, я вряд ли натяну на свое немолодое, даже если всё еще прекрасное, тело это декольте, – рассмеялась Паола.

Голубое платье из чего-то нежного, больше похожего на облако, чем на шелк, с десятком складок, оборок и кружев, парило на модели. Длинное, в пол, в талии узкое, на спине открытое.

– Какое-то оно слишком… ммм… как сказать…

– Слишком нежное для тебя, привыкшей к джинсам и колючим свитерам? Слишком открытое? Да, согласна. Тебе надо время, чтобы отвыкнуть от привычного и прийти к новому. Но, однажды надев это платье, ты больше не сможешь вернуться к своим недружелюбным и неприятным для тела тканям. То, что носишь ты, совершенно противоестественно природе человека.

– Купила бы ты себе юбочку, – вспомнила Саша слова бабушки, – смотри, как преобразили девушку в «Модном приговоре», с юбкой и блузкой совсем другой вид. Приличный.

Саша отмахивалась, а в один из дней, вернувшись из университета, уставшая, нагрубила:

– Надоела ты со своими юбочками, не люблю я это, – и ушла в другую комнату, чтобы не видеть стильных перевоплощений в телевизоре.

Бабушка лишь вздохнула и пошевелила губами так, словно

жевала семечки. На самом деле семечки бабушка не ела, но делала так каждый раз, когда огорчалась. Позже Саша приходила мириться и ластилась, как нашкодившая кошка, терлась о сухую бабушкину руку, оправдываясь:

– Ну, бабуля, правда, не люблю я юбочки…

Саша еще раз взглянула на голубое платье и тихо возразила:

– Но оно… оно неудобное, как я буду в нем ходить…

– А ты не иди, ты плыви, в этом платье нельзя спешить. Это платье заставит тебя замедлиться, смотреть по сторонам и наслаждаться красотой мира. Но! – тебе надо еще одно. Более легкомысленное, – Паола хлопнула в ладоши.

Девушка с дерзким каре, в черном платье с красными вставками и рваными концами по краю, прошла мимо, виляя бедрами. На оголенной идеально ровной спине играли мышцы.

– Вот, такое тебе надо, – резюмировала Паола.

– Нееееет, вы что, я – не она.

– Это я вижу, – усмехнулась Паола, ты – это ты, и благодаря этому платью в тебе появится именно та энергия, которая нужна этим вечером. – У тебя нет планов на вечер?

– Поработать, – поджала губы Саша.

– Ясно, планов нет, – сказала Паола и попросила хозяйку салона упаковать оба платья.

– Как, я даже не примерю?

– Незачем, мне и так понятно, что оно создано для тебя.

– Неудобно как-то, – продолжала бубнить Саша, пока Паола открывала дверцу машины. За ними приехал Стефано.

* * *

Вечером Саша стояла перед зеркалом. На нее смотрела незнакомая, чертовски хорошенькая девушка с ярким блеском в глазах, в переливающемся в свете ламп коротком облегающем платье. Саша с удивлением смотрела на свои ноги. Почему она всегда прятала их под штанами, неплохие ноги, ровные, стройные. И вообще: почему она на себя постоянно наговаривает? На минуточку Саша даже подумала, что она красивая, но, тотчас же испугавшись этой мысли, пригласила зайти Раису Марковну.

Та заглянула и буркнула: «Ну давай не будем зазнаваться, у тебя совершенно заурядная внешность, впрочем, как и способности».

Саша вышла в гостиную. Паола выглядела великолепно. Бордовая помада, белые волосы уложены волнами, длинные, касающиеся пола, брюки в тон помаде. Шелковая блуза, наглухо

застегнутая у шеи. Если бы Саша увидела Паолу со спины, то никогда бы не подумала, что этой женщине скоро исполнится восемьдесят.

– Где твоя помада, дорогая? – строго спросила Паола, – Накрась сейчас же губы.

И Саше ничего не оставалось, как послушно вернуться в комнату и накрасить губы единственной помадой цвета спелой вишни.

Машина плыла по ночной Генуе, как плывет по темному морю пароход. Вдалеке, возле порта, светились колесо обозрения, верфи, мачты.

Они остановились около полосатого желто-белого здания. Зашли в нарядные комнаты с огромными хрустальными люстрами. Стены украшали старинные гобелены и росписи, по краям стояли диваны минувших эпох с изогнутыми спинками.

Звучала веселая музыка, комнаты наполняли радостные люди. К Паоле тотчас кинулись любезные женщины и красивые мужчины. Приветствовали, угощали просекко и целовали в обе щеки.

– Сейчас выберем тебе партнера. – Паола достала из расшитой бисером сумочки веер и нежно помахала на Сашу, потом на себя.

– Партнера? Эээ для чего это?

Паола глянула на Сашу так, словно она сказала несусветную глупость.

– Саша, мы в танцевальном клубе, как ты думаешь, для чего тебе партнер?

– Но я не умею…

– Это совершенно неважно. – Паола повернулась к ней, взяла нежно Сашин подбородок. – Сейчас я позову тебе Габриэле. Он шикарный учитель танцев, с ним танцуют даже старушки, такой он мастер.

Габриэле оказался высоким худощавым брюнетом с бледной кожей. Черная рубашка, волосы, убранные в пучок. Он поцеловал Паоле руку.

– Добрый вечер, Паола, пришли потанцевать?

– Вот привела тебе ученицу, ей срочно нужны специи, – и Паола задорно подмигнула.

Габриэле подошел к Саше и протянул ей руку:

– Прошу вас, синьорина.

Зазвучала музыка. Саша словно онемела, ноги ее не шли. Она? Танцевать? В этой толпе? Перед всеми этими людьми? Она не умеет, к чему эти эксперименты?

– Я, дело в том, что я…

Но Габриэле уже схватил ее за руку и легонько потянул за собой. Он вывел Сашу на середину зала, развернул к себе, посмотрел в глаза и прошептал:

– Александра, я тебе нравлюсь?

Габриэле был красив, молод, от него пахло мускусом и чем-то еще… чем-то терпким.

Увидев Сашино замешательство, Габриэле улыбнулся:

– Александра, у меня есть любимая девушка, здесь мы просто танцуем, но тебе будет проще, если ты представишь, что я твой любовник. Можешь представить, а?

Саша готова была сгореть от стыда. Это же не сон, где она может вытворять всё, что ей вздумается. Здесь на нее смотрели сотни глаз!

– И так как мы с тобой любовники, – прошептал Габриэле ей на ухо, – ты прижмешься ко мне всем телом, – и он притянул ее к себе. – Расслабься и следуй за моими движениями, – прошептал он.

Саша никогда не танцевала сальсу. Габриэле начал двигать бедрами, ногами, Саша стояла на месте, не зная, что делать, но Габриэле притянул ее к себе с особой силой, потом оттолкнул, продолжая двигать бедрами и перемещаться из стороны в сторону. Он пропустил свои пальцы сквозь пальцы Саши, словно передавая ей свой ритм. Саша, стоявшая на месте, внезапно захотела сделать шаг вправо, потом влево, потом ей захотелось подвигать плечом, одним, другим, и вот она почувствовала тот же ритм, что чувствовал Габриэле. Он подмигнул ей, прошептал brava и на моменте, когда музыка зазвучала быстрей, схватил Сашу и закружил. Дальше Саша не помнит, что с ней происходит. Она ощущала только невероятный жар внутри и то, как двигалось ее тело. Сердце часто билось, и всё внутри звучало, сама она стала сальсой, стала музыкой, и когда мелодия прервалась, Саша продолжала танцевать, не желая останавливаться.

Когда музыка завершилась, Паола подошла и начала аплодировать.

– Bravissima! Ты была великолепна!

Габриэле подошел к Саше и поцеловал ей руку:

– Ты правда танцевала впервые?

Сердце билось еще чаще, она не могла поверить, что станцевала сальсу у всех на виду, и самое главное – что ей удалось получить удовольствие от каждой секунды.

Третий рецепт гедониста:
взять пару уроков сальсы.

Глава 15

Всё чаще к Саше приходило то забытое состояние, когда готов писать часы подряд. Текст лился, словно кто-то нашептывал фразы. В такие моменты в кончиках пальцев появлялся легкий зуд, который проходил, когда она дотрагивалась до клавиш компьютера. Пальцы бегали по клавишам, а на уровне сердца распускалась любовь… Та же любовь, что жила в ней, когда она думала о бабушке. К этому чувству примешивалось ощущение правильности мира, ощущение того, что ты в этом мире на правильном месте. Раиса Марковна в такие моменты молчала, поэтому Саше только и оставалось, что быстро, быстро, пока она молчит, записывать и строчить.

Надо было устать, почувствовать, что ты хорошо потрудился, но не оставаться без сил. После обеда Паола настаивала на дневном сне, сама она обязательно дремала часик, потом вставала, пила кофе и приступала к остальным делам. День ее делился на «до» и «после» обеда, так же, как у Саши.

Этот ритм нравился Саше, она понимала, почему ей было так плохо в офисе. Она без передышки работала, не наполняла себя, а наоборот – опустошала.

В девять утра, одетая в блейзер цвета спелой оливки, Паола стояла у порога.

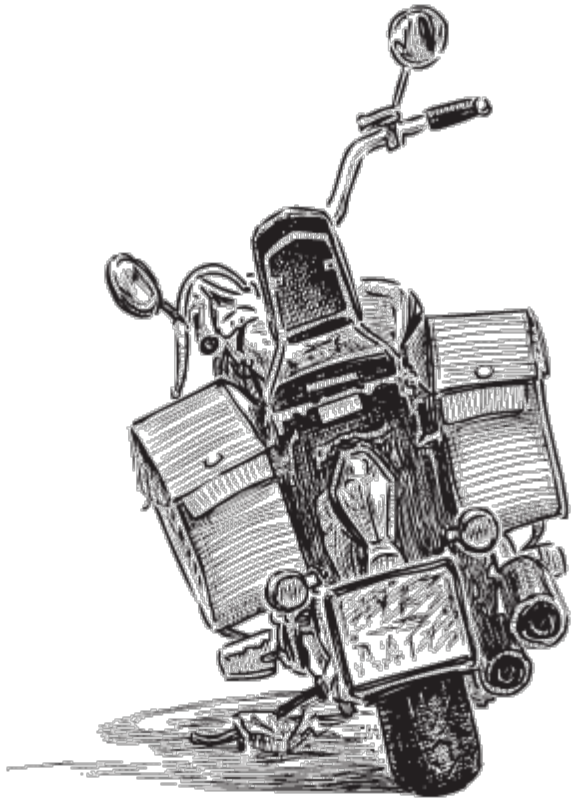
– Cara, я собралась к подруге в Камольи, сейчас за тобой заедет Эд, написал, что хочет свозить тебя в Пятиземелье. Я попросила его взять мне «Шакетра».

«Шакетра», «Пятиземелье», не слова, а имена персонажей из сказки. И всё же приятней всего звучало «хочет свозить». Раиса Марковна даже не заглянула, слишком громко Саша хлопала в ладоши.

На Эдуарде были черные кожаные брюки и кожаная куртка, в руках он держал каску. Такая одежда шла ему еще больше, чем обычный костюм.

Саша уселась на металлического, сверкавшего в лучах солнца коня, и они рванули, пробираясь между тенистых аллей, розовых фасадов и кованых изгородей. Саша держалась за талию Эдуардо робко, двумя пальцами, но на первом же резком повороте, боясь упасть, прижалась к нему сильней.

Каждый раз, когда мотоцикл делал поворот, Саша прижималась к Эдуардо ближе и на десятой петле ощущала себя единым с ним целым. В животе появилась знакомая теплая волна. Она становилась всё жарче. Обжигало не только живот, тепло спускалось ниже. Щеки Саши горели.



Эдуардо свернул с Аурелии, дорога взбегала на холмы, всё выше и выше, пока не привела к воротам. Им открыла пышная синьора в полосатом фартуке.

– Caro ma che piacere! Как хорошо, что ты заехал! Как поживает синьора Паола?

За Марией, хозяйкой, вышел Альберто, высокий и загорелый мужчина в широком джинсовом комбинезоне.

Усадьба Марии и Альберто находилась в заповеднике Пяти Земель, Чинкве Терре, прямо над деревенькой Монтероссо. Просторный каменный дом, а вокруг оливковая роща и земли в восемь гектаров.

Мария ушла хлопотать на кухне, Альберто провел Сашу и Эдуардо по владениям.

– Это всё отец, он всё здесь начал… но потом, когда он понял, что сил больше нет, мы с Марией переехали из города и занялись сельским туризмом, построили гостевую часть, рядом себе дом, стали туристов звать, сами обжились. Виноградники посадили, – он показал куда-то вверх.

Там, высоко на склонах, копошились люди, походившие больше на акробатов, чем на собиравших виноград фермеров.

Заметив любопытный взгляд Саши, Альберто пояснил:

– Это для «Шакетра», нашего лигурийского пассито.

– Хотите попробовать?

– Конечно, – улыбнулся Эдуардо, – за этим и приехали, мама попросила привезти ей бутылочку для вечерних раскладываний пасьянса.

– Ах, синьора Паола, ну конечно, конечно, как же, мы отложили для нее три бутылочки с позапрошлого урожая, а как новая партия подоспеет, пришлем вам новые, лично доставим. Останетесь на обед?

– Ты как? – Эдуардо посмотрел на Сашу, цвет его глаз стал пронзительно-зеленым, как трава, которую прямо сейчас они топтали на горных склонах.

– Не знаю, я хотела поработать, – пробормотала Саша.

– Да, мы остаемся, – Эдуардо нежно похлопал Сашу по плечу.

К ним вышла Мария, она несла огромную рыбину.

– Вот, смотрите, какого леща поймал Альберто, запеку его с овощами, и анчоусами вас угощу, у нас в Монтероссо они самые вкусные. Вот сейчас прямо и дам попробовать. Вы садитесь пока, – и она указала на два плетеных кресла в тени оливковых деревьев.

Альберто поставил перед ними столик с тарелкой маринованных анчоусов и два бокала белого вина.

– Это тоже наше белое Vermentino, а «Шакетра» хорошо после еды, оно десертное.

Альберто сел рядом и рассказал, как уходит в море по ночам на своей лигурийской лодке гоццо, как надо готовить атлантического леща и почему анчоусы в Монтероссо самые вкусные. Рассказал, что «Шакетра» выдерживают минимум полтора года, а после пяти лет вино получает статут Reserva. Лигурийское пассито не продается в магазинах, его делают в ограниченных количествах.

– Климат у нас особый, что тут скажешь.

На первое Сашу и Эдуардо угощали пастой с моллюсками и лазаньей с песто.

– Раз уж вы здесь, попробуйте мое песто, Альберто говорит, что такого, как у меня, во всей Лигурии не сыскать.

То же самое говорила Паола про песто Магды.

После пасты и лазаньи Альберто принес запеченную с овощами рыбу. Крупный, практически без костей, атлантический лещ был вкусен и нежен.

Саша ела медленно, рыба после двух порций первого в нее не лезла. В какой-то момент она отложила вилку и опустила руку

под стол, чтобы расстегнуть пуговицу на брюках.

– Тебе необязательно доедать всё до конца, можешь оставить… – Эдуардо улыбнулся.

Саша кивнула, поглядывая на остатки рыбы. Как она может объяснить, что приучена доедать всё до последней крошки? Вряд ли он поймет. Она выдохнула и прикончила этого превосходного атлантического леща.

– Ну что, а теперь – медитация, – засмеялась Мария.

Она поставила перед креслами поднос с двумя маленькими, наполненными янтарной жидкостью, бокальчиками.

– Prego, signori.

Эдуардо потер руки:

– Ах, сейчас попробуешь, какое это наслаждение. Пей маленькими глоточками.

Саша отпила глоток «Шакетра». Сладкий, но не приторный, с нотками кураги и миндаля. Она закрыла глаза и очутилась в вихре ароматов и запахов, по телу разлилось тепло. Солнце грело, вдали блестело море. И было до того хорошо, что даже заглянувшая Раиса, попытавшаяся что-то сказать, наверное, вроде «не расслабляйся, это опасно», скривила нелепую мину и убралась восвояси.

– Вкусно, правда? – раздался голос Эдуардо. У него тоже были закрыты глаза, губы растянулись в довольной улыбке. – Я за рулем, поэтому буквально глоточек.

Эдуардо потянулся. Зеленоглазый, медленный, гибкий. Напитанная солнцем, уморенная пассито, Саша еле сдержала свое желание дотронуться до руки Эдуардо.

– Как идет написание книги? – произнес Эдуардо с закрытыми глазами.

– Всё хорошо.

– Успеваешь написать ее к юбилею?

– Да, да, конечно.

– Здорово, хорошо, что я поверил своей интуиции и выбрал именно тебя, – Эдуардо улыбнулся, – жду не дождусь прочесть ее, – для мамы книга – важное событие. Мы собираемся перевести ее на английский.

Саша почувствовала легкое волнение. Что, если она подведет его? Что, если в итоге получится полная чушь? Она мяла салфетку, накручивая ее на палец, пока та не превратилась в гармошку.

– О, кстати, ты знаешь, что мне предложили снимать про маму фильм? Представляешь, на днях со мной связалась какая-то русская продюсер Алла.

Ликер, который всё это время Саша пила маленькими

глоточками, застрял в горле. Саша не могла сглотнуть, а выплюнуть было неприлично. Ликер превратился в твердый ком, а Сашина челюсть и шея словно онемели.

Алла?

– Как интересно, – Саша опять постаралась сглотнуть, но не смогла, – это так неожиданно, – сказала она тихо.

– Да, да, для нас это тоже неожиданно.

Всё расплылось, и Сашу будто накрыло гигантским стеклянным куполом, не пропускающим ни единого звука.

«А кто ты вообще такая?» – звучало в ее голове.

Саша глубоко вздохнула, помогая себе воздухом.

– Тебе нехорошо? – спросил встревоженно Эдуардо.

– Очень хочется пить…

Эдуардо заботливо принес воды.

На обратной дороге Саша старалась не слишком прижиматься к Эдуардо, контролируя свои порывы. Хотя в животе, именно там, продолжали накатывать теплые волны.

«Уж не влюбляешься ли ты?» – Раиса Марковна посмотрела на Сашу поверх очков.

– Ну вот, – Эдуардо остановился у ворот.

Он поцеловал ее в обе щеки и как-то странно замедлился возле Сашиных губ. Затем словно опомнился и произнес:

– Я заходить не буду, передай маме, хорошо? – Он протянул ей сумку с пассито. – Спасибо за компанию, – и послал ей воздушный поцелуй.

Ночью Саше снилось несколько серий подряд. В одной она занималась с Эдуардо тем, что ни в какие рамки приличия не укладывалось. «Совершенное бесстыдство», – прошептала Саша, открыв глаза среди ночи. А потом закрыла, чтобы продолжить смотреть.

Позже во сне появилась Алла, она бегала за Сашей и кричала: «Самозванка!»

Саша просыпалась еще раза три, ожидая, что в сон вернется Эдуардо, но, к сожалению, этого не произошло. Зато возвращалась Алла, она шла по красной дорожке, проходила мимо Саши и ядовито ухмылялась.

Глава 16

Саша еще раз перечитала пятую редактуру книги. Глаз привык, и Саша не понимала, доведена ли рукопись до совершенства. Ей бы здорово помог трезвый взгляд со стороны.

«Что делаешь? Может, погуляем?» – сообщение от Оли оказалось подсказкой.

Девушки договорились встретиться в старом городе.

Саша шла по кварталу Альбаро и чувствовала запахи ярче и отчетливей. Вот запах жареной рыбы, точнее – анчоусов и барабульки. Вот запах свежего хлеба из пекарни. Вот пробежал местный красавец, за ним пронеслась волна чего-то до боли знакомого, сладкого, похожего на инжир. Скорее на инжирное варенье, которое Магда подает в изящных хрустальных вазочках. Саша облизнулась и почувствовала запах сыра, нет, скорее запах сырной фокаччи из другой пекарни. Вкус заиграл на языке. Саша стала чувствовать ароматы сильней, будто все эти месяцы у нее был заложен нос, а сейчас дышалось свободней.

И звуки стали отчетливей и громче, словно что-то перестроилось в ее ушах.

Саша улыбалась этому наполненному звуками и запахами городу, яркому прекрасному миру, Италии, которую прямо сейчас она чувствовала на кончиках пальцев.

Возле крохотного помещения с розовой вывеской «Profumo di Rosa» в старом городе выстроилась очередь.

– Это gelateria, – объяснила Оля, – здесь самое вкусное мороженое. Я возьму тебе вкус розы. В мороженое добавляют специальный сироп из роз, сорта «ругоза» и «мускоза». Цветы местные, лигурийские, конечно.

Саша ела мороженое, и рот наполнялся вкусом лепестков роз. Когда-то в детстве они играли с подругой в волшебниц и готовили еду из цветов.

– Карамельки вкуса фиалки, мороженое вкуса розы, салат с цветами, – засмеялась Саша, – в Генуе осуществились все мои детские фантазии.

– Эх, я бы только и делала, что ела мороженое с утра до ночи, это моя самая любимая еда, – причмокивала Оля, выскребая остатки мороженого из стаканчика.

– А я кое-что тебе принесла, – Саша достала из сумки папку, – рукопись книги.

– Здорово, ты закончила?! – Оля взяла в руки папку и сразу принялась листать страницы.

– Да, – Саша довольно улыбнулась.

Она завершила важное дело, хотела гордиться собой, но получалось слабовато.

– Но ты всё равно какая-то напряженная, – посмотрела на нее Оля.

– Да, – выдохнула Саша, – немного волнуюсь, – а вдруг не понравится, и я… я подведу тебя, Эдуардо, ну и сама опозорюсь.

– Саша, ты всегда была перфекционисткой, сколько тебя помню, – сколько раз ты переделывала школьные сочинения? А сколько раз переписывала ту повесть, за которую тебе дали премию?

Саша кивнула головой.

– Ну долго ты еще будешь так себя мучить? Скоро нам по сорок, между прочим. Лично я вообще решила себя больше не критиковать. Только и делаю, что хвалю себя с утра до ночи. Как встаю, так и начинаю хвалить.

Саша засмеялась. С Олей ей было так же легко, как с Любой.

– Мне уже всё нравится, – сказала Оля, впившись глазами в первые страницы.

Она похлопала Сашу по руке.

– Ты молодец. Всегда любила, как ты пишешь. Когда тебе ее сдавать?

– Через неделю.

– Постараюсь прочесть за несколько дней, – пообещала Оля.

Они выпили кофе неподалеку, заглянули в несколько магазинов и попрощались.

Возвращаясь домой, Саша остановилась возле Palazzo Lomellino. Из всех палаццо на виа Гарибальди палаццо Ломеллино было ее любимым. Саше нравился цвет фасада, такого же голубовато-серого цвета были ее глаза, а еще глаза ее бабушки, глаза мамы и то красивое шелковое платье, в котором мама была так счастлива. То, что осталось висеть в шкафу.

Паола называла его цветом предрассветных сумерек. Точь-в-точь как небо до появления первых розовых лучей. А Эдуардо рассказывал, что правильное название цвета – blue tempesta (цвет шторма) или carta zucchero (сахарная бумага). Раньше в такую бумагу заворачивали карамельки.

Нарядный фасад-полотно, «вышитый» десятками завитушек, бантиков, арочек и ликов, торжественно выделялся среди остальных, напоминая прохожим, что можно быть нарядным каждый день, каждую минуту.

– Александра!

Саша оглянулась, в дверях палаццо стоял… Эдуардо. Саша поправила волосы и суетливо одернула платье. Эдуардо поцеловал Сашу в обе щеки, а так хотелось подставить ему вместо

щек губы.

– Как здорово, что мы встретились. Хочешь посмотреть, где мама отпразднует юбилей?

– Еще бы! – воскликнула Саша.

Они зашли внутрь. Купол атриума, входа, украшали похожие на фасадные декорации элементы, но внутри полотно было гуще, а завитушки крупней.

– Над созданием этого палаццо работал известный в то время Джованни Баптиста Кастелло, он привез в Геную те же краски, которые использовал Рафаэль для росписи лоджий Ватикана, – произнес важно Эдуардо, – а еще, – он загадочно улыбнулся, – здесь есть кое-что, скрытое от глаз прохожих.

Было в этом палаццо кое-что, спрятанное за таким же нарядным, как фасад, входом. Сад. Секретный. Саша узнала об этом из рассказов Паолы. В тот день, когда она с Эдуардо ходила по дворцам деи Ролли, сюда была слишком большая очередь, и они не попали внутрь.

Они поднялись по лестнице вверх и оказались на первом этаже сада с журчащим фонтаном посередине.

– Этот дворец приказал создать Николозио Ломеллино, он промышлял добычей кораллов на острове Табарка. Поэтому фонтаны и пещеры выложены кораллами и ракушками. А сейчас здесь живут потомки некогда служившего в Генуе мэра Подеста.

– Какое невероятное место, – улыбнулась Саша, – оно очень подходит для этой важной даты.

– Здесь будут играть музыканты, – Эдуардо махнул перед собой рукой, – весной этот навес заполнен цветущими глициниями, – он указал на структуру сбоку, укрытую листвой.

Поднимаясь на второй ярус сада, Эдуардо позвал Сашу заглянуть в узкое пространство, что-то вроде балкона, втиснутого между садом и перилами. Внизу текло движение шумной улицы. Сад опирался на галерею, через которую каждый день просачивались тысячи машин. Интересно, многие ли прохожие знают о том, что там, сверху, есть настоящий секретный сад.

– В этом вся Генуя, – бросил Эдуардо, – тайные сады и сокровища дворцов.

– На втором этаже был когда-то артишоковый сад. Артишоки готовили для важных гостей, когда-то весной всё здесь становилось сиреневым от их цветения, – Эдуардо улыбнулся, – ну это мама рассказывала, я был тогда маленьким.

Саша подумала, каким же разным и вместе с тем одинаковым было их детство. Она гуляла с бабушкой по ботаническим садам, Эдуардо – по артишоковым.

Они поднялись на самый вверх стоящей в саду башни. Оттуда

открывался великолепный вид на порт, верфи, колесо обозрения и просторные, с черно-белым полом, террасы-крыши возвышающихся рядом дворцов.

– Тебе надо обязательно вернуться сюда следующей весной. – Глаза Эдуардо улыбались, он посмотрел на Сашу очень внимательно. Саша хотела что-то сказать, что-то вроде «конечно, было бы здорово», но их разговор перебила какая-то синьора, она звала их спуститься и посмотреть меню для кейтеринга.

– Ну что же, проверим, как хорошо ты выучила местные блюда, пока жила в Генуе: посоветуй, что нам включить в меню, – Эдуардо стал зачитывать названия блюд.

* * *

– Трофье с песто? – он хитро посмотрел на Сашу.

– Конечно, обязательно, песто – лигурийский специалитет.

– Brava! – улыбнулся Эдуардо.

– «Каппон Магро»?

– Да, это король лигурийских блюд, – подтвердила Саша.

– Хорошо, какое вино берем? Vermentino или Cinque Terre Doc?

Саша задумалась, вспоминая всё, что слышала о вине.

– Лучше Cinque Terre Doc, потому что Vermentino есть не только в Лигурии, – улыбнулась Саша.

– Bravissima! – Эдуардо даже зааплодировал.

– Хорошо, а десерт? Тирамису или панна котта?

Саша задумалась.

– А не лучше ли взять карамельки вкуса фиалки из той лавки неподалеку?

Эдуардо сделал смешное выражение лица, немного оттопырив нижнюю губу и округлив глаза.

– Александра, да ты стала настоящим знатоком Генуи и лигурийской кухни!

– Ну прямо, – рассмеялась Саша, – …это всё благодаря вам… тебе и Паоле.

Эдуардо взял ее руку и поцеловал. Внутри Саши приятно защекотало, стая цветных колибри взлетела и опустилась, Саша смущенно потупила глаза и слегка отодвинулась.

Эдуардо рассмеялся.

– Знаешь, Саша, в последний раз я мог произвести такое впечатление на девушку в университете. Ты так мило робеешь, я прямо чувствую, как ты замираешь вся. Надеюсь, это потому, что я тебе нравлюсь, а не наоборот.

– Да… не наоборот… – Саша покраснела.

– Ты тоже мне нравишься, – улыбнулся Эдуардо и посмотрел на нее пристально своими одурманивающими зелеными глазами. – И я буду скучать по тебе… ведь этот праздник означает, что скоро ты вернешься домой. И если честно, мне немного грустно. – Эдуардо встрепенулся. – А если я приеду потом в Санкт-Петербург? Будешь моим гидом?

– Конечно!

Он посмотрел на нее внимательно.

– А ты изменилась. Когда я проводил с тобой собеседование… ты была немного другой. Сейчас ты… знаешь, мне легче понимать, что ты чувствуешь, у тебя даже лицо веселей стало. Ты стала больше походить на нас, итальянцев, не думаешь?

– Наверное, – Саша пожала плечами, – мне стало проще. И да, мне всё тяжелее скрывать свои чувства…

– Скрывать что? – прищурился Эдуардо.

Раздавшийся звонок телефона Эдуардо спас Сашу от объяснений, он сделал извиняющийся жест и удалился.

«Неужели не видно, что я влюбилась, чтобы в который раз усложнить себе жизнь…» – крутилось в ее голове по дороге домой.

– Признайся в своих чувствах, – советовала Люба.

Саша сидела в кровати и не могла уснуть.

– Он же сын Паолы. Клиент.

– И что?!

– Нет, это неправильно. Где он, а где я? Он же из такой хорошей, влиятельной семьи.

– А ты – из интеллигентной петербургской, тоже, знаешь, не глухомань какая-то. Саша, ты правда влюбилась?

Саша тяжело вздохнула.

– Похоже, да. Думаю о нем каждый день, жду встречи, а когда засыпаю, вспоминаю его запах, и он не дает мне уснуть…

– Малышка, это же прекрасно, красивая история, как бы она ни закончилась. Лигурия, море, он. Вот тебе и материал для следующий книги, – захихикала Люба.

– Смешно тебе, – закусила нижнюю губу Саша, – ладно, я спать, завтра надо проснуться рано утром и внести кое-какие правки. Вышлю тебе завтра рукопись, почитай.

– Спокойной ночи, дорогая, пусть тебе приснится Эдуардо, – прошептала подруга.

Глава 17

С момента, когда Саша открыла глаза, внутри проснулась тревога. Так она волновалась перед экзаменами в университете. Так же чувствовала, когда съезжала в детстве с высоченной горки-аттракциона. Что-то внутри падало вниз, и появлялась непривычная пустота.

– Мне звонил Эдуардо, сказал, что ты не отвечаешь. Он ждет тебя на обед в Le Cicali, – сказала Паола, когда Саша наконец-то вышла из комнаты, где продолжала править рукопись, полировать детали, встав ни свет ни заря.

Саша взяла телефон. И правда, три пропущенных звонка от Эдуардо. Что именно он собирается ей сказать, к чему такая спешка? Может… Но при одной мысли прискакала Раиса Марковна: «Размечталась!» Нет, нет, конечно, нет, наверняка это сугубо деловой разговор. А может, всё же недавняя их беседа, может, он… Саша рассуждала, выбирая наряд. Футболка слишком просто, джинсы лучше не надо. Платье из салона слишком нарядно. Саша надела любимое черное платье.

– У меня встреча с Эдуардо, – объяснила Саша знакомому официанту.

– Да, конечно, проходите, ваша компания уже на месте.

Компания? Саша нахмурилась, не понимая.

Она пошла вглубь и обомлела. Напротив Эдуардо сидела и жеманничала… Алла. Красная помада, шелковая розовая блузка, а под ней та же роскошная грудь. Саша нервно одернула платье.

Эдуардо помахал рукой:

– Саша!

– Добрый день, – поздоровалась Саша.

Раиса Марковна хохотала, Алла мило улыбалась.

– Здравствуй, дорогая, очень тебе рада.

– Алла сказала, что вы знакомы, – Эдуардо подлил себе и Алле вина, бутылка наполовину пуста, они пришли минимум час тому назад.

Саша уселась на угол, на краешек стула, не убирая сумку с колен. По ногам пробежала дрожь. Ладошки вспотели.

– Что ты будешь? – спросил Эдуардо.

– Я совсем не голодна, буду просто кофе.

– Кофе? В полдень? Какие неитальянские у тебя привычки, – улыбнулась Алла ехидно.

Саша улыбнулась краешком губ. Зачем она улыбается? Это явно нервное.

– Александра, я позвал тебя, чтобы обсудить одно очень

интересное предложение от Аллы.

Саша массировала кончики пальцев, она чувствовала наэлектризованный сгусток чего-то неприятного.

– Алла предлагает нам сделать фильм про маму, про Геную… И сделать его по следам книги, биографии, которую пишешь ты.

Саша поджала губы, от расслабленного состояния, в которое она научилась погружаться, не осталось ни облачка. Вибрация в ногах усилилась, в середине груди появилось ощущение скручивания, словно кто-то выворачивал ее сердце наизнанку. Паола была права, она стала чувствовать свое тело намного лучше.

– Так вот, – продолжил Эдуардо, – я думаю, что вам стоит поработать вместе, чтобы книга была готовым сценарием для фильма. Чтобы это была не просто биография, понимаешь, о чем я? Нужна какая-то идея, концепция.

Не может быть. Это какое-то дежавю. Идея, идея, ей опять нужны ее идеи.

– Думаю, если вы поработаете вместе, книга станет еще увлекательней. У Аллы большой опыт, вышел фильм, которому пророчат международные премии. Фильм про Модильяни.

Саша глотнула воды, она напрягла каждую частичку своего тела, чтобы не расплакаться. Именно этого ей хотелось сейчас больше всего.

– Да, я видела фильм в кинотеатре пару недель назад, – произнесла тихо Саша.

– И как тебе? – надменно спросила Алла.

– Прекрасные художественные образы, у вас очень талантливый художник и сценарист, – сказала Саша еще тише.

– Идея и сценарий мои, образы тоже, – промурлыкала Алла своим фальшивым ангельским голосом.

Несусветная наглость. Врет и не краснеет. Саша впилась ногтями в колени. Желание плакать сменилось дикой яростью, как же ей хотелось взять этот стол и опрокинуть его на Аллу, а потом взять тарелку и разбить у нее на голове. Не только тарелку, бутылку тоже. И канделябр… и… Саша обвела глазами помещение, чтобы найти что-то потяжелей. О, и вот эту огромную сковородку на стене. Как треснула бы ею.

Саша вздрогнула. Она привыкла сдерживать свою злость и даже мысли о ней, а сейчас она готова была разорвать на Алле ее идеальную розовую блузку.

– Мама говорила, что твоя книга получается очень интересной, что ты придаешь ей неординарную форму, она говорила про какие-то там рецепты. В общем, я думаю, что вам стоит поработать вместе. Можешь дать почитать Алле рукопись?

У Эдуардо зазвонил телефон.

– Простите меня, важный звонок, – извинился он и вышел.

– Когда дашь мне рукопись? – спросила Алла своим настоящим тоном. Жестким и беспринципным. Именно таким голосом она разговорила с Сашей тогда, бросая ей «кто ты такая?».

– Не знаю, я поговорю с Паолой, – тихо сказала Саша.

– Я так понимаю, что всё решает ее сын, и это прекрасно, – Алла улыбнулась, подлив себе вина, – смирись, дорогая, есть чемпионы, они всё время выигрывают, и у них есть результаты, а есть… такие, как ты.

Саша стиснула зубы.

– Раз ты такая талантливая, почему не придумаешь свою идею и сама не напишешь сценарий? – выпалила Саша, удивляясь собственной смелости.

– Они уже знают, что в тебе нет ничего от писателя? – парировала Алла. – Что последние три года ты описывала тошноту и головную боль. Тебе книгу не про наслаждение писать, а про боль и неудачи. Впрочем, какая жизнь, такие и тексты.

Саша сильно прикусила нижнюю губу и почувствовала во рту вкус крови.

– Зато я не ворую чужие идеи, – произнесла она тихо, но уверенно.

Алла позеленела и стала походить на шпинат в своей тарелке.

– Простите, звонили из теннисного клуба, перенесли наш турнир, – Эдуардо вернулся и уселся на свое место.

– О, я тоже играю, может, сыграем как-то, я живу недалеко, в Нерви, и очень скучаю по теннису, это моя большая страсть. – На слове «страсть» Алла приоткрыла рот.

Тьфу ты, противно смотреть.

– С удовольствием, может, и Саша к нам присоединится?

– Мне жаль, но я не играю, – покачала головой Саша.

– А вы уже обсудили идею фильма с синьорой Паолой? – спросила Саша, обрадовавшись своей смелости.

Эдуардо поправил волосы.

– Хм, а ведь ты права, сначала надо рассказать о проекте маме, я как-то не подумал, а вдруг она не согласится.

– Фильмы всегда имеют больший охват, чем книги, – деловито произнесла Алла, – к тому же это международный проект. Фильм покажут во всей Европе и в России. Это значит, что в ваш город, в ваши галереи приедет еще больше туристов.

Чего-чего, а коммерческой хватки ей не занимать. Саша почувствовала, что к вибрации в ногах и тяжести в груди

присоединилось ощущение тошноты. Ей захотелось выбежать наружу.

– Да, конечно, но Александра права, мы должны поговорить сначала с мамой, ведь фильм про ее жизнь.

Саша показала Алле язык. Не по-настоящему, конечно. Алла улыбнулась самой фальшивой из всех своих улыбок.

– Простите, мне пора, приятно было поболтать. – Саша поднялась и быстро вышла.

Она жадно глотала воздух, голова кружилась. Саша шла медленно, ноги все еще дрожали, живот скрутило. Саша вспомнила, что похожие ощущения она испытывала, когда отравилась несвежей рыбой в ресторане суши. Точно. Именно так. Удивительно, что раньше Саша не замечала, какая Алла ядовитая.

Глава 18

Исправив в рукописи в сотый раз неточности, Саша выдохнула и отправилась на прогулку. Сегодня Паола посоветовала Саше один из любимых маршрутов, набросав его на бумажной салфетке, случайно оказавшейся на столе, – стол сервировали исключительно тканевыми салфетками.

Сначала Саша покаталась на фуникулере Zecca-Righi. Вагончик катился вверх по рельсам, сначала в тесном, невозможно узком для клаустрофобов туннеле, потом на открытом воздухе, минуя живописные огороды и сады. Вниз, по совету Паолы, Саша спускалась пешком. На середине дороги она наткнулась на живописный спуск – salita San Bartolomeo del Carmine.

Солнце окрашивало изрядно поцарапанную стену в сочный терракотовый цвет. Пара шагов – и в низкой арке показалась белая церквушка, как оказалось, 1300 года. Слева между двумя каменными домами зажат дворик с милыми крылечками, еле заметными из-за кроны оливкового дерева, справа – новый спуск с изогнутой аркой фонаря. Сверху разноцветные крыши домов, над ними клубятся облака. Ниже дорога, потом школа и опять лабиринт, в конце – здание, «сшитое» из разных кусочков. Кусочек темно-розовый, кусочек серый, сверху зубцы средневекового узора, ставни зеленые, а выше бледные. Склеенная вразнобой аппликация.

На стене изображение Мадонны в голубом, похожем на скворечник домике. Улица вьется между горшками и выкрашенными в желтый стенами. Крохотный туннель превращается в живописный двор, название которого – площадь, пьяцца. Отколотый барельеф, лимоны на фоне оранжевой стены, ромб изгороди, припав к которому можно увидеть виллу апельсинового цвета, из окна выглядывает кошачья серая морда, а вдалеке, над домом, угадываются размытые акварельные контуры гор.

Живописное и беспорядочное наслоение текстур и цвета. Игра в увлекательные вертикальные прятки. Прячешься не ты, прячется она, Генуя, показывая то краешек цветастой шали, то носок чулка, то край платья, и снова убегает, увлекая за собой. Продолжает резвиться и играть, заманивает в улочки, вико, с аппетитными названиями: Шоколадная, Клубничная, Сахарная (vico di Cioccolate, vico delle Fragole, vico dello Zucchero).

Узкие лабиринты упирались в неказистую пьяцца, куда выползли погреться на солнышке дети и мамы. Детвора рассекала

площадь на самокатах, мамаши пытались вдоволь наговориться. Саша села в кафе и взяла блокнот. Свободно лились слова, мягко оседали на бумагу, сами складывались в предложения, и Саша улыбалась этой новой легкости и непринужденности.

Вернувшись домой, она услышала в гостиной голоса.

– Александра, это ты? Заходи, пожалуйста, как ты вовремя, – позвала ее Паола.

Саша зашла в гостиную и оторопела. Напротив Паолы и Эдуардо вальяжно расселась в кресле Алла.

– Аморе, заходи, сегодня у нас гости, извини, не предупредила тебя, – сказала Паола.

– Как дела, дорогая? – Алла помахала рукой.

Саша наморщила нос и чихнула, от Аллы пахло чем-то сырым и раздражающим ее слизистую оболочку носа.

– Вы знакомы?

– Что-то вроде, – буркнула Саша и попытался улыбнуться, но получился напряженный оскал.

Комната, обычно светлая, залитая солнцем, казалась Саше темной и душной. Море, утром искрившееся в лучах солнца, лежало серо и уныло, как половая тряпка.

– Присаживайся, дорогая, Магда принесет сейчас оладьи из трески, – Паола указала Саше на диван напротив, – представляешь, Алла хочет снять фильм о моей жизни.

– Интересно, – сказала Саша, выпрямив спину.

– Да, – всплеснула руками Паола, – но еще интересней, что вы знакомы, какое удивительное совпадение, – вы работали вместе, это как-то связано с творчеством?

– Да… – потупила глаза Саша… – связано, еще как.

– Вы тоже пишете? – спросила Паола, обращаясь к Алле.

– Почему тоже, – вскинула брови Алла, – ах да… Ты не сказала Паоле? – обернулась Алла к Саше.

Саша покрылась густым румянцем…

– Не сказала что? – прищурился Эдуардо.

В этот момент белая кошка с грустными глазами, всё это время находившаяся на книжной полке, мягко спрыгнула на спинку дивана и села рядом с Аллиной головой.

Алла вскочила:

– Ой, простите, я боюсь котов.

Паола встала и взяла Матильду на руки:

– Иди ко мне, малышка.

Она опустила кошку на бархатную подушку в углу, но та вильнула хвостом и вышла из комнаты.

Магда принесла овощную запеканку и поставила блюдо посередине стола.

– Угощайтесь, – улыбнулась она.

Все уселись за стол. Сегодня Магда постелила розовую льняную скатерть и поставила такой же розовый, в тон скатерти, сервиз из тонкого фарфора.

Алла взяла тарелку и перевернула ее, уткнувшись в надпись на дне.

– О, это же Villeroy&Boch, восемнадцатый век, ничего себе!

Паола положила на колени салфетку:

– Вы любите посуду?

– Да, обожаю. Как и вашу лигурийскую кухню, – промурлыкала Алла.

Саша ковырнула вилкой оладьи. Обычно вкусная, еда Магды сегодня казалась Саше пресной и безжизненной.

– Мама, – откашлялся Эдуардо, – я думаю, надо, чтобы Алла и Саша поработали вместе над книгой, чтобы было легче снимать фильм.

– Я видела ваш фильм про Модильяни, он прекрасен. Вы сами написали сценарий? – спросила Паола.

– Да, идея моя и большая часть сценария тоже, – не моргнув отчеканила Алла.

Саша закашлялась.

– Что это вы все раскашлялись сегодня? – Паола внимательно посмотрела на Сашу.

– Так вот, – продолжил Эдуардо, отпив глоток воды, – я попросил Сашу дать Алле рукопись. Пусть бы она ее доработала в кинематографическом стиле.

– Мне кажется, что у Саши выходит очень неплохо, и потом, рукопись завершена, Саша отдаст мне ее на днях. Скоро мой юбилей, надо ли смешивать выход книги к юбилею и фильм? – мягко возразила Паола. – Кстати, вы надолго? – повернулась она к Алле.

– Планирую еще месяц.

– Завтра мы идем на парусной лодке в Портофино, там будет аперитив на закате, почему бы вам не присоединиться и не прочувствовать настоящий дух Лигурии? – предложила Паола.

Если бы они играли сейчас в ассоциации и угадывали, с каким животным ассоциируется каждый из них, то правильным ответом для описания Саши был бы «морской еж». Именно так она себя чувствовала. Очень колючий морской еж. И ей хотелось укатиться отсюда как можно скорей.

– Какая великолепная идея! – подняла бокал Алла.

– Саша, тебе быть обязательно, – сказала Паола, – морская стихия – это то, что дает мне море энергии, и тебе, моему биографу, стоит это прочувствовать.

* * *

– Нет, ну представляешь. Алла! Опять! Здесь! – Саша говорила быстро, время от времени задыхаясь, судорожно глотая воздух. – Оказывается, она была в Каннах, сказала Оле, ну это наша общая одноклассница, что хочет заехать в Лигурию, Оля посоветовала ей отель свекрови, ну и заодно рассказала, что я тоже здесь.

– Оля знает ту вашу историю с фильмом?

– Еще не хватало… Самое ужасное, – не унималась Саша, – что Алла хочет делать фильм про Паолу. И есть риск, что моя рукопись, всё то, что я написала за эти месяцы, надо будет переделывать. Вся моя работа – это какое-то проклятье…

Саша остановилась и топнула ногой. Ярость просилась наружу, Саша хотела что-то разорвать, раскромсать, разрезать.

– Сашуль, ты чего молчишь?

– Думаю, что бы мне такое сделать, чтобы не наброситься на Аллу и не разорвать ее в клочья.

– О-ла-ла, что делает с тобой Италия, прямо страсти-мордасти.

– Алла может рассказать им про мою работу копирайтером, про то, что я никакой не писатель… – Саша чувствовала, что к ней возвращается головная боль, которая давно не навещала.

– Сашуль, я прочитала рукопись, мне всё очень понравилось, – попыталась успокоить ее Люба.

– Спасибо, дорогая, но ты вряд ли можешь быть объективной, всё же ты моя подруга.

* * *

Перед сном Саша полулежала в кровати с компьютером и перечитывала рукопись. Еще пару дней назад повествование казалось ей законченным и цельным, но сегодня текст виделся ей недостаточно интересным, недостаточно живым и увлекательным. Предложения казались сухими и какими-то «медицинскими», что ли. «Тебе книгу не про наслаждение писать, а про боль и неудачи. Впрочем, какая жизнь, такие и тексты», – звучало в голове у Саши.

«Да уж, – стучала спицами Раиса Марковна, – копирайтер – это тебе не писатель, то, что рукопись понравилась Любе, совершенно ничего не значит».

Саша отложила компьютер и попыталась заснуть, старалась дышать глубоко, как учила ее Паола, но Раиса Марковна не

унималась, всё бубнила и бубнила, постукивая спицами.

Овощная запеканка по-лигурийски (polpettone alla ligure di patate e fagiolini)

Ингредиенты:
700 г стручковой фасоли
3–4 картофелины
1 луковица
3 яйца
80 г тертого пармезана
1 чайная ложка измельченного майорана
Оливковое масло первого отжима
1 кусок сливочного масла
Панировочные сухари
Мускатный орех
Поваренная соль

Процесс:

1. Вымойте картофель и отварите в кожуре. Нарежьте на кусочки.

2. Очистите зеленую фасоль и отварите в подсоленной воде, 10–15 минут, процедите, измельчите и смешайте с картошкой.

Очистите и нарежьте лук, осторожно обжарьте его в 3 столовых ложках воды и 3 столовых ложках масла на сковороде в течение 3–4 минут, затем добавьте в смесь картофеля и зеленой фасоли вместе с майораном и перемешайте.

3. В миске смешайте яйца с пармезаном, приправьте солью и мускатным орехом, затем добавьте их к овощам, хорошо перемешивая, пока смесь не станет однородной.

4. Разогрейте духовку на 180 ˚C. Форму для запекания смажьте маслом и посыпьте панировочными сухарями, аккуратно распределите смесь ровным слоем примерно в 2 сантиметра. Разгладьте поверхность зубцами вилки, посыпьте панировочными сухарями, выложите несколько кусочков сливочного масла и запекайте 25–30 минут, пока поверхность не станет слегка золотистой. Достаньте, остудите и подавайте нарезанной на кусочки.

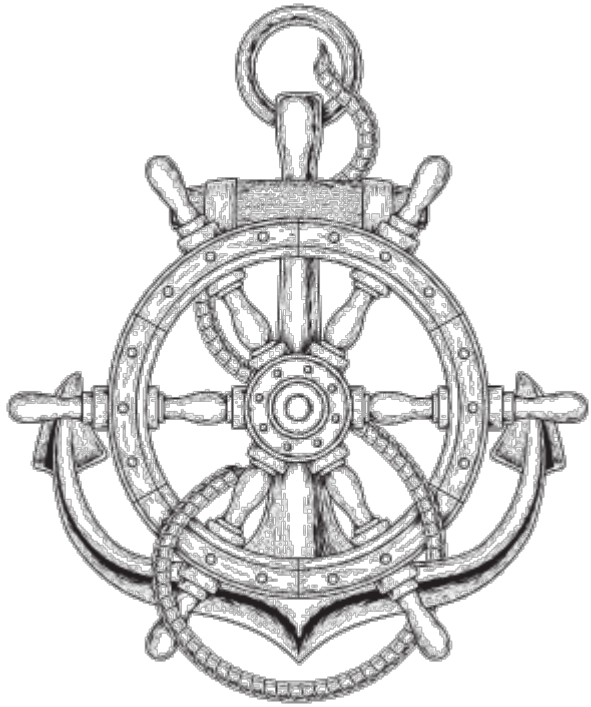
Глава 19

Саша проснулась, но тотчас же села на кровать, ноги подкашивались. От одной мысли о том, что сегодня ей придется находиться рядом с Аллой, она начинала задыхаться. Все эти месяцы не прошли даром, Саша и правда чувствовала тело намного лучше, вот только что с этим делать, еще не совсем поняла. Всё, что ей хотелось сделать в данный момент, – накрыться одеялом и больше не выходить. Пусть бы они сами туда съездили!

Саша приняла душ, налила кофе в свою новую красивую чашку и вышла на террасу. Ни одного облачка на ровном идеальном небе, ни одного ветряного порыва, сегодня их ждет полнейший штиль. Как, интересно, они пойдут под парусами? Саша ничего не понимала в этом морском спорте. Выпив кофе, Саша начала собираться. Она надела джинсы, белую майку, накинула ветровку, надела кепку. Посмотрела на себя в зеркало. Не то чтобы она была довольна своим видом, но, с другой стороны, она понятия не имела, что носят на парусных лодках.

Паола потягивала кофе на террасе.

– Ты готова, милая? Стефано отвезет тебя в порт, мне что-то нездоровится сегодня, так что повеселитесь и за меня тоже.



В порту возле парусной лодки по имени «Violante» уже стояла Алла. На ней были белые брюки и полосатая синяя майка, красный рюкзак, белые кроссовки и синяя кепка. Но не такая, как у Саши, а красивая, с рисунком маленького якоря. Красная помада, идеальный красный маникюр, тонкие кольца, красный браслет.

Алла окинула Сашу надменным взглядом, его было не скрыть даже солнцезащитными очками.

– Приветик, – промурлыкала Алла, – ты, вижу, в полной готовности, – улыбнулась она ехидно.

– Добрый день, дамы, – улыбнулся Эдуардо в белых брюках, полосатой майке и белой кепке.

Эдуардо пожал руку сначала Алле, потом Саше.

«Ей-то руку первой подал», – захихикала Раиса Марковна.

– Прошу на борт, ваш капитан ждет.

Симпатичный мужчина средних лет стоял у штурвала.

Алла встала возле капитала, начала делать фотографии и кривляться.

Саша примостилась с краю и наблюдала, как генуэзский порт постепенно уменьшается, как они оставляют стеклянный шар, ряды лодок и яхт, колесо обозрения, верфи, дома, виллы.

Чем дальше они отплывали, тем понятней становилось, как сильно Генуя стремится вверх. Карабкается по вертикали.

Вся эта уменьшающаяся декорация напоминала Саше город из спичечных коробков. Она строила такие с бабушкой. Вместе они создавали многоярусные города, наклеивая коробки один на другой. Генуя походила сейчас на те спичечные городки из детства.

Кроме капитана, на лодке был еще один парень, молодой, со светлыми кудрями и голубыми глазами. Андрей оказался молдаванином.

– А почему у вашей лодки такое необычное имя? Violante? – спросила Саша.

– Так называлась первая лодка знаменитого капитана Альбертиса, его очень любят генуэзцы, вы уже были в его доме? Называется Castello d'Albertis.

Паола упоминала название этого замка не раз, но Саша до сих пор туда не сходила.

Алла стояла рядом с Эдуардо и хохотала.

«Хорошо смотрятся вместе, смотри-ка, даже одеты синхронно, белое-белое, синее-синее», – задорно мотала ногами Раиса Марковна, постукивая спицами.

Эдуардо оглянулся и махнул Саше рукой:

– Иди к нам!

Саша встала, начала идти, и тут лодку слегка наклонило, начался ветер. Волны поднимались белыми барашками, хотя в итальянском они назывались «лошадками», а не «барашками». Даже не лошадками, а взрослыми лошадьми. Cavalloni.

Капитан радостно ухнул и приказал Андрею поставить паруса. Ветер усилился, лодка шла быстрей, Саша покачивалась, медленно передвигаясь и держась за леер.

Она встала рядом с Аллой.

– Что ты бледная какая-то, – заметила она насмешливо, – уж не страдаешь ли ты морской болезнью?

Саша не успела ответить, потому что ее начало мутить, подкатила тошнота, Саша вовремя наклонилась за борт и стояла так минут десять.

Андрей, помощник капитана, подбежал к Саше, помог ей сесть на пол, подал салфетку. Саша вытерла рот и села на палубу, голова кружилась, она чувствовала себя ужасно.

Эдуардо присел перед ней на корточки:

– Саша, ты на паруснике впервые?

Саша кивнула.

– Не переживай, в мой самый первый раз я всё путешествие провел, прикармливая рыб, как ты сейчас, – он погладил ее по голове, – давай я проведу тебя в каюту, – и он протянул ей руку.

Алла продолжала улыбаться без остановки, показывая всем

своим видом, как она наслаждается морским путешествием.

В каюте Саше снова стало плохо, она выпила предложенную Эдуардо таблетку и уснула.

После отдыха Саша почувствовала себя лучше. Она вышла на палубу и увидела, как лодка приближается к зеленой горе и разноцветным домикам у ее подножия.

– Саша, тебе лучше? – заботливо поинтересовался Эдуардо.

Она кивнула и слабо, только губами, произнесла «спасибо».

– Ты проспала всё путешествие, мы приближаемся к Портофино, – заявила Алла.

Она сменила брюки на красное платье и белый с синими полосками пиджак. Алла уставилась на Сашину майку, Саша посмотрела в то же место и только сейчас увидела, что майку уже вряд ли можно назвать свежей.

– Могу дать тебе свою майку, правда, размеры у нас разные, – Алла уставилась на Сашину грудь, – но всё же лучше, чем выходить на аперитив в самое модное место Лигурии в таком виде, – и Алла закатила глаза.

Саша вернулась в каюту, пыталась затереть, но сделала еще хуже. Теперь майка была не только грязной, но и мокрой.

– Саша, – протянул Андрей, помощник капитана, какой-то пакет, – вот возьми, – это не ахти какой наряд, просто чистая майка. Мужская.

– Спасибо большое, – Саша готова была расцеловать его.

Идти в грязной майке рядом с расфуфыренной Аллой совсем не хотелось.

Они пришвартовались и вышли на сушу. Первое время Саше казалось, что она плывет, земля под ногами вибрировала, уходила из-под ног.

– Это нормально, – объяснил Эдуардо, – вспомни походку матросов, они ходят обычно вразвалочку.

Саша огляделась по сторонам, вот он, знаменитый Портофино. Бухту стискивал в объятьях полукруг разноцветных фасадов. За столиками у воды потягивали аперитив нарядно одетые люди… В грязной мокрой майке Саше было бы дико некомфортно. Но даже в чистой она чувствовала себя неуместно. У нее не было ни маникюра, ни стильных очков, ни модной стрижки. Всё это было у Аллы, она шла бок о бок с Эдуардо и смеялась. Эдуардо улыбался ей в ответ.

Они уселись за столиком у самого края воды.

– О, у них есть базиликито. Это как мохито, но с базиликом, не хотите попробовать? Наше лигурийское изобретение, – обратился Эдуардо к Алле и только потом к Саше.

– С удовольствием, – согласилась Алла, – очень хотелось бы

научиться делать это базиликито.

– О, это проще простого, надо взять лайм, смешать с коричневым сахаром, перетереть с базиликом, добавить дробленый лед, водку, тоник, сверху украсить базиликом. И всё!

– Какая прелесть! – захлопала в ладоши Алла.

«Прямо ангел во плоти», – Саша хмыкнула и заказала спритц, хотя бы потому, что пить то же, что и Алла, ей не хотелось. Раиса Марковна громко отпила чаю и ехидно улыбнулась.

– Я посмотрел ваш фильм про Модильяни. Это шедевр, – произнес Эдуардо.

Саша пристально смотрела на Аллу. Конечно, шедевр, это же она, Саша, его придумала.

– Mille grazie (тысяча благодарностей), – пропела ангельским голосом Алла, – думаю, что про вашу маму тоже выйдет прекрасный фильм. Мы с Сашей поработаем вместе над сценарием, – и она нежно дотронулась до руки Эдуардо.

Эдуардо сделал глоток. Саша сжала челюсти и произнесла про себя все самые неприличные слова, которые приходили ей в голову.

– Алла, а ты не хочешь сказать правду? – спросила Саша на русском языке, внутренне съежившись.

– Только после тебя, дорогая, ты тоже скажи правду. Скажи, как ты описывала тошнилки и головную боль и что никогда не писала книг, они сразу же поймут, что ты просто не способна написать достойную книгу, тем более основу для фильма.

Эдуардо внимательно смотрел на них обеих.

– Дамы, я вас не понимаю.

– Мы просто перекинулись парочкой любезностей на нашем родном языке, – улыбнулась Алла, – есть слова, которые сложно перевести на английский.

Тем временем солнечный диск опускался в воду, оставляя после себя рыжее небо. В рыжий окрашивались лица, одежды, белоснежные яхты в порту, разноцветные домики бухты. И без того рыжий спритц становился еще ярче, словно в бокал нырнула частичка уходящего солнца.

Дальше небо розовело, яхты снова меняли цвет, а вместе с ними и лица, одежды, лабрадоры на яхтах превращались из белых в розовые.

На яхтах стоял гомон, среди лодок возились скиперы, в прибрежных кафе звякали приборы, кто заканчивал аперитив, кто – ужин. Морской воздух смешивался с запахом жареной рыбы.

Разноцветные счастливые люди, розовые собаки, яхты, голубое море, даже пинии, видневшиеся вдалеке, становились чуть розоватыми.

Можно было бесконечно радоваться этому яркому разноцветному миру, но у Саши не получалось. Сердце сжималось, а в голове стучали молоточки.

Глава 20

Утром Саша встала рано, ночью спалось плохо, она постоянно думала об Алле, вспоминая ее ужимки и кривляния на яхте.

«Лучший способ избавиться от плохих мыслей – ходьба». Сегодня этот совет Паолы казался как нельзя уместным. Саша посмотрела на карту: дорога до замка капитана займет час. Отлично.

Саша прошла сквозь квартал Альбаро, миновала любимый ресторан Эдуардо, торжественный особняк, который, по словам Паолы, пустовал, его выкупил какой-то влиятельный бизнесмен.

Сейчас, когда оставался месяц до отъезда, Саша ловила себя на мысли, что будет скучать. По этому вертикальному городу, разным ароматам кварталов, густым паркам и садам, нарядным дворцам и розовым виллам. По узким карруджи, старинным кондитерским, мраморным фасадам, по длиннющим спускам и старым лифтам.

Саша остановилась перед надписью «Balbi-Dogali». Про этот лифт Саша слышала не один раз от Паолы.

– Ты уже ездила на лифте, который ведет к замку Капитана?

Саша зашла в здание, купила билет и подошла к двери, казалось бы, обычного лифта. Зайдя внутрь, кабинка покатилась по рельсам и оказалась в туннеле. Напротив ехала такая же кабинка, и Саше удалось рассмотреть ее поближе. Маленькая и желтая, словно от старинного трамвая откусили зад, кабинка катилась по рельсам медленно и шатко. В конце туннеля их кабинка остановилась, что-то зажужжало, колесики на рельсах начали крутиться с невероятной скоростью, и вдруг кабинка рванула вверх. Резко и неожиданно. Саша подпрыгнула и вскрикнула.

Соседи по лифту дружелюбно улыбнулись:

– У всех такая реакция в первый раз.

Всё путешествие на лифте длилось минуты три, а точнее, как позже прочитала Саша в путеводителе, три минуты и двадцать секунд. Это был самый необычный и странный лифт из всех, на которых ей доводилось ездить. Не лифт, а веселый аттракцион.

Саша вышла наружу, пересекла улицу и оказалась перед аркой старинного здания. Спустилась по лестнице, и между ветвей пальм показался порт Генуи. Здесь он был виден как на ладони, близко и отчетливо. Верфи, яхты, колесо обозрения. Сверху торчали красные зубцы башенки замка.

Капитан Альбертис, как рассказал гид, был исследователем, писателем, фотографом и путешественником. Он совершил

несколько кругосветных путешествий, в том числе по маршруту Колумба, основал первый в Италии клуб яхтинга. Из каждого своего вояжа привозил диковинные вещи, картины, растения, которыми усаживал сад. Говорят, однажды привез даже тигренка. Вещи капитан складировал в замке, и постепенно собрал богатую коллекцию со всего мира, которую вместе с замком завещал своему городу. Муниципалитет превратил замок в Музей культур мира.

Не было такой мечты, которую капитан не превратил бы в реальность. Он скакал на лошади по Большому Каньону, охотился за жемчугом на глубине океана, спускался под землю в поисках золота. А по ходу фотографировал все свои приключения. Саша ходила по комнатам и рассматривала коллекции. Писатель и путешественник, что может быть лучше. Капитанские истории будоражили в Саше сильное желание исследовать и передвигаться.

«Пусть бы это путешествие стало началом новых поездок».

Целый час она не вспоминала про Аллу и Эдуардо. Однако выйдя из замка, мысли вернулись. Саша погрузилась в них, не замечая красоты фасадов, мелькавших вдоль спускавшейся вниз улицы Монтегалетто.

Вернувшись в квартиру, Саша услышала голоса. Она хотела проскользнуть в свою комнату, чтобы не мешать, но услышала голос Паолы:

– Александра, зайди, пожалуйста.

Всё настроение сегодняшнего дня мгновенно испарилось, на диване сидела улыбающаяся Алла и серьезный Эдуардо. Перед ними лежала… Сашина рукопись.

Саша уселась на краешек стула и выпрямила спину.

На большом столе лежала серая льняная скатерть, а букет свежих цветов, который всегда стоял в середине, сегодня отсутствовал. Кошка Матильда устало лежала на спинке дивана, еле-еле пошевеливая хвостом.

Паола была одета в черное платье, и это было так странно – видеть на ней что-то неяркое. Лицо Паолы казалось Саше уставшим и грустным. Как и лицо Эдуардо. Всё в этой комнате, обычно светлой и праздничной, казалось Саше мрачным и депрессивным.

– Александра, спасибо, что дала прочесть рукопись Алле.

Что? Саша округлила глаза. Она пыталась что-то сказать, но не могла найти подходящие слова. Как рукопись попала к Алле?

– Алла, как большой профессионал и сценарист с огромным опытом, советует нам кое-что в твоей рукописи переделать, – произнес Эдуардо.

Алла улыбнулась и как бы невзначай дотронулась до руки Эдуардо. Саша так долго решалась, а Алла трогает его с такой непринужденностью, словно имеет на это полное право.

«В отличие от тебя», – заметила Раиса Марковна, подняв брови несколько раз.

Магда принесла чай и кофе, она выбрала самые обычные чашки, те, что стояли на кухне. Простые белые кружки и обычные белые тарелки. Никакого тонкого фарфора или веселой керамики из янтарно-желтого серванта. Она поставила поднос на журнальный столик, нечаянно задев горячим кофейником Аллу.

– Ай, – одернула Алла руку, нахмурившись, – больно!

Магда прошептала на русском:

– Извините.

И, уходя, тихо шепнула: «kurwa». Саша очень хорошо знала это слово, то было польское ругательство. Очень уместное в данном случае. Алла была совершеннейшая курва.

Паола обмахнулась веером.

– Аморе, я еще рукопись не читала, всё же мне самой хочется решить, стоит ли там что-то переделывать.

– Мама, конечно, просто мы заодно обсуждаем фильм. Идея фильма тебе же понравилась, так?

Паола усмехнулась.

– Конечно, кто не мечтает снять фильм про собственную жизнь, это приятно.

Алла улыбнулась.

– Вот поэтому надо, чтобы по книге было легко писать сценарий, а пока это не совсем так, – мурлыкнула Алла, – это и понятно, когда нет опыта.

– Дорогая, уже можно рассказать, так ведь? – сказала она на русском, повернувшись к Саше.

– Рассказать что? – уточнила Паола.

Алла посмотрела на Сашу и подняла брови.

– А ты не хочешь рассказать, как тебе пришла идея фильма о Модильяни? – вырвалось у Саши на английском.

Алла откинула волосы.

– Мне приснился сон.

Нет, это уж слишком. Саша сжала кулаки, ей хотелось накинуться на Аллу и хорошенько ее поколотить. Как она смеет так нагло врать, это же Сашин сон и Сашина любимая бабушка подсказала ей идею!

– Перестань врать! – вырвалось у Саши. – Ты даже не знала, что у Модильяни с Ахматовой была любовь… Да ты ни разу не была в музее Ахматовой в Санкт-Петербурге! – выпалила Саша быстро, покраснев.

Внутри всё клокотало, никогда она не чувствовала себя такой решительной и смелой.

Алла и бровью не повела.

– Простите Сашу, она злится, потому что не хочет, чтобы я рассказала правду, – Алла фальшиво улыбнулась. – Все-таки работу в рекламном агентстве нельзя назвать писательским ремеслом, – произнесла Алла.

Саша похолодела.

– Агентство, какое агентство? – уточнил Эдуардо.

– Разве Саша вам не рассказывала? Она работала копирайтером в медицинском агентстве, описывала болезни. Насколько я знаю, никаких книг Саша не публиковала, да и статей… Ну и описывать боль не очень-то помогает в создании… рецептов гедониста.

Внезапная головная боль сковала виски железным обручем, сердце заколотилось как бешеное. Алла прочитала не только рукопись, но и концепцию.

Паола сжала в руках салфетку, Эдуардо выпил залпом стакан воды.

– Это правда? – строго посмотрел он на Сашу.

«И тебе не стыдно?» – звучало привычное многоголосие.

«Сама виновата…» – вторило эхо…

– Я… дело в том, что… – попыталась оправдаться Саша, – это долгая история. Я писала когда-то… но потом…

Эдуардо трогал свои губы и смотрел в одну точку.

– Так что, – Алла продолжала прокручивать нож, всаженный в Сашино сердце, – я, как человек с опытом, с удовольствием помогу вам с книгой, там есть над чем поработать. А фильм получится прекрасный. Так и назовем его. «Рецепты гедониста».

Саша хотела исчезнуть. Раствориться. Испариться и стать воздухом.

Эдуардо посмотрел на Сашу, Паола тоже не сводила с нее глаз. Она разочаровала их, какой позор. Она с самого начала знала, что всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой: она – писатель, море вокруг, сам Эдуардо, дающий надежду. Конечно, это не могло так долго продолжаться. В голове раздавались голоса:

«Ты вообще не автор, не писатель. Кто ты вообще такая?»

– А как же Оля? Она сказала, что ты человек с опытом… – произнес Эдуардо после долгой паузы.

Алла хмыкнула:

– Саша помогала Ольге писать сочинения в школе, сыграла роль старая добрая дружба.

Всё это стало совершенно невыносимым, к горлу подступила

тошнота. Саша вскочила:

– Простите меня, я правда не хотела вас подвести, я… я… я отдам вам весь задаток… – И с этими словами она выбежала из гостиной.

Саша залетела в комнату, зашла в ванную, подставила лицо под струйку ледяной воды. Живот скручивало, ей казалось, что вот-вот она вывернется наизнанку. Саша взяла сумку и выбежала из квартиры. Встала у лифта, нажала пару раз на кнопку, руки тряслись, глаза застилала пелена из непрерывно капающих слез. Не дождавшись лифта, она кинулась вниз, слишком быстро и неосторожно, не рассчитав и не увидев, что ступеньки выше ее шагов. Саша споткнулась, попыталась схватиться за перила, но не успела и, с криком пролетев последние ступеньки, упала. Дышать стало невозможно, левое плечо пронзила резкая боль, голова не двигалась. Саша жалобно застонала.

Глава 21

В квартиру Паолы Саша вернулась утром. Из больницы ее забрал Стефано. Они зашли в дом, и водитель грустно пошутил:

– Синьорина, mi raccomando (рекомендую), пользуйтесь лифтом, не спускайтесь больше пешком.

Саша грустно кивнула головой, то же самое он сказал в ее первый здесь день. Магда с поджатыми губами ждала ее на пороге.

– Эх, пани Александра, ну и заставили же вы нас поволноваться. Хорошо, что вывих, а не перелом.

По привычке Саша направилась в свою комнату, но Магда взяла ее за локоть здоровой руки и показала на дверь рядом со спальней Паолы.

– Нет, не там, ты переехала в комнату ближе к спальне Паолы, ваши комнаты соединяются.

– Так ты будешь ближе ко мне, – подхватила Паола, она вышла из гостиной.

Увидев Паолу, Саша залепетала:

– Синьора Паола, мне очень жаль…

Паола покачала головой:

– Сейчас ни о чем не думай, тебе надо восстановиться.

Новая спальня Саши оказалась еще просторней, над кроватью свисал толстый махровый шнурок.

– Это чтобы ты могла звать Магду или меня, если тебе нужна помощь, – пояснила Паола, – хорошо, что пострадала левая рука, и хорошо, что не гипс, а повязка, так тебе будет проще.

Саша присела на край кровати.

– Доктор сказал, что мне ходить в этой штуковине двадцать дней, но через две недели я собиралась вернуться домой, у меня уже и билеты куплены.

Паола взяла стул и села рядом с Сашей.

– Дорогая, билеты можно поменять.

Саша растерянно смотрела в пол:

– Насчет вчера, я… дело в том, что…

Паола резко прервала Сашу:

– Говорить об этом мы сейчас не будем.

Мама, узнав о произошедшем, сказала, что надо «смотреть под ноги». На эти замечания Саша реагировала всё меньше. Маму не исправить, можно исправить только свое отношение к ней.

Саша чувствовала себя совершенно разобранной и подавленной. Спала плохо, ее любимое положение «на животе» было теперь сложно осуществить. Просыпаясь среди ночи, Саша

непрерывно думала об Алле, об Эдуардо, которого не видела с того дня. Она слышала, что он занимался подготовкой маминого юбилея.

Раиса Марковна зачастила. Она больше не заходила, а фактически жила у Саши.

Усевшись на скамеечке, она набирала спицами петли для нового шарфа и рассуждала: «Эдуардо до такой степени поражен тем, что выбрал для биографии мамы «не писателя», что, наверное, отойти не может. Ну и Алла всё еще здесь, вся такая томная, изящная, успешная, он, наверно, ходит с ней на свидания и слушает ее киноистории».

Саша закатила глаза.

«И вот не надо глаза закатывать, ладно? Сама виновата», – прошипела Раиса.

В новой комнате Саши плавал знакомый запах. Саша не могла понять, что это, пока однажды Магда не достала из комода свежее белье. На нижней полке стоял… флакончик «Красной Москвы». Бабушка крахмалила и складывала все скатерти в скрипучий комод, где они лежали рядом с таким же флакончиком… «Красная Москва». Когда бабушки не стало, Саша забрала все скатерти и положила в свой шкаф, но так ни разу и не постелила на стол.

– Откуда это здесь? – удивилась Саша.

– О, это пани, э… синьора Паола привезла давным-давно из Санкт-Петербурга. Хотя, если честно, я терпеть не могу это запах, – Магда чихнула, – я предпочитаю класть в белье мешочки с лавандой или ароматное мыло.

Саша взяла флакончик и закрыла глаза. Любимый с детства аромат. «Красная Москва».

В тот день после утренней прогулки с Магдой, так решили, пока рука не окрепла, Саша вернулась в комнату и застала там Паолу.

Она сидела у письменного стола и листала рукопись.

– Синьора Паола… добрый день…

– Ты ложись или хотя бы присядь, давай я тебе помогу.

– Да ну что вы, – Саша нелепо засуетилась, пытаясь поднять подушку одной рукой.

Паола помогла Саше устроиться поудобней, а сама уселась на стул рядом. Яркий свет падал на ее большой перстень из кристалла и рассеивался радугой цветных бликов.

– Я хочу услышать твою историю… – произнесла она.

Сашины брови взлетели вверх, она поджала губы.

– Какую?

– Всю. Как ты начала писать, как перестала это делать, откуда

ты знаешь Аллу, я – одно большое ухо.

Паола позвонила в звоночек и попросила Магду принести им кофе.

Саша рассказывала про бабушку, дневники, литературный кружок, премии, Раису Марковну и… Аллу…

– Так она нагло сперла твою идею! – выпалила Паола, используя сильный глагол «fottere», не типичный для этого социального класса. – Почему ты молчала?

– Я… не знаю… Алла пригрозила мне тем, что расскажет… что я…

– Что ты не настоящий писатель, – подхватила Паола.

Саша кивнула.

Паола выпила залпом кофе и вздохнула, она встала и открыла окно. В комнату ворвался бодрый лигурийский ноябрь. Паола закрыла глаза и вдохнула полной грудью.

– С каких пор ты позволяешь такому ядовитому человеку, как Алла, оценивать твое творчество?

Саша пожала плечами.

– Ну она…

– Что она? Она, милая моя, беспринципная воровка. А ты… ты неуверенная и не умеющая за себя постоять маленькая девочка. Хотя на самом деле вовсе не маленькая, а очень даже взрослая, – добавила Паола и нежно улыбнулась.

Саша сидела всё это время не двигаясь. Ей стало холодно, она надела байковый капюшон.

– Я боялась вас подвести, мне стыдно, что я соврала.

– Ты соврала, что любишь писать?

– Нет… – промычала Саша, – я очень люблю писать.

– Или, может быть, ты соврала о том, что очень много писала раньше?

– Да, я писала, но…

Паола опять посмотрела в окно.

– Такое красивое небо сегодня… – Она повернулась к Саше. – Помнишь, ты спрашивала меня, как мне удается быть всегда такой счастливой. Кроме того, что я люблю жизнь, я люблю себя в ней и принимаю себя полностью. Я снисходительна и добра к себе. Мое мнение о себе самой никогда на зависело от мнения окружающих. Понимаешь, о чем я?

Саша кивнула и тяжело вздохнула… Раиса Марковна нервно застучала спицами.

– Всегда найдется человек, который захочет уколоть тебя, всегда может произойти что-то неприятное. Не всё в жизни удается. Но твоя любовь к себе – это то, что не может меняться. Ни при каких обстоятельствах. Она должна быть незыблема и

охраняема. Как святыня. Как божество. Любовь к себе. Твой внутренний источник света. Он не может тускнеть только потому, что кто-то думает о тебе иначе.

Саша поджала губы.

– Даже если ты не окончила какого-то специального института, не написала книг, – пока не написала! – то, что ты садишься за стол каждый день, начиная с детства, делает из тебя писателя. Ты пишешь сердцем…

Паола ходила взад-вперед.

– Я прочитала, и мне захотелось познакомиться с собой. Какая интересная личность, подумала я… – Паола рассмеялась. – И заслуга в этом твоя, моя дорогая. Ты не просто рассказала о моей жизни. Ты вплела в книгу рецепты. Рецепты гедониста. После этой книги хочется еще больше есть, писать, любить… И всё это сделала ты, та самая робкая девочка, которая считает, что она не писатель.

Паола села напротив Саши, накрыла своими ладонями ее руки и сказала еле слышно:

– Но ты всё еще маленькая девочка, и ты всё еще ждешь, чтобы тебя похвалили. Чтобы кто-то другой дал тебе разрешение называться писателем. Выдал сертификат «вот, ты имеешь право творить». А раз не выдали, ты делаешь ту самую «серьезную работу», пока не начнешь жалеть о несделанном. – Паола вздохнула. – Обычно это происходит в моем возрасте.

Кухня. Стол, застеленный зеленой клеенкой в ромашки. Какао. Бабушкины рассказы про то, как она любит языки и как жалеет, что забросила немецкий и так и не выучила любимый французский.

По Сашиной щеке потекла слеза, упала на губы, оставив соленый след.

– Ну, ну, – Паола протянула ей чистый, с вышитыми инициалами, платок, – хоть фокаччу твоими слезами солить.

Саша взяла платок и промокнула слезы. Паола схватила чистый лист бумаги, быстро написала что-то и протянула Саше.

– Вот, я даю тебе разрешение, считай, что это официальный диплом того университета, что ты не окончила. С сегодняшнего дня ты имеешь полное право называть себя писателем.

Саше показалось, что в этот момент кто-то укрыл ее мягким одеялом и прошептал: «Ты моя талантливая кошечка…»

И вдруг Саше показалось, что Паола улыбнулась бабушкиной улыбкой, и ее глаза стали такими, как у бабули, – серыми в крапинку…

Почему она не верит в себя так же, как верила в нее бабушка? Слезы Саши продолжали капать на бумагу, и написанное Паолой

расплывалось кляксой. Саша всхлипывала, закрыв руками лицо, слезы смывали остатки кляксы, пока текст полностью не исчез.

Никто не может выдать ей разрешение. Это может сделать только она сама.

– Я отправляю книгу в печать, она прекрасна. И точка. – Паола взмахнула рукой, как дирижер, и поставила невидимую точку в воздухе.

Саша продолжала недоверчиво смотреть на Паолу.

– И да, забыла про подарок. Эту книгу мы хотели публиковать под моим именем, но я подумала, что для тебя, для твоей начинающейся карьеры писателя, а я уверена, что это лишь начало, надо обязательно напечатать твое имя. Ведь книгу написала ты.

Саша кинулась обнимать Паолу, неуклюже, одной рукой. Та обняла ее в ответ.

– Да, и есть еще кое-что. Стоит включить в книгу последний рецепт гедониста. Мы, гедонисты, умеем наслаждаться результатом. Ты написала замечательную книгу и заслуживаешь премии. Сделай себе подарок. Побалуй своего творческого ребенка, обещаешь?

Раиса Марковна закатила глаза. Саша улыбнулась и кивнула.

Последний рецепт гедониста:

завести тетрадочку достижений и записывать все, даже самые мелкие, достижения в конце дня.

Глава 22

Побыв двадцать с лишним дней в неудобной повязке, Саша вновь обрела свободу и свою левую руку, повязку сняли. Вот уж точно: чтобы почувствовать себя счастливым, достаточно обрести то, что потерял.

Паола запретила ей ходить куда-либо одной.

– Только со Стефано! Он побудет твоим личным водителем.

Саша решила наконец-то купить обещанный самой себе подарок.

В лавке с мраморным фасадом и нарядной хрустальной лампой стоял дивный аромат.

Милая блондинка, услышав, что Саша хочет купить свои первые нишевые духи, спросила:

– Как вы себя чувствуете сегодня?

Саша, не задумываясь, выпалила:

– Сегодня я чувствую себя победителем, мне хочется искриться, хочется быть еще смелей и ярче.

Раиса Марковна не нашла что сказать. Она лишь хмыкнула.

Блондинка сбрызнула бумажную полоску и протянула ее Саше:

– Основной аромат здесь османтус…

Саша вдохнула запах и вспомнила прогулку по Нерви. Пахло персиком, а еще…

– Еще здесь нотки грейпфрута, апельсина, нероли, – блондинка раскрывала все секреты аромата. – И здесь гвоздика, обожаю ее, – продавец загадочно улыбнулась, – очень полезный запах, когда надо постоять за себя. Когда мне хочется перестать быть хорошей девочкой и включить, как бы это помягче… – Она задумалась, подбирая слова, и выпалила: – Stronza (суку)… я обливаю себя этим ароматом с ног до головы.

Саша засмеялась.

– Беру!

Она вышла из бутика, достала духи из коробки и нанесла их на шею, запястья и волосы.

Сашу накрыл сладкий, но не приторный, цветочный с цитрусовым нектаром запах. Она проходила по улицам и улыбалась. Почему она никогда не покупала духов раньше? Это же абсолютное удовольствие: быть завернутой в тончайшее ароматное облако, которое перелетает за тобой, как нежная защита, поднимает настроение и напоминает о том, как же прекрасна жизнь.

Стефано отвез Сашу в Нерви. Они договорились выпить кофе

с Олей.

Придя в условленное кафе в центре квартала, Саша увидела за столиком и Аллу. Она сидела в идеальном белом пиджаке.

– О, какие люди, – улыбнулась фальшиво Алла, – ты еще не уехала?

– Вижу, и ты не уехала, – ответила мгновенно Саша.

– Девочки, ну наконец-то мы встретились! – воскликнула Оля.

Саша, впервые за долгое время, посмотрела Алле в глаза. Паола права, Алла просто наглая и беспринципная воровка. Всё это время Саша запихивала свою обиду вглубь. Она вспомнила бабушкины рассказы о том, как она реагировала на обиду.

– Я ее проглатывала, – рассказывала бабушка, – меня обижали, а я уходила, чтобы не ссориться.

Саша смотрела на белоснежный Аллин пиджак. Без единого пятнышка, как Аллина репутация.

– Мы тут, пока ты болела, славно провели время с Эдуардо, он тебе не рассказывал? Вовсю обсуждали новый фильм «Рецепты гедониста», мне кажется, я способна создать шедевр, с другой стороны, кому, как не гедонистам, за это браться, – и Алла застыла в самодовольной улыбке, чувственно приоткрыв рот. Словно показывая всем своим видом, какое несказанное удовольствие получает она от жизни прямо сейчас.

Сильное желание, над которым Саша долго не размышляла, пришло неожиданно, то ли гвоздика так подействовала, то ли наконец-то вылилась наружу вся обида и злость, и пока Раиса Марковна мотала головой, отговаривая Сашу делать глупости, шаловливого ребенка уже было не остановить.

Саша подскочила, схватила чашку Аллы, наполненную кофе, подняла ее высоко и медленно вылила всё ее содержимое на белый, без единого пятнышка, пиджак Аллы.

Та подорвалась и завопила:

– Ты ненормальная?! Что ты себе позволяешь?

Алла схватила салфетку и начала затирать пятна, сделав еще хуже.

Саша молча стояла и улыбалась. Она позволила себе быть стервой. Какое же невероятное удовольствие.

– Пойдем, я расскажу тебе одну интересную историю, – обратилась Саша к Оле.

Оля, недоумевая, вышла из-за столика, что-то пробормотала Алле и засеменила за Сашей.

Они пересекли крохотную площадь, вышли на аллею с дикими апельсинами и нырнули в парк Нерви. Саша всё говорила и говорила, а Оля молча слушала и только кивала головой.

– Саша, а я понятия не имела про эту вашу историю. Насчет

рукописи хотела тебе сказать. Я уединилась тогда в отеле свекрови, там у нас сад. Читала себе спокойно – и тут Алла. Что, спрашивает, читаешь. Ну я и говорю. А она: «О, так у меня ведь опыт, я же сценарист, давай я тоже прочту, у меня глаз, мол, наметан». Ну, говорю, ладно, читай, я пока за дочкой в школу схожу. А когда пришла, ее и след простыл. На звонки не отвечает. Потом сказала мне, что поделилась с тобой, как улучшить рукопись, а оказывается, вот как всё сложилось.

– А я не звонила тебе, боялась, что подвела…

– Ой, ты написала невероятную книгу, уверена, что Паоле понравится.

– Уже. Мы говорили, она в восторге, – Саша довольно улыбнулась.

– Это же здорово, я так рада! – воскликнула Оля.

– И еще… – Саша сжала губы, – я и правда чувствую в себе силы продолжать писать. Что-то во мне перестроилось, и я думаю, по крайней мере сейчас, что смогу заниматься творчеством и дальше. Я верю в свои силы – иногда так сильно верю, что становится страшно. – Саша съежилась по привычке, но тотчас выпрямила спину.

Раиса Марковна встала, собрала вязанье и вышла, громко хлопнув дверью.

* * *

Юбилей Паолы удался на славу. Поздняя осень радовала ярким солнечным днем, до того теплым, что было решено сервировать буфет в секретном саду палаццо Ломеллино.

Посередине стола возвышалось огромное блюдо с «Каппон Магро». Местные называли его королем лигурийской кухни. Ассорти из десятка овощей чередовалось с таким же количеством морепродуктов. Брокколи рядом с мидиями, креветки по соседству с морковкой, кальмары рядом с салатом, картошка, каракатицы, – всё вместе походило на трехъярусный торт. Союз моря и земли.

В глубине сада играл небольшой оркестр, официанты разносили просекко и вино, Паола восседала на кресле-троне, у ее ног стояли высокие стопки с книгами, подходили люди, поздравляли с днем рождения. Постепенно рядом с книгами выросла куча цветов и подарков.

На кофе пригласили в расписанный фресками салон. Кофе наливали в изящные фарфоровые чашечки и предлагали маленькие воздушные пирожные: трубочки, квадратики с

малиной, крохотные тирамису и такие же миниатюрные шоколадные бисквиты.

– Мама очень довольна. – Эдуардо подал Саше чашку с кофе и протянул ей небольшое пирожное. На нем был черный смокинг. – Довольна книгой и праздником, – добавил он, слегка улыбнувшись.

Саша растянула краешки губ. Она не видела Эдуардо с того злосчастного дня и понятия не имела, что он думал всё это время, как отнесся к словам Аллы, и боялась задать этот вопрос.

Эдуардо подошел ближе, он собирался что-то сказать, и тут на его лице, еще секунду назад серьезном, появилась внезапная улыбка. Он сделал глубокий вдох.

– Что это? Какой знакомый аромат. Пахнет так… – он старался подобрать слова, – так, что, – он посмотрел на Сашу пристально, – что хочется тебя обнять…

Сашино сердце забилось так сильно, что она скрестила руки на груди, чтобы сердце не выскочило наружу.

– Это… османтус… – прошептала она.

А на самом деле хотела выкрикнуть: «Ну так обнимай меня, чего же ты стоишь!»

– Саша, – произнес Эдуардо тихо, – я… мне жаль, что всё так вышло. Я хочу, чтобы ты знала: мы больше не говорили с Аллой про фильм, мама категорически отказалась с ней сотрудничать. Иногда мне кажется, что она относится к тебе как к дочке, так оберегает, – он усмехнулся, – порой я даже ревную. Шучу, конечно, – добавил он быстро, – я… я тоже Аллу больше не видел. – Он смотрел в пол и был похож на провинившегося подростка. – Моя секретарша купила тебе обратные билеты, и… – Эдуардо задумался, пожал плечами, – я правда буду скучать.

Саша дотронулась до его руки и внутренне зажмурились.

– Приезжай в Питер, – сказала она быстро, не успев подумать, что говорит.

Эдуардо оживился.

– Да, да, мы думали приехать зимой, там же столько снега, это так романтично, к тому же мы в контакте с одним издательством, они хотят сделать большой тираж.

– Как здорово! – воскликнула Саша. – Насчет романтично не знаю, но что холодно, так это точно, – засмеялась она.

Эдуардо дотронулся до Сашиной руки, нежно поднял ее, так же нежно поднес к своим губам и поцеловал.

– Обязательно увидимся этой зимой…

Саша выдохнула медленно, пытаясь утихомирить своим дыханием выпрыгивающее наружу сердце.

* * *

– Что ты напишешь теперь, когда закончила книгу? – спросила Паола в конце вечера.

Саша широко раскрыла глаза и подозрительно посмотрела на Паолу. Как она это делает? Как эта женщина постоянно угадывает Сашины мысли?

– Ты же думала об этом, правда?

– Да, именно об этом я думала прямо сейчас. Но…

Паола отломала и дала ей кусочек апельсина:

– По-моему, эти «но» из твоей жизни должны исчезнуть. Они только мешают твоему творческому ребенку. Мы баловали его всё это время, теперь, сытый и довольный, он должен делать то, что делают все дети.

– Играть?

– Именно. Подумай, о чем бы ты хотела написать, озвучь прямо сейчас свою самую смелую мечту!

Саша съела апельсин и зажмурилась, цитрусовые брызги попали в глаза.

– Я хотела бы, чтобы однажды по моей идее сняли фильм…

Саша сказала и испугалась, до того смелой показалась эта мечта.

– Прекрасно! И не надо бояться, ты же сейчас вся скукожилась от страха. Запиши это в своем дневнике. Ты же знаешь, что иногда не талант, а смелость дарит славу. Вспомни Аллу, – и она подмигнула.

Саша нахмурилась.

– Не обижайся, – Паола слегка похлопала Сашу по руке, – тебе необязательно быть такой же мерзкой, к тому же в ней нет ничего талантливого, но она делает головокружительные проекты. Думаю, что пора бы восстановить справедливость, что скажешь?

– Да, пора, – подтвердила Саша, вспоминая, каким стал белоснежный пиджак Аллы и сколько пятен появилось на его безупречной поверхности.

Но Саша не стала рассказывать Паоле про этот случай. Наверняка та имела в виду совершенно другой способ восстановления справедливости.

Паола направилась к выходу.

– Ах да…

Саша оглянулась.

– Помни, что итальянские сыновья очень зависят от мнения мам, а мне ядовитые невестки не нужны, – и она подмигнула.

Рецепт «Каппон Магро» (Cappon Magro)

«Каппон Магро», будучи королем лигурийских рецептов, отличается богатством ингредиентов. В основном его готовят на Рождество. Здесь приведен максимально простой рецепт, хотя всё равно он требует большого количества сил, времени и терпения. Если вы решили сделать это блюдо, начинайте думать о своем Cappon Magro за несколько дней до приготовления. На покупки, чистку и приготовление рыбы и овощей по отдельности, приготовление зеленого соуса, составление блюда и затем украшение его может уйти целый день.

Ингредиенты:

Для зеленого соуса:

50 г панировочных сухарей

70 г мелких листьев петрушки (примерно 2 очищенных пучка)

1 зубчик чеснока

1 лист салата, его сердце (около 40 г)

40 г обессоленных каперсов

80 г кедровых орехов

3 крутых желтка

4 соленых очищенных анчоуса

8 зеленых оливок без косточек

12 столовых ложек оливкового масла первого холодного отжима

3 столовые ложки уксуса (больше, чем нужно, чтобы намочить хлеб)

1 щепотка соли

Для салата:

3 морковки

1 брокколи

150 г стручковой фасоли

2 средние картофелины

4 артишока

1 красная свекла

1 кг рыбы, которую можно отварить, например, хека, трески, морского леща или окуня

1 средний осьминог

12 креветок

5 крекеров или 5 ломтиков сухого хлеба

Для украшения:

1 омар или гигантская креветка
5 скампи (они же нефропы, дублинские креветки, лангустины)
20 мидий или устриц
4 яйца, сваренных вкрутую
20 зеленых оливок

Процесс:
Зеленый соус

1. Сначала приготовьте зеленый соус. Поскольку он содержит уксус, вы можете сделать его заранее и хранить в холодильнике в течение нескольких дней.

2. Смочите панировочные сухари уксусом, дайте увлажниться и хорошо отожмите.

3. Вымойте и высушите листья петрушки и сердцевину салата (добавление небольшой сердцевины салата сделает соус более нежным; традиционный рецепт этого не предусматривает, поэтому, если хотите, можете пропустить этот момент).

4. Традиционный рецепт предусматривает использование ступки для приготовления соуса, но для удобства (и экономии времени) можно использовать погружной блендер.

5. Поэтому в чаше погружного блендера совместите отжатые панировочные сухари, 4 столовые ложки масла, столовую ложку уксуса, кедровые орехи, половину листьев петрушки и зубчики чеснока. Взбивайте, пока не получите крем. Затем добавьте оставшиеся листья петрушки, нарезанные листья салата, яичные желтки, каперсы, соленое филе анчоусов, зеленые оливки и еще 4 столовые ложки масла. Снова взбивайте, пока не получите крем (необязательно, чтобы крем стал слишком однородным). В этот момент добавьте столовую ложку уксуса, оставшиеся 4 столовые ложки масла и соль. Если вам нравится более щавелевый соус, просто добавьте еще уксуса по вкусу.

Овощи

1. Сначала намочите крекеры (или ломтики сухого хлеба) водой (в стакане разведите половину воды и половину уксуса), добавьте щепотку соли и дайте им повторно увлажниться, зажав между двумя тарелками (оригинальные морские крекеры, используемые в традиционном рецепте, нуждаются для размягчения как минимум в нескольких часах и щедрой дозе жидкости).

2. Очистите все овощи, кроме свеклы. Две морковки разрежьте на четвертинки вдоль, а одну оставьте целой (вы будете использовать ее для украшения).

3. Брокколи разберите на соцветия. Артишоки разберите на

четвертинки, затем нарежьте кусочками и замочите в смеси воды и лимона.

4. Свеклу, завернутую в бумагу для выпечки, запеките в духовке при температуре 200 °C в течение 40 минут.

5. Варите все овощи отдельно до состояния al dente и залейте их холодной водой, чтобы они перестали готовиться и сохранили яркий цвет.

6. Когда все овощи будут готовы, нарежьте их кубиками, ломтиками или палочками и дайте остыть, заправив их по отдельности маслом, уксусом и солью. Оставшуюся морковь нарежьте тонкими ломтиками и отложите для окончательного украшения.

Рыба

1. Рыбу отварите в подходящей посуде, очистите и нарежьте небольшими кусочками. Приправьте маслом, солью, лимоном и отложите.

2. Отварите креветки, а затем очистите их, нарежьте небольшими кусочками, заправьте маслом, солью и лимоном и отложите в сторону.

3. Обжарьте креветки на сковороде и отложите их целиком, они послужат украшением.

4. Отварите омара или гигантскую креветку и отложите их целиком, они также послужат украшением.

5. Варите мидии в сковороде с крышкой 5–10 минут. Когда они приоткроются, разделите их пополам, удалив ту часть скорлупы, в которой нет корпуса. Они также послужат украшением.

6. Если вместо этого вы используете устрицы, открывайте их в последнюю минуту, перед тем как поставить тарелку на стол.

Как собрать блюдо:

1. Возьмите круглую (диаметром около 20 см) и глубокую миску. Выстелите ее изнутри прозрачной бумагой, убедившись, что она значительно выступает над краями миски.

2. Выложите различные ингредиенты в миску слоями, распределив между ними тонкий слой зеленого соуса и чередуя рыбу и овощи. Каждый раз, когда вы добавляете слой, делайте его однородным и хорошо уплотняйте. Вы можете проявить изобретательность в выборе порядка ингредиентов. Можно начинать с ломтиков картофеля, положить красную свеклу посередине, потому что она очень яркая.

Завершите слои крекерами. Загните края прозрачной бумаги поверх слоя крекеров и дайте блюду постоять в холодильнике

пару часов.

Для украшения и презентации Cappon magro

1. Достаньте миску из холодильника. Раскройте края прозрачной бумаги. Положите сервировочную тарелку на миску и быстрым движением переверните вверх дном всю конструкцию. Слегка потянув за края прозрачной бумаги, опустите салат и снимите миску.

2. На сервировочном блюде у вас должно быть красивое цветное многослойное полушарие, готовое к украшению!

3. Некоторые рецепты требуют, чтобы весь салат был покрыт зеленым соусом, а затем украшен. Но блюдо выглядит красивее, если видны слои, поэтому можно оставить их четко видимыми, подав зеленый соус отдельно.

4. Для украшения нет никаких правил, вы можете дать простор своему воображению, используя мидии, нарезанные крутые яйца, зеленые оливки, дольки вареной моркови и ракообразных.

5. Держите Cappon Magro в холодильнике и за пару часов до того, как подавать на стол, выньте его, чтобы он достиг комнатной температуры.

Глава 23

Каждую зиму Саша не могла дождаться ее окончания, но та зима была другой. Новый год с Любой и шумной компанией друзей. Саша наконец-то достала из закромов все нарядные бабушкины скатерти и застелила самую торжественную. Белую с красной каемкой.

На свой день рождения Саша получила лучший подарок, какой только могла представить. Эдуардо и Паола всё же приехали. Каждый день их пребывания превращался в праздник. Блеск Мариинского театра, от которого у Паолы наворачивались слезы, бесконечные походы в Эрмитаж, долгие посиделки в ресторанах и уютных кафе, разговоры о кино, искусстве и книгах.

В ту зиму выпало много снега.

– Я чувствую себя, как в книгах Достоевского, вот-вот выйдет Раскольников, – смеялся Эдуардо, натягивая на уши смешную шапку-ушанку и притопывая неуклюжими сапогами.

Паола и Эдуардо нарядились, как на Северный полюс. На Паоле были лисья шуба в пол, расписные валенки, шапка-ушанка и варежки, как у полярников.

– Эх, ваша зима намного лучше нашей, здесь она самая настоящая, – синие губы Эдуардо дрожали, – может, зайдем погреемся?

Саша познакомила Паолу и Эдуардо с Любой и Петькой, но сто раз пожалела, когда подруга толкала ее под столом, делала неоднозначные гримасы и шептала на ухо:

– Вы даже внешне похожи.

Парадные, книжные, дворы, Питер неочевидный, нетуристический. Гид рассказывала на отменном английском питерские истории. Вечером Паола осталась в номере – «уже не девочка бегать по барам», а они с Эдуардо продолжили исследовать рюмочные и прочие места вроде генуэзского бара «Малкович».

Темное помещение. Зайти могут только свои. Мебель далеких времен. Радио, как в деревне, только без кружевной салфетки. Деревянные старомодные стулья вразнобой, синие, коричневые. Табуретки, стулья-троны с высокими спинками. Люди. Молодежь. Интеллигенция. Кто-то, в очках в роговой оправе, читает, кто-то пьет чай, но, в отличие от итальянского «Малковича», здесь на удивление тихо. Веселятся, но спокойно.

Вдоль набережной светло от выпавшего снега, фонари, холод, мелкими перебежками из помещения в помещение, и снова тепло и уютно. Домой на такси, рядом тепло его руки, «было весело», «и

мне». Обжигающее желание, волна в животе, дыхание, «хочу быть ближе», и на этот раз больше ничто не сдерживает.

– Я жду тебя весной, – потягивая чай, говорила Паола, – ты мне как дочка теперь, не хочу терять тебя из виду.

– О, кстати, – воскликнул Петька, – этой весной состоится премьера фильма, где я работаю сейчас художником! Там же, рядом с Лигурией, обязательно заезжай в Канны.

* * *

Весна пришла внезапно, в одночасье растаял снег, и птицы разносили всем счастливую новость.

Саша, в черной юбке-карандаше, удобной, не слишком узкой, с широким запахом, в белых кроссовках, белой майке и бежевом пиджаке в бордово-коричневую клетку, шла по центру Канн. Под мышкой клатч цвета спелой вишни с ажурным воланом сбоку, купила в одном из тех магазинов, в которые раньше боялась зайти. До того красивы были интерьеры и беспристрастны лица продавцов-консультантов.

Саша улыбалась красивым людям, яхтам, пальмам. И дело было не в роскоши, не в бесконечном параде дорогущих яхт и автомобилей. Дело было в энергии. Она шла и улыбалась тому, как чувствует мир. Она ощущала его каждой частичкой тела. На кончиках пальцев, на языке, на кончике носа. Она чувствовала, что Канны – огромное поле роз, благоухающих и бархатных на ощупь. Она чувствовала, что воздух искрится, взрывается тысячей ароматных и слегка щекочущих нос пузырьков.

Праздник. Вот чем был наполнен воздух. Разноцветные фейерверки, шипучие ароматные напитки вкуса апельсина, лепестки роз, выстилающие тротуары. Теплый розовый переливающийся цвет. Всё это было невидимое, на уровне ощущений. Ее мир навсегда стал цветным.

Нагулявшись по центру Канн, Саша направилась к нужному ей зданию, она собиралась идти по главной дороге, но внутренний компас, которому она наконец-то научилась доверять, направил ее к морю.

Саша не шла, а летела по набережной Круазетт, ведомая непонятными ощущениями, что надо идти именно туда, пока не уткнулась в железную заслонку. Обошла ее и попала в какое-то загороженное пространство. Вокруг бегали люди, официанты, красивые девушки-модели, стояли огромные экраны, столики с шампанским и икрой.

«Ничего себе у Пети вечеринка».

Саша огляделась, взяла бокал шампанского и присела на розовый мягкий диванчик.

Раздался звонок Пети:

– Дорогая, ты где?

– Как где? Я на твоей вечеринке, здорово здесь, только тебя не вижу, сижу на розовом диванчике, может, подойдешь?

– Какой диванчик, Саша, мне кажется, ты не туда забрела. У нас нет никаких розовых диванчиков.

– Хм, сейчас узнаю, подожди.

– Простите, – спросила она на французском, – как называется это место?

Официант назвал номер павильона.

– Саша, в том павильоне проходит очень крутая закрытая вечеринка, как ты туда попала?! – закричал Петя.

Саша пожала плечами:

– Шла себе и шла.

Постепенно зал заполнился, на экране появилась надпись известного бренда, на сцену вышел один из ее любимых актеров. Ничего себе она попала!

Саша взяла просекко, пару закусок и оглянулась в поиске свободных мест. За высоким столиком стоял мужчина, погруженный в свой телефон. Саша аккуратно поставила бокал на край стола.

– Недурно они здесь всё организовали, – буркнул мужчина, не поднимая глаз.

На бородатом типе лет пятидесяти была кожаная куртка, под ней белела футболка, через плечо висел мешковатый коричневый потертый портфель.

– Ага, – поддакнула Саша.

– Вы продюсер?

Саша покачала головой.

– Сценарист?

– Нееет, – ухмыльнулась Саша.

– Неужели актриса? – Он наконец-то поднял глаза, чтобы проверить, подходит ли она на эту роль. – Хотя вряд ли, – тут же добавил он.

Саша пожала плечами. Тоже мне.

– Я здесь случайно. Я вообще не отношусь к киноиндустрии.

– Да ну, – присвистнул мужчина, – это самая крутая вечеринка года, – и он обвел руками помещение, – здесь решаются самые важные сделки, заключаются самые крупные контракты, связи, влияние, как вы могли сюда попасть?

– Просто шла. Интуиция, – засмеялась Саша.

– Ничего себе, вот бы мне такую.

– Ну это дело наживное.

Мужчина прищурился:

– Спорим, у вас есть история.

– Даааа, – загадочно протянула Саша.

– Я – одно большое ухо, – поднял бокал мужчина.

Саша засмеялась. Вспомнив, что так говорит Паола. Мужчина вызывал у нее доверие. Большой, улыбающийся и открытый.

– Ну тогда слушайте… Однажды я приехала в Геную…

Она всё говорила, говорила, а мужчина смотрел на нее, не отрывая глаз. Как только Саша замолчала, мужчина подозвал официанта и попросил еще два бокала просекко. Протянул один Саше и сделал с ней «чин-чин».

– Классная история, – прямо фильм. Можно так и назвать «Рецепты гедониста».

Саша достала из сумки книгу:

– Вот, это биография Паолы, она переведена на пять языков и стала бестселлером.

– А вы можете сделать из этой книги сценарий?

Саша вздохнула, набрала в рот воздух и постепенно выпустила его наружу:

– Эээээ…

На минутку Саше показалось, что зашла Раиса Марковна, но то была ложная тревога.

– Конечно! – выпалила Саша.

Мужчина полез в карман пиджака и достал визитку:

– Вам достаточно написать синопсис, опишите идею и отправьте мне. Думаю, может получиться неплохой фильм. Мы, французы, обожаем такие легкие фильмы об искусстве жизни, l'Art de Vivre.

Ну я пошел, приятно было познакомиться, продолжайте прислушиваться к интуиции, – он подмигнул, помахал Саше рукой и удалился.

* * *

– Ты вообще знаешь, с кем говорила?! – Петька тряс визитку. – Это же самый крутой французский режиссер, как, ну не знаю… – Петька захлебывался от волнения, – как Вуди Аллен Франции.

– Круто, – улыбнулась Саша.

– Это не просто круто, это невероятная удача! Я помогу тебе написать синопсис.

– Да ладно, может, он сказал это из вежливости.

– Не думаю. – Петька продолжал пялиться в визитку.

Саша уселась за столиком, заказала кофе, достала из сумки блокнот. Открыла и записала. «Синопсис. Фильм «Рецепты Гедониста»…

А в голове звучали слова:

«Хочешь писать – пиши!

Хочешь танцевать – танцуй!

Хочешь надеть шелковое платье, сесть на скалу и писать, рисовать, любуясь на море, сделай это!»

* * *

На берегу резвилась лохматая собака и такая же лохматая девочка. Она собирала в красное ведерко камни.

– Вот, мама, держи, сегодня будем их раскрашивать.

Девочка поставила ведерко на землю, отряхнула руки и забралась на мамины колени.

– Мама, а расскажи про бабушку.

– Котик, я же рассказывала тебе много раз, – мама пригладила лохматые волосы дочки, но шаловливый ветер снова растрепал их в разные стороны.

– Ну и что, всё равно интересно. Она была как и ты? Писала книги и кино?

– Она была и писательницей, и меценатом, это значит, что она помогала художникам, а еще она была гедонистом.

– Это что? – Девочка взяла круассан, вывернула его наизнанку, оторвала крохотный кусочек и съела.

– Гедонист – это тот, кто радуется каждому дню и получает от жизни удовольствие.

Девочка задумалась и широко улыбнулась своим наполовину беззубым ртом.

– Мама, так мы с тобой настоящие гедонисты, правда? – Она сняла пенку на мамином капучино и отправила себе в рот.

– Правда, милая. Мы с тобой настоящие гедонисты.

И она поцеловала зеленые, цвета базилика, глаза дочки.

Всё было до того идеально: это нежно-розовое небо, белый парус, приколотый булавкой к морской синеве. Нежный ветерок, звон колокола в церкви и пиния на скале. И это ощущение. Совершенной уверенности, что всё это она заслужила и расплаты за хорошее не наступит.

Саша медленно выдохнула и улыбнулась.

Десерт – молочный пудинг (budino al latte)

Ингредиенты:
600 мл молока
100 г сахара
4 яйца
1 палочка ванили

Процесс:

1. В кастрюле вскипятите молоко с сахаром, добавьте взбитые яйца и стручок ванили и готовьте, продолжая помешивать, в течение минуты.

Вылейте смесь в форму для пудинга, поместите форму в кастрюлю с водой, затем в духовку и варите так 20 минут при 180 ˚C, пока на поверхности пудинга не образуется золотистая корочка.

2. Достаньте из духовки, остудите и переверните пудинг на сервировочное блюдо.

3. Подавайте холодным.

Благодарности

Эта книга не получилась бы, если бы не девушка ОМ, которая поделилась со мной своей личной историей.

Если бы не художница и арт-терапевт Надежда Навроцкая и ее «сенситивный» подход к чувствованию жизни, которые вдохновили меня на книгу.

Спасибо главному и первому читателю Наташе Кочетковой за ее бесконечную поддержку.

Я также благодарю всех своих бета-ридеров Кристину, Елену, Иру, Вику, Юлю из Берлина, Юлю из Минска, которые поддержали мою идею. И всех своих подписчиков, которые терпеливо ждали «Однажды в Лигурии».

Особая благодарность Анне Васильевой, тонкий вкус которой придал истории нужную эстетику. Спасибо ее мужу, шеф-повару Луке, за секрет авторского песто.

Спасибо всем местным лигурийским жителям, которые так или иначе вплетены в историю.

Спасибо моей маме, которая постоянно сравнивает мои книги со своими любимыми международными бестселлерами и всё еще верит, что я способна на такой же.

Спасибо моему редактору Анне за потрясающее чувство юмора и веру в идею гастрономического романа.

И, конечно, моему мужу, который терпит, как я, создавая гастрономические романы, не всегда создаю еду на нашей кухне, и с удовольствием делает это за меня. Amore, senza di te non sarebbe possibile. Ti amo.

Любые совпадения случайны и являются вымыслом автора

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261